

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University
Humanities & Social Sciences**

2022 15 (5)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2022 15(5)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Eriplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор С.В. Хазаржан. Корректор И.А. Вейсиг
Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

№ 5. 30.05.2022. Индекс: 42326. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издательства: 660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 79, оф. 32-03

Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 24.05.2022. Формат 84х108/16. Усл. печ. л. 13,7.
Уч.-изд. л. 13,2. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 15828.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

CHIEF EDITOR

Natalia Koptseva – Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Department of Culture Studies (SFU).

EDITORIAL BOARD

Evgeniya E. Anisimova, Doctor of Philological Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Alexander Y. Bliznevsky, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Evgeniya A. Bukharova, Candidate of Economic Sciences, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Sergey V. Devyatkin, Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise, Veliky Novgorod

Sergey A. Drobyshesky, Professor, Doctor of Juridical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Maria A. Egorova, Professor, Doctor of Law, Kutafin Moscow state law University (MSAL)

Denis N. Gergilev, Candidate of Historical Sciences, docent, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

Konstantin V. Grigoriev, Doctor of Sciences (Sociology), Irkutsk State University

Darina Grigorova, Candidate of Sciences (History), Professor, Sofia University “St. Kliment Ohridski”

Tapdyg Kh. Kerimov, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Yekaterinburg

Alexander S. Kovalev, Doctor of History, docent, professor at the Department of Russian History, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Modest A. Kolerov, Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, the information agency REX, Regnum (Moscow)

Vladimir I. Kolmakov, Doctor of Sciences (Biology), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Alexander A. Kronik, PhD, Professor, Howard University, USA

Liudmila V. Kulikova, Professor, Doctor of Philological Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philological Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Pavel V. Mandryka, Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Marina V. Moskaliuk, Doctor of Sciences (Arts), Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts

Boris Markov, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Saint-Petersburg State University

Valentin G. Nemirovsky, Professor, Doctor of Sociological Sciences, Tumen State University

Nicolay P. Parfentyev, Professor, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Art History, Professor, Corresponding Member of the Peter the Great Academy of Sciences and Arts, National Research South Ural State University, Chelyabinsk

Natalia V. Parfentyeva, Professor, Doctor of Art History, Member of the Composers of Russia, Corresponding Member of the Peter the Great Academy of Sciences and Arts, National Research South Ural State University, Chelyabinsk;

Nicolai N. Petro, PhD, Professor of Social Sciences Rhode Island University, USA

Roman V. Svetlov, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Saint-Petersburg University

Andrey V. Smirnov, Doctor of Philosophical Sciences, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy RAS, Moscow

Olga G. Smolyaninova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of RAE, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Aleksey N. Tarbagaev, Doctor of Law, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Elena G. Tareva, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Moscow State Linguistic University, the Higher School of Economics

Zoya A. Vasilyeva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Irina V. Shishko, Professor, Doctor of Juridical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Evgeniya V. Zander, Doctor of Economic Sciences, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

CONTENTS

History

**Valentina N. Asochakova, Marat N. Chistanov
and Svetlana S. Chistanova**

Christianization and the Indigenous Population of the Khakass-Minusinsk Territory:
Problems of Transformation 586

Elena P. Mamysheva and Lyudmila V. Yuyukina

History of public education in Khakassia (Second Half of the 19th – Beginning
of the 21st Century) 597

Evgenii V. Prishchepa

Khakass Underground and Semi-Underground Dwellings: Problems of Studying
and Typology 606

Elena E. Tinikova and Valentina N. Tuguzhekova

Capitals of the National Republics of the Sayan-Altai Region in 1945–2020 614

Archeology

Sergey V. Bereznitsky

Ethnocultural, Social and Mental Features of Suicide in the Society of the Indigenous
Peoples of the North 626

Elena A. Chereneva and Irina Ya. Stoyanova

Pathopsychological Model of Self-Regulation in Children with Cognitive Impaired Health 637

Nataliya A. Korol, Grigoriy A. Illarionov

and Viacheslav I. Kudashov
Conceptualization of Cognitive Relativism as a Socio-Cultural Problem 652

Natalia P. Koptseva and Alexandra A. Sitnikova

Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk
Municipal District: Methodological Approaches to Research 666

Irina A. Antoshchuk, Ekaterina L. Dyachenko

and Viktoriia Yu. Ledeneva
Transnational Academic Mobility and Scientific Knowledge Production:
Effects and Mechanisms of Impact 679

Ekaterina A. Sertakova, Natalya M. Leshchinskaya,

Mariya A. Kolesnik and Anastasiya V. Kistova
Ethnocultural Dynamics of the Indigenous Peoples of Yenisei Siberia in Research
Works of 2010s-2020s 702

Tatiana Iu. Sem

Stages of the Tungus-Manchu Wedding Ceremony of the 19th-early 20th Centuries
as an Indicator of the Ethnocultural Mentality 717

Igor R. Tantlevskij

Elements of Pejorative Wordplay and Language of Enmity in the Qumran Commentary
on Nahum in Historical-Religious Context 727

Victor Ya. Butanaev, Sergey G. Skobelev

and Alexander V. Chumanov
To the Question of Location of the First Achinsk “Ostrog” 741

History

DOI: 10.17516/1997-1370-0790
УДК 93/94; 130.2, 009

Christianization and the Indigenous Population of the Khakass-Minusinsk Territory: Problems of Transformation

Valentina N. Asochakova, Marat N. Chistanov
and Svetlana S. Chistanova*

*Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation*

Received 01.04.2021, received in revised form 01.05.2021, accepted 06.07.2021

Abstract. The transformation of the indigenous population of the Khakass-Minusinsk Territory implies a change from the nomadic lifestyle to the sedentary. Christianization was the factor that influenced the change in lifestyle significantly.

The article proposes a six-stage periodization of Christianization of Siberia, an analysis of archival materials showing changes in the beliefs and everyday religious habits of the Khakasses, in relation to the clergy and the Russian-speaking population.

In conclusion, the authors consider the reasons for the formation of religious syncretism. The Khakasses formally adopted the Orthodox faith, continuing to turn to shamans when necessary. The authors discuss the topic of rejecting Orthodoxy in everyday life; reveal the differences and common features of Christian teaching and religious beliefs of the Khakass people. For example, Christianity proclaimed the idea of human domination over nature, the Khakass worldview believed in the equality of all living creatures. However, some of the biblical commandments corresponded to the traditional views of the Khakass people about life; they contributed to the mutual assimilation of religious ideas.

Further development of the topic of the indigenous population transformations at the Khakass-Minusinsk Territory involves the study of the Christianization influence on the language and non-religious everyday rituals. The materials of this article allow us to conclude that not only the religious policy of Russia, but also the migration of the Russian-speaking population led to changes in the lifestyle.

Keywords: nomadic lifestyle, sedentary lifestyle, Christianization of Siberia, Orthodoxy, shamanism, religious syncretism, migration of the Russian-speaking population.

Research area: culturology, history of Russia.

Citation: Asochakova, V.N., Chistanov, M.N., Chistanova, S.S. (2022). Christianization and the indigenous population of the Khakass-Minusinsk territory: problems of transformation. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 15(5), 586–596. DOI: 10.17516/1997-1370-0790

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: asocvn@mail.ru, maratc@gmail.ru, chistanovaSS2417@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5714-3729 (Asochakova); 0000-0001-9002-5604 (Chistanov)

Христианизация и коренное население Хакасско-Минусинского края: проблемы трансформации

В.Н. Асочакова,

М.Н. Чистанов, С.С. Чистанова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Российская Федерация, Абакан

Аннотация. Трансформация коренного населения Хакасско-Минусинского края подразумевает изменение кочевого образа жизни оседлым. Фактором, повлиявшим на смену образа жизни, явилась христианизация.

Статья предлагает шестиступенчатую периодизацию процесса христианизации Сибири, анализ архивных материалов, показывающих изменения в верованиях и бытовых религиозных привычках хакасов, в отношении к духовенству и русскоязычному населению.

В заключение авторы рассматривают причины формирования религиозного синкретизма. Хакасы формально принимали православную веру, продолжая обращаться к шаманам при необходимости. Авторы рассуждают на тему неприятия православия в быту, раскрывают различия и общие черты христианского учения и религиозных представлений хакасского народа. Например, христианство провозглашало идею господства человека над природой, хакасское мировоззрение исходило из равноправия всего живого. Но часть библейских заповедей соответствовали традиционным представлениям хакасов о жизни, именно они способствовали взаимному усвоению религиозных представлений.

Дальнейшее развитие темы трансформаций коренного населения Хакасско-Минусинского края предполагает изучение влияния христианизации на язык, нерелигиозные бытовые обряды. Материалы представленной статьи позволяют сделать вывод, что к изменению образа жизни привела не только религиозная политика России, но и миграция русскоязычного населения.

Ключевые слова: кочевой образ жизни, оседлый образ жизни, христианизация Сибири, православие, шаманизм, религиозный синкретизм, миграция русскоязычного населения.

Научная специальность: 24.00.00 – культурология, 07.00.02 – отечественная история.

Введение

Конфессиональный фактор сыграл в этноисторическом процессе огромную роль, а переход от кочевого/полукочевого образа жизни к оседлому изменил всю систему жизни этноса. Факторами трансформации коренных народов Сибири, о которых пойдет речь в данной статье, стали миграции русскоязычного населения с XVII в. и политика христианизации.

С начала XVII в. российская религиозная политика в отношении коренных народов Си-

бири была частью государственной политики, пытавшейся разработать единую концепцию уклада для всех сфер жизни и для всех территорий. Со временем сферы деятельности светских и духовных властей разделились, светские власти продолжали заниматься экономическими и геополитическими вопросами, а духовные – мировоззренческими. Это позволило сменить насильственные методы христианизации политикой веротерпимости, в то же время оставив за Русской православной церковью некоторую монополию. Кроме

того, была разработана система миссионерства, принципы работы, способы контроля.

Теоретическая основа

Процесс христианизации Сибири можно разделить на шесть периодов (Asochakova, Chistanova, 2018):

- в первый период, XVII в., в Сибирь пришли поселенцы, промысловики и казаки, через них состоялось знакомство местного населения с христианством, именно их можно назвать первыми мигрантами. Для того чтобы за ними последовали другие переселенцы, требовались усилия по созданию условий по реализации важнейших потребностей, в том числе духовных;
- второй период, XVIII в., до 1764 г. характеризуется тем, что крещение народов, населявших Сибирь, происходило бессистемно, часто применялись насильственные методы. Именно в этот период был официально закреплен статус «новокрещенный», начали создаваться первые миссионерские учреждения;
- в третий период, в конце XVIII в., были созданы епархиальные миссионерские структуры, в государственной политике объявлен принцип веротерпимости, выделено финансирование на строительство церквей. В то же время просветительские методы обращения народов Сибири в новую веру все еще оставались на заднем плане;
- в следующий период христианизации, четвертый, в начале XIX в., религиозная политика государства опять изменилась в сторону нерелигиозных методов, практиковался отказ от массовых крещений, появились походные церкви и миссии;
- к середине XIX в. изменились цели христианизации, государство жестко контролировало церковь, требуя бороться с любым проявлением иных религий;
- в последний период процесс христианизации формально был окончен; государство осознало необходимость введения политики русификации, основной задачей которой было привязать коренные народы Сибири к России, но на деле это привело к этнической консолидации и противодействию христианству.

Постановка проблемы

Коренное население Хакасско-Минусинского края с момента своего вхождения в Российское государство также подвергалось христианизации. К 60-м гг. XIX в. процесс крещения затронул почти половину хакасов – 49,4 %, к концу этого же столетия в православие обратились почти все хакасы.

Фактически религиозное сознание вновь обращенных хакасов представляло собой пеструю картину, включающую элементы христианского и языческого мировоззрения. Часть этой картины мы попытаемся представить в предлагаемой статье.

Методы

В работе над данной статьей использован комплекс опубликованных и архивных источников. С точки зрения структуры информации это преимущественно документы делопроизводственного, законодательного и статистического видов. Нарративные источники представлены сочинениями путешественников, чиновников, а фольклорные материалы хакасского этноса собраны известными хакасскими учеными Н.Ф. Катановым, С.Д. Майнагашевым. Часть источников вводится в оборот впервые. Кроме того, авторы проанализировали современную литературу о взаимодействии православных идей и традиционного мировоззрения различных народов. Впервые типология религиозного синкретизма народов с учетом стадияльной теории в контексте христианизации Сибири и Дальнего Востока была предложена авторами известного сборника «Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири» (Vdovin, 1979): 1) первобытный (характеризующийся целостностью/нерасчлененностью первобытного разума); 2) центрально-азиатские влияния (буддизм и ламаизм); 3) христианские влияния.

А.М. Сагалаев рассматривал христианизацию как процесс, приведший к изменению всех подсистем культуры и внутренней перестройке этнических организмов. С конца прошлого столетия появились исследования Т.В. Жеребиной о «якут-

ском православии», православии у хантов Е. Главацкой, христианизации мусульман Тобольской губернии Г.Ш. Мавлютовой, хакасов – В.Н. Асочаковой, алтайцев – М.Н. Колоткина и др. Эти исследования затрагивали такие стороны христианизации, как история распространения православия, методика христианизации и земельная политика. Современные исследователи обращают внимание на тесную взаимосвязь колонизации и христианизации, влияние государства, церкви и этнокультурных стереотипов контактирующих этносов в результате реализации локальных вариантов государственной модели христианизации (Sagalaev, L'vova, Oktiabr'skaia, Usmanova, 1988; Asochakova, 2011; Glavatskaia, Gherebina, 2011; Kolotkin, 2003; Mavliutova, 2016; Pul'kin, 2010; Nikolaev, Chumakova, 2008).

Обсуждение

Упомянутое в периодизации христианизации название «новокрещенные» показывает культурное «маргинальное» состояние христиан-неофитов. В церковных и административных документах они обозначались как «крещенные инородцы / татары».

Среди хакасов сохранялось деление на сеоки (родовые общины), которые по-разному подвергались крещению. Так, более всего христианство распространилось среди койбалов и кызыльцев, менее всего – среди качинцев. Сагайцы и бельтыры сохранили верность традиционной вере, формально приняв православие. Новокрещенные хакасы приписывались к церковным приходам, часть из них проживала на постоянном месте. Функции РПЦ в Хакасско-Минусинском крае в общем были традиционными: исполнение православной обрядности, регулирование семейно-брачных и морально-этических отношений. Но отдаленность и малозаселенность местности, низкий профессиональный уровень духовенства дали скромные результаты деятельности миссионеров: к середине XIX в. православием было охвачено в два раза меньше населения, чем установлено нормами. Христианизация хакасов осуществ-

лялась в трех формах: первая – это целенаправленная государственная политика, осуществляемая служителями на казенном содержании через ружные церкви; вторая – ведомственная – через белое духовенство посредством проповедей или насильственного обращения «инородцев-язычников». Третья – через непосредственные контакты с носителями православной веры в процессе совместной хозяйственной деятельности, повседневной жизни.

Формальное увеличение количества хакасов, ведущих оседлый образ жизни, возрастание роли и доли земледелия, появление смешанных семей, метизация коренного населения являются видимыми показателями распространения христианизации, результатом государственной политики. Хакасы, которые начали вести оседлый образ жизни, стали работать по найму и жить в русских поселениях.

Северные качинцы, крещенные в XVII–XVIII вв., проживали оседло в деревнях под Красноярском – Базаихе, Бугачевой, Торгашиной и др. И.Г. Гмелин писал о Козьме Шахове, новокрещеном беглеце из деревни Шунерская в 40-е гг. XVIII в. (Pallas, 1788). К концу XVIII в. в деревнях Антоновой, Бейской, Беллыцкой, Бескишенской, Ильтековой, Каптыревой, Курганчиковой, Синявиной, Сыдиной, Чернокомской, Шушенской, Якушевой, в селах Балахтинском, Курагинском в Абаканском остроге русские и хакасы жили вместе и оседло. Позже таких населенных пунктов стало больше – деревни Белоярская, Каменка, Качулька, Очурская, Сарагашская, Телецкая, Шунерская, станицы Каратузская, Таштыпская, села Курбатовское, Ужурское, Шарыповское и др.¹ А.Н. Костров упоминает в своих записях, что качинцы «забыли не только родные обычаи, но и родной язык» (Kostrov, 1852).

Сагайские сеоки также не сохранили своей изолированности. К 1854 г. в селах Бейском, Очурах, Шушенском, в деревнях Батеней, Байкаловой, Бича, Бородинной, Каптыревой, Кольская, Крапивинной, Означенной, Сухой Ербе, Теси, Толчее,

¹ НАРХ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 10. 13 л.

Усиной, Усть-Ербе, Усть-Сыда, Шунерах, всего в 29 населенных пунктах, среди русских проживали 466 сагайцев из Карачерского, Кивинского и других улусов. В Абаканском, Аскизском, Бараитском, Бейском, Градоминусинском, Новоселовском и Шушенском приходах числились качинские, койбальские и бельтирские фамилии. В Качинской степной думе только в 1843 г. к оседлой жизни перешел 241 человек, в целом 239 мужчин и 231 женщина стали крестьянами, среди них было 8 человек из казановского рода, 9 – из карачерского, 10 – из ближнекаргинского, 13 – из бельтырского, 13 – из сагайского второй половины, 15 – из сагайского первой половины.²

В 1844 г. решением Енисейской казенной палаты в крестьянское сословие в деревню Кортусскую был переведен Четушкин, представитель дальнекаргинского рода; в деревню Койскую – Дадаев, Тухтегешев и еще 13 человек ведомства степной думы соединенных разнородных племен. Василий Тихонович Дадаев, как утверждает в документах, «с малых лет жил у русских в услугах, приобрел их обычаи». Ясачные при переходе в оседлые освобождались от ясачной и рекрутской повинностей³. Эта тенденция сохранялась, в 1955 г. еще 15 человек было уволено из ясачного сословия⁴.

Новокрещенные записывались не только в крестьяне, но и в казаки. Делопроизводственная документация показывает сложность взаимоотношений среди казаков разной национальности. Войсковой старшина Суриков, будучи командиром Енисейского казачьего конного полка, так описывал в жалобе нежелание ему подчиняться: «Иногородцы, поступившие в состав полка, при собраниях иногородцев с других деревень подают мысль о своей независимости от казачьего ведомства».

Стоит отметить, что межэтнические конфликты были не только среди казаков. Иван Степанов и Иван Веселовский,

ясачные Качинской степной думы, проживавшие в деревне Старо-Заледеевой, имевшие «дома, немного скотоводства и хлебопашество», обращались с жалобой, что «крестьяне этого села притесняют и принуждают караулы исправлять для поиска разбойников наряду с крестьянами», кроме того, «не дают сенокос» и даже отнимают имеющиеся покосы⁵. В деревне Старо-Заледеевой было три дома крещеных ясачных.

Гораздо реже случались переходы в мещанское сословие, но тем не менее такое происходило. Алексей Амзараков, представитель сагайского рода 2 половины, перешел в мещанское сословие г. Иркутска⁶.

В целом по Енисейской губернии доля ясачного населения в период с 1823 по 1861 г. уменьшилась с 18 до 12,6 %. Вместе с этим выросла доля оседлого населения. Однако оставивших кочевой и бродячий образ жизни хакасов было всего 4,4 %. Минусинский земской исправник в своем докладе в 1864 г., когда российское правительство заинтересовалось, почему местное крещеное население не переходит массово к оседлой жизни, указывал на недостаточную работу властей в этом направлении. Кроме того, причины крылись в том, что степь неблагоприятна для земледелия, это вызывало «бедственное положение ясачных при переходе к оседлой жизни». Помимо этого, представители православного духовенства мало рассказывали новокрещеным «о пользе оседлой жизни и невыгодной жизни при закоренелом суеверии язычниками». Предлагалось выдавать крещеным «иногородцам» орудия труда для земледелия, это могло помочь переходу к оседлому образу жизни, но первооснова всего – «только собственное их самих желание, ибо они к этой жизни приохочиваются сами собой».

Согласно архивным данным, в 60-е гг. XIX в. на каждого хакаса, ведущего оседлый образ жизни, приходилось в год 0,9 десятины пашни, 18 пудов сена, 2 лошади, 1,6 головы крупного рогатого скота, 3

² НАРХ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 10. 13 л.

³ НАРХ. Ф. И.-2. Оп. 1. Д. 442. 3–6 об.

⁴ НАРХ. Ф. И.-2. Оп. 1. Д. 442. 3–6 об. Д. 572. 13 л.

⁵ НАРХ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 2. л. 16–16 об.

⁶ НАРХ. Ф.-2. Оп. 1. Д. 1243. Л. 2 об.

головы барана и 0,6 пуда хлеба. На каждого хакаса, ведущего кочевой образ жизни, приходилось 0,08 десятины пашни, 1,9 пуда сена, 0,4 лошади, 0,6 головы крупного рогатого скота, 0,06 головы барана и 0,06 пуда хлеба⁷.

Среди хакасского населения появилась новая, особая группа – отходники. Это люди, вынужденные покинуть свой улус и работать по найму, чтобы уплатить ясак. Условия найма для отходников могли быть словесными, достаточно было заявить о себе в присутствии двух свидетелей у родового старшины в «кинородческой управе» или степной думе. Отходники должны были платить ясак и могли покидать улус на период до 11 месяцев. Местные власти вели строгий учет отходников, поэтому нам известны их имена и места работы по найму. Среди таких мест упоминаются золотые прииски минусинского купца 2-й гильдии К. Е. Юрганова, почетного гражданина Денисова, Петропавловские прииски, винокуренный завод Сидора Щеголева, Ирбинский завод, Казанский винокуренный завод купца 2-й гильдии Ярилова и др. За 1861 г. было выдано 27 билетов⁸.

Все отходники должны были вернуться в свой улус после увольнения. На это отводился определенный отрезок времени. Если отходник не возвращался, то «... по минованию же оногo нигде ему праздно не жить и никому не придерживать, за опасение за противное взыскание по законам и предания суду»⁹.

Работа на золотых приисках была тяжелой, характеризовалась высокой смертностью наемных рабочих. Каскар Апосов умер 1 июля 1855 г. от чахотки. Остай Намачик из улуса Бельтирского был отправлен на золотой прииск до 1 октября 1855 г., но умер еще 2 августа от «горячечной болезни»¹⁰. Хозяева золотых приисков могли уволить наемного рабочего «за ослушание или нерадение», имели право перевести

с одного прииска на другой. Если рабочий прекращал работу раньше срока, то с ним производился расчет¹¹.

Среди других последствий христианизации стоит упомянуть ассимиляцию населения. В среде мигрантов женщин не хватало, это приводило как к бракам с хакасскими девушками, так и к приобретению женщин и превращению их в наложниц (Shashkov, 1972). Среди койбалов в XVIII – начале XIX в. сложилась особая группа «полурусских» – «чжарым-гызыхтар» (Sherstova, 2008). Более двух тысяч смешанных браков были зарегистрированы в Аскизском ведомстве за 1858–1890 гг. Хакасы, женившиеся на русских женщинах, возвращались в свои родные улусы. Это также привело к появлению новой группы метисов – «сала хазах», их антропологический тип был более европеоидным (Butanaev, 1987). В целом смешанные браки считались престижными, они не входили в конфликт с внутренней родовой организацией хакасов (Sherstova, 2008).

Традиционное родовое деление хакасов по сеокам (буквально – кость) сложилось до присоединения Хакасии к Российскому государству, оно продолжало существовать в XVII–XIX вв. наряду с административно-родовым делением. Однако после вхождения сеоки начали приобретать другие названия, менять роды и т. д. К середине XIX в. вместо названий сеоков начали использоваться фамилии. Под влиянием христианства стало появляться единобрачие, хотя многоженство, конечно же, сохранялось.

Крещеные хакасы ходили в церковь, правда, случалось это всего несколько раз в году по большим церковным праздникам (Рождество, Пасха, Николин день). Надолго они в церкви не задерживались, всей службы не стояли. В 1816 г. в Аскизском приходе на исповедь не явились 1287 новокрещеных из 1377, т. е. отсутствовали 93 % прихожан¹². По статистическим данным видно, что в 1894 г. ситуация была такой же:

⁷ НАРХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 796. Л. 9–19.

⁸ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. 445Л. 2, 4–4 об., 6–39.

⁹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 615. 150 л.

¹⁰ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. 445 Л. 3–6 об.

¹¹ НАРХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 572. Л. 6–12 об.; Д. 442. 9 л.; 793. 4 л.; Д. 794. 45 л.

¹² ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 136. Л. 187–192.

в Аскизском приходе на исповедь пришли 189 человек, в Верхне-Усинском – 41, в Сиявском – 89, в Усть-Абаканском приходе – 129, в Усть-Есинском – 511. Православные священники жаловались, что в обычные церковные праздники приходят 5–20 человек, на всенощную и заутреню коренные жители вообще не ходят. Один из миссионеров Усть-Абаканского прихода писал в заметках, что некоторые хакасы, особенно из далеких улусов, в церкви ни разу не бывали. Местные священники видели причину в разбросанности улусов на большие расстояния, удаленности улусов от храмов, ну и, конечно, в общем низком религиозно-нравственном уровне.

Уровень религиозного состояния новокрещеных описывал в XIX в. В. В. Радлов следующим образом: «Большинство сагаев и качинцев крещены, хотя понятие о христианской религии у них крайне ничтожно и шаманство продолжает сохранять свою прежнюю силу и влияние». С. В. Паллас отмечал то же самое на сто лет ранее. Этот факт упоминается в отчете о миссионерской деятельности в Енисейской епархии в 1887 г.: «Нет сомнения, что они верят в бога, искренне чтут христианские праздники, Богоявление Господне, день св. Николая (последний по преимуществу), но в то же время уровень их религиозно-нравственного просвещения так низок, что большая часть их только по названию христиане, преданы шаманам, и боятся их, и верят во все их кудесничества». В том же отчете отмечается, что миссионеры смогли добиться роста количества «говеющих, исповедующихся, заключающих церковный брак среди язычников».

В числе успешных мероприятий миссионеров стоит упомянуть поездки бывших язычников к святым местам. Так, например, в 1889 г. два паломника из новокрещеных ездили в г. Иркутск поклониться мощам Святителя Иннокентия. После поездки интерес к православию возрос: «Их пример повлиял и на других прихожан, которые изъявили желание съездить в г. Иркутск

с той же целью» – из сообщения священника Аскизского прихода¹³.

Таким образом, в конце 80-х гг. XIX в. среди священнослужителей существовало мнение, что «шаманство и языческие обряды у минусинских и ачинских инородцев ослабевают», что «общественные шаманские жертвоприношения, которые ранее были обыкновенными для инородцев, совершенно перестали существовать. Но все же к шаманам, как к знахарям, при болезнях инородцы не переставали обращаться, особенно в улусах, которые находились вдали от русских селений и церкви». Интересный факт описан в миссионерском отчете: у новокрещеных в Усть-Фыркальском приходе нашли языческие атрибуты, в качестве наказания их заставили ходить по десяти улусам с иконами в течение шести дней для совершения пасхальных молебнов, после чего они «покаялись больше никогда не обращаться к шаману и были отпущены домой»¹⁴.

Влияние русской традиции на обычаи и обряды местного населения проявилось лишь отчасти, хотя миссионеры и старались искоренить старинные «татарские» обычаи и обряды. Православных неофитов можно было заметить в обрядах поклонения небу, горам, земле, воде, по окончании которых готовились встречи рода. Все горные жертвоприношения совершались преимущественно с 1 до 19 июля, когда народ свободен от работ, так как с 21 июля началась пора сенокоса. К тому же к первому июля вырастали и все ягнята (Katanov, 2004).

Крещеные хакасы выполняли православные обряды, что описывали современники. А. Н. Костров записал: «Прося помощи всевышнего, он просто говорил (на родном языке): «Господи! Избави меня от всех худых дел! Господи, создавший мою душу! Спаси меня от всех грехов!». Принося клятву, говорили: «Бог убьет

¹³ Отчет Енисейского Епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1900 г. // ЕЕВ. 1901. № 7. 1 апреля. С. 12.

¹⁴ Отчет о миссионерской деятельности в Енисейской епархии за 1887 г. // ЕЕВ. 1888. 8. С. 102

меня!» или «Бог рассудит», они знают, что «Эрлик-хан – злой дух и источник всего дурного». Из всех праздников почитают Рождество Христово (Аргымак), Крещение (Мылтык-кюнь), Петров день (Петров-кюнь), Николин день (Миколин-кюнь), Светлое Христово воскресенье (Христов-кюнь). В праздничные дни в каждой юрте зажигали свечи, и все семейство молилось богу» (Kostrov, 1852). У Д.Е. Лаппо можно прочесть: «Они говорят – «Миром правит Кудай» (Ларро, 1903).

Описания поступков и рассуждений говорят о том, что религиозные представления крещеных язычников представляли собой двоеверие. Например, рассказ слепого старика о роли священника в его слепоте: «Слепой старик рассказывал, что к нему привязался дух «Чик Кёрмес», насылающий болезнь на глаза; прежде от нее избавляли шаманы; когда священник стал запрещать это, дух окончательно осилил его; теперь он слепой» (Mainogashev, 1916). Или обращение крещеного хакаса во время тяжелой болезни к шаману: он послал за «крещеным камом», чтобы тот с молитвою принес «идольскую жертву для выздоровления» (Mainogashev, 1916).

В заметках алтайского миссионера В. Вербицкого находим следующее: на проповеди «в числе слушающих был шаман, который, в общем, ему не противоречил, только не согласился с тем, что шайтан не может сделать зла человеку без допущения Божьего», утверждая, что Бог не могущественнее Эрлик-хана. Он же упоминает хакасскую поговорку «Кому не должно умереть, того камы не отнимут, кому от голада умереть, того и бог не спасет»¹⁵.

Двоеверие приводило к оригинальному симбиозу традиционных и христианских обрядов. Н. Ф. Катанов описывал некоторые обряды: в Крещение вместе с погружением креста в воду стреляли из ружья; свои традиционные виды хозяйственной деятельности соотносили с христианскими праздниками. Церковные праздники получили хакасские названия: 6 января – «Хысхы мылтык» (зимнее ружье); 3 февраля – день

Святого Симеона Богоприимца – «Хысхы Сомоноп»; Масленица – «Сырыг хайах» (желтое масло); Пасха – «Кызыл намырха» (красное яйцо); 9 мая – «Часхы Муколин» – весенний Николин день; 24 июня – «Алыг Пориис» (характерный Борис); 25 декабря – «Колееды»; 1 августа – «Чайгы мултык (летнее ружье)» (Katanov, 1897).

Крещеные хакасы очень уважали Святого Николая Угодника, в Николин день обязательно ходили в храм, его иконы были почти во всех юртах. Обычно это объясняется уважением язычников к старшим, а этого святого всегда изображают стариком. В некоторых юртах икону Святого Николая заменяла чайная этикетка с портретом хозяина чаеразвесочной фабрики в Иркутске, внешне походившего на святого и которого ошибочно некоторые принимали за святого Николая (Gladyshevskii, 2004).

Выводы

Анализ результатов христианизации хакасского народа позволяет сделать вывод о том, что христианизация хакасов – это не только результат целенаправленной государственной политики, но и следствие расселения русских по территории Хакасско-Минусинского края. Межэтническое взаимодействие, длившееся несколько столетий, было настолько разносторонним и глубоким, что сейчас мы уже не можем точно утверждать, какие явления и предметы исконно хакасские или русско-сибирские, какой этнос и что именно позаимствовал у другого.

Христианизация способствовала трансформации хозяйственной деятельности, активизации социальной мобильности, как вертикальной, так и горизонтальной, формированию религиозного синкретизма. В период, рассматриваемый нами в данной статье, хакасы оставались шаманистами. Формальное принятие веры, эпизодическое обращение к шаманским обрядам, негативное восприятие проявлений православия на бытовом уровне – это проявление двоеверия. Усилия представителей традиционного мировоззрения были направлены на единение с окружающим миром,

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1256. Л. 20. об

усилия же русских переселенцев больше на подчинение мира себе.

Стоит добавить, что христианское учение значительно уступало религиозному мировоззрению, которое было характерно для традиционных представлений хакасского народа о единстве, взаимозависимости, равноправии всего живого. Христианство провозгласило возможность потребительского подхода ко всему живому, выражало идею господства человека над природой, стремление извлечь из нее максимальную пользу (Linn, 1942). Такой потребительский подход к окружающей природе демонстрировали русские казаки на первых этапах заселения Хакасско-

Минусинской котловины. Это не способствовало пониманию хакасским народом христианского учения. Однако, вопреки различиям, можно выделить некоторые схожие элементы христианского учения и религиозных представлений хакасского народа. Схожей чертой является деление мира на три области – небесную, земную и подземную, представления о существовании различных духов. Библейские заповеди «не убий», «не укради» были свойственны для традиционного мировоззрения и русского, и хакасского народов. Сходные смыслы образовывали платформу, на которой происходило взаимное усвоение религиозных представлений.

Список литературы / References

- Aksiutin, Iu. M. (2018). Tsennostnye orientatsii i etnokulturaia komplementarnost' ghitel'ei Saiano-Altaia [Value orientations and ethnical and cultural complementarity of Sayano-Altai inhabitants], In *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem [Modern research of social problems]*, 10, 1–2, 99–106.
- Amogolonova, D.D. (2020). Religious policy in late imperial Russia: state and Orthodox Church in the Buryat spiritual space, In *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 13(7), 1056–1064. DOI: 10.17516/1997–1370–0625.
- Asochakova, V.N. (2011). *Zapadnosibirskaia model' khristianizatsii: kharakter, mekhanizm, osobennosti (na primere Khakassko-Minusinskogo kraia v XVII–XIX vv) [West Siberian model of Christianization: character, mechanism, features (on the example of the Khakass-Minusinsk region in the 17th-19th centuries)]*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk [dissertation author's abstract for the degree of Dr. for History sciences]. Tomsk, 43 p.
- Asochakova, V.N., Chistanova, S.S. (2018). Missionerskaia deiatel'nost' kak faktor osvoeniia Sibiri v XVII–XIX vv [Missionary activity as a factor in the development of Siberia in the 17th – 19th centuries], In *Genesis: istoricheskie issledovaniia [Genesis: historical researches]*, 12, 124–130.
- Butanaev, V. Ia. (1987). Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia khakasskogo aala (konets XVIII – nachalo XX v) [Socio-economical history of the Khakass aal (late 18th – early 20th centuries)]. Abakan, 175p.
- Chumakova, T.V. (2008). Pravoslavnye missionery i izuchenie religioznykh predstavlenii narodov Sibiri i Russkoi Ameriki v XIX v. [Orthodox missionaries and the study of religious beliefs of the peoples of Siberia and Russian America in the 19th century]. *Makar'evskie chteniia materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Makaryevsky readings materials of the VII international scientific conference]*, available at: <http://e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2008/index.html>.
- Dameshek, L.M., Dameshek I. L. (2018) Sibirskaiia reforma M. M. Speranskogo 1822 g. kak proiavlenie principov imperskogo regionalizma [Siberian reform M. M. Speransky 1822 as a manifestation of the principles of imperial regionalism], In *Vestnik Tomskogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 426, 88–93. DOI: 10.17223/15617793/426/10.
- Gherebina, T.V. (2011). *Shamanizm i khristianstvo [Shamanism and Christianity]*. Russkaia khristianskaia akademiia, 176 p.
- Gladyshevskii, A.N. (2004). K istorii khristianstva v Khakasii [To the history of Christianity in Khakassia]. Abakan, Izd-vo Khakasskogo gos. universiteta, 136 p.

Glavatskaia, E. Kogda umolknut vse bubny... Ot shamanstva k pravoslaviiu [When all the tambourines are silent ... From shamanism to Orthodoxy], *In Den' sa dnem [Day after day]*, available at <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=280>

Katanov, N.F. (1897). Otchet o poezdke, sovershennoi v 1896 g. v Minusinskii okrug [Report about a trip made in 1896 to the Minusinsk district]. Kazan', 61 p.

Kolotkin, M.N. (2003). Khristianizatsiia altaitsev v XVIII v. [Christianization of the Altai in the 18th century], *In Makar'evskie chteniia materialy II mezdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Makaryevsky readings materials of the II international scientific conference]*. Gorno-Altai, 21–29.

Kostrov, N.A. (1852). Kachinskie tatarsy [Kachin Tatars]. Kazan', Tipografiia gubernskogo pravleniia, 66 p.

Lappo, D.E. (1903). Troevery. Iz zhizni minusinskikh inorodtsev [Threevers. From the life of Minusinsk foreigners], *In Izvestiia Imperatorskogo Tomskogo universiteta [Bulletin of the Imperial Tomsk University]*, Tomsk, 11.

Linn, T.W. (1942). Khristianskii mif i khristianskaia istoriia [Christian myth and Christian history], *In Ghurnal istorii idei [Idea History Journal]*, 3 (2), 145–158.

Mainogashev, S.D. (1916). Otchet o poezdke k turetskim plemenam doliny r. Abakan letom 1913 goda [Report about a trip to the Turkish tribes of the river valley. Abakan in the summer of 1913]. Petrograd, 111 p.

Mavlutova, G. Sh. (2016). Khristianizatsiia musul'man Tobol'skoi gubernii b nachale XX veka [Christianization of Muslims of the Tobolsk province at the beginning of the XX century.], *In Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 411, 201–206.

Nikitin, A.P. (2018). Analiticheskaiia Filosofii i institutsional'naja ekonomika [Analytical Philosophy and Institutional Economy], *In Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 41, 24–31. DOI: 10.17223/1998863X/41/3.

Nikolaev, A. P. Pravoslavnaia zerkov' i shaman v Iakutii XVIII–XIX vv [Orthodox Church and shamans in Yakutia in the 18th – 19th centuries], *In Sibirskaia zaimka [Siberian Zaimka]*, available at: www.zaimka.ru/05_2002/nikolaev_shaman/.

Otchet Eniseiskogo Eparkhial'nogo komiteta Pravoslavnogo missiionerskogo obshestva za 1900 g. (1901). [Report of the Yenisei Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society for 1900], *In Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti [Yenisei Diocesan Gazette]*, 7, 12.

Pallas, P.S. (1788). Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva. Ch. 3, polovina pervaiia. 1772–1773 [Travel to different provinces of the Russian state. Part 3, the first half]. Sankt-Peterburg, 624 p.

Pul'kin, M.V. (2010). Prikhodskoe dukhovenstvo («popy») v karel'skikh epicheskikh pesniakh [Parish clergy («priests») in Karelian epic songs], *In Religiovedenie [Religious Studies]*, 4, 74–81.

Sagalaev, A.M., L'vova, E.L., Oktiabr'skaia, I.V., Usmanova, M.S. (1988, 1989). *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iughnoi Sibiri [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia]*, 1 *Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [Space and time. Material world]*, 2 *Chelovek. Obshchestvo [Person. Society]*. Novosibirsk, 225 p.

Shashkov, S.S. (1972). Rabstvo v Sibiri [Slavery in Siberia], *In Istoricheskie etudy [Historical sketches]*, Sankt-Peterburg, 10, 1–27.

Sherstova, L.I. (2008). Predstavleniia o «chughikh» v mental'noi traditsii aborigenov Iughnoi Sibiri [The concept of «strangers» in the mental tradition of the aborigines of southern Siberia], *In Narodonaselenie Sibiri: strategii i praktiki mezhkul'turnoi kommunikatsii (XVII – nachalo XX veka) [Population of Siberia: Strategies and practices of intercultural communication (XVII – early XX century)]*, Novosibirsk, 170.

Vdovin, I.S. (1979). Vliianie khristianstva na religioznye verovaniia chukchei i koriakov [The influence of Christianity on the religious beliefs of the Chukchi and Koryaks], *In Khristianstvo i lamaizm u korenno naseleniia Sibiri (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v) [Christianity and Lamaism among the indigenous population of Siberia (second half of the 19th – early 20th centuries)]*. Leningrad, Nauka, 86–114.

Список сокращений

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ЕЕВ – Енисейские епархиальные ведомости

НАРХ – государственное казенное учреждение «Национальный архив Республики Хакасия»

РГИА – Российский государственный исторический архив

DOI: 10.17516/1997-1370-0802
УДК 37:94 (571.513).07/.08

History of public education in Khakassia (Second Half of the 19th – Beginning of the 21st Century)

Elena P. Mamysheva and Lyudmila V. Yuyukina*

*Katanov Khakas State University
Abakan, Russian Federation*

Received 28.03.2021, received in revised form 14.04.2021, accepted 06.07.2021

Abstract. The pandemic and the transition to distance learning caused objective difficulties in the field of education that requires working out new educational technologies, testing adequate methods of their implementation, and improving measures to support education as one of the priority areas of social development. Based on archival and official documents, the authors take advantage of the historical experience of the formation of public education in the country as a whole and in its regions, in particular. The article focuses on the problems of the formation of public education in Khakassia in the second half of the 19th – at the beginning of the 21st century. The purpose of the article is to analyze the main periods of the formation of public education in Khakassia that are caused by political events in Russia. There were singled out three stages of education development: Pre-Soviet, Soviet, and modern.

Keywords: public education, Khakassia, pre-Soviet period, reform, school, university, professional education.

Research area: 07.00. 00 – history and archaeology

Citation: Mamysheva, E. P., Yuyukina, L.V. (2022). History of public education in Khakassia (second half of the 19th – beginning of the 21st century). J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(5), 597–605. DOI: 10.17516/1997-1370-0802.

Из истории народного образования в Хакасии (вторая половина XIX – начало XXI в.)

Е.П. Мамышева, Л.В. Ююкина

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Российская Федерация, Абакан*

Аннотация. В условиях пандемии и перехода на дистанционное обучение в сфере образования обнажились объективные трудности, преодоление которых требует отработки новых образовательных технологий, апробации адекватных форм и методов их реализации, совершенствования мер по поддержке образования как одной из приоритетных сфер общественного развития. В этой связи возрастает необходимость обращения к историческому опыту становления народного образования в целом по стране и в ее регионах в частности. В центре внимания статьи – проблемы становления народного образования в Хакасии во второй половине XIX – начале XXI вв. В течение указанного периода в сфере образования накопился значительный положительный опыт решения сложных проблем. Цель статьи – проанализировать основные этапы становления народного образования в Хакасии, которое происходило под воздействием общероссийских факторов и условий. В исследовании учтены последние достижения в области историко-педагогических наук, использованы архивные документы, официальные документы.

Ключевые слова: народное образование, Хакасия, досоветский период, реформа, школа, университет, профессиональное образование.

Научная специальность: 07.00. 00 – исторические науки и археология.

Introduction

The growing interest in the history of the education system is associated with the necessity to find new methods and forms of organizing educational work. It requires rethinking of the historical and pedagogical experience, important information about the origins and ways of development of the education system in Khakassia and in Russia as a whole. In this regard, regional historical and pedagogical research is particularly relevant and important.

Among the historical and pedagogical works devoted to the study of this issue, the works of scientists of the post-Soviet period deserve special attention. These are the works of A. P. Belikova, G. F. Bykonya, K. I. Sultanbaieva and many others (Belikova, 2006, pp. 86–89; Bykonya, 2015, p. 264; Sultanbaieva, 2014, pp. 107–111; 2018, pp. 101–111). A significant contribution to the development of the problem was made by the staff of the State Institution of the Republic of Khakassia «National Archive»,

that prepared a collection of documents from the funds specializing in the history of the development of public education in Khakassia in 1831–2008 (Public Education, 2020, p. 252).

Statement of the problem

The development of the education system in Khakassia¹ was influenced by All-Russian and local factors that determined the stages and results of its formation. In its development, education has undergone all historical peculiarities of all periods of the national history – pre-Soviet, Soviet and modern.

¹ In pre-revolutionary Russia, the Khakassians (in Minusinsk, Achinsk, Abakan), who were called Tatars, in 1822 were classified as nomadic foreigners. Four Steppe dumas were created as part of the Achinsk and Minusinsk districts of the Yenisei Province to manage them. In 1923, the territory inhabited by the Khakassians was separated from the Minusinsk and Achinsk uyezds into an independent uyezd, which was transformed in 1925 into a district. In 1930 it was transformed into an autonomous region, first as a part of the West Siberia, and since 1934 as part of the Krasnoyarsk Krai.

Discussion

The clearest picture of the development of education can be seen in consistency of the reforms. According to researchers, the peculiarity of the Pre-Soviet period is that all reforms in education were initiated by a definite person – the emperor, a minister or a prominent statesman at the court (Sitarov, 2019, p. 201). The supporters of Alexander I, M.M. Speranskii and V.N. Karazin, implemented the first fundamental educational reforms at the beginning of the 21st century (Boguslavskii, 2006, pp. 6–7). In 1802, the reforms of state administration in Russia initiated creating the Ministry of Public Education, Youth Education and the Dissemination of Sciences. It was the first central state body that was responsible for the education and upbringing of citizens. It was important that the Ministry of Public Education developed a complete and coherent plan for the organization of a unified education system (including four stages) in 1803. Alongside the achievements of the project to create a coherent system of educational institutions, there were many other large-scale tasks in the field of education. The most important was the education of the peoples of Russia.

The first attempt to create a national school for the education of children of the Yenisei Province was made in 1831, but it was unsuccessful because of financial difficulties. The primary church schools for peasant children, opening of which was recommended by the Synod in 1839, did not become widespread.

The liberal reforms of the 1860s–70s opened a new page in the development of education of the Siberian peoples. During the implementation of the reforms in pre-revolutionary Khakassia, there were different types and stages of school education, as well as private and home education. In 1863 the first single-class school for Khakas people was opened in the village of Ust-Abakan; it was subject to the department of the Ministry of Public Education (Mokhov, Mokhova, 2009, p. 27). In 1867, the ministry schools were opened in the villages Ust-Yerba and Khizinzhal. There is no information about their activities in subsequent years, that is why researchers assume that they functioned no more than a year (Ibid, p. 29).

Another ministry school was opened in 1869 in the village Askiz in the centre of the Sagai Steppe Duma. A major gold miner P.I. Kuznetsov took an active part in its opening. A little later, some schools were opened in the village of Beia and Tashtyp, which were under the jurisdiction of the Ministry of Public Education (MPE). A great attention was paid to the study of general education subjects at schools. It should be emphasized that during that period there were made attempts to create unified textbooks. For instance, the Ministry of Public Education of the Russian Empire recommended using «a special catalogue of ABC-books, books for reading, textbooks on arithmetic and geography in primary public schools in 1871»².

Church parish schools (hereinafter referred to as CPS) also belonged to the mass educational institutions of the primary school for the indigenous peoples. According to the «Rules of Church parish schools (June 13, 1884)», they were supposed to be a reliable protection of the truths of the Orthodox faith «and a means of cultivating loyalty to the tsar and the fatherland». On June 24, 1884 the Holy Synod called on the priests to be «responsible in their sacred service» in the cause of educating the indigenous peoples. The decree of the Ministry of Education called for all possible assistance to parochial schools. There were two types of parochial schools. Most of them belonged to the lower-level schools where pupils studied for two years. The second type included higher-level schools where pupils studied for four years. Until 1902 admission to the school did not require prior knowledge and tuition fees. The main subjects taught at the CPS were the Law of God, reading church and civil literature, writing, and elementary arithmetic. Only the latter was taught by non-ecclesiastical teachers (Bykonya, Fedorova, Cenyuga et al., 2014, pp. 61–62).

Changes in the education system took place after the First Russian Revolution. There were 50 schools in Khakassia in 1916: seven of them were ministerial and 13 were parochial. Orthodox missionaries witnessed the active inhabitants' desire for literacy: having graduated

² NARKh. F. I-2. Op. 1. L. 9821. Page 6.

from the missionary school, they would study at teachers' schools and return to their native places to teach their fellow tribesmen to read and write. A great contribution to the spread of education was made by G. V. Kirbizhekov, V. N. Okunev, G. I. Itygin.

In general, the formation of the public education system in pre-revolutionary Russia, in particular, in Khakassia, remained incomplete, since there was no comprehensive system to be represented by different types of schools (ministerial, parochial), the lack of consistency between them, and the lack of a system for training teachers (Boguslavskii, 2006, pp. 5–22, Mahno, 2013, p. 27).

1917 became a milestone in the development of education. In accordance with the provisions of the first decrees of the Soviet government on education, the school was separated from Church, religion classes were abolished in all kinds of institutions, all educational institutions became public and started to be subject to the Commissariat of public education. The national, class, religious constraints and teaching of ancient languages were discontinued, the old structures of school governance were destroyed, private educational institutions closed (Sitarov, 2019, pp. 201–211).

Adoption of «Regulations on the unified labour school» and the «Declaration of the unified labour school» had the most significant impact on the reform of the Soviet school. In accordance with the Papers a uniform system of learning was introduced; it was funded by the state and had two levels of education: 5 years of training in the primary school, 4 years – in the secondary level. Those types of learning had undoubtedly considerable progressive potential.

The researchers noted, «the reforms established the democratic principle of a unified, free of charge school, accessible to the entire young generation, regardless of social and property status and nationality» (Boguslavskii, 2006, p. 17) This principle meant that all parts of the public education system were connected in succession that allowed young people without any obstacles (unlike pre-revolutionary schools) to move from the initial stage of education to higher ones. Coeducational learning

of both sexes was introduced, and equality of men and women was established not only in the field of education, but in all other areas of public life. However, the reform of 1917–1930 was carried out in line with strict class and party approaches that led to excessive ideologization and politicization of educational programs, especially in humanitarian subjects.

The lack of the unified program of education and upbringing of schoolchildren was the most urgent thing at that time. In order to solve the problem in 1921 the State Academic Council was created to develop a comprehensive program for first-level schools by 1922 (Mokhov, Mokhova, 2009, p. 85).

The campaign of eliminating illiteracy in the Minusinsk district of the Yenisei Province as the territory of compact habitation of the Khakas people, began in 1920–1925. The solution of this problem required not only the involvement of representatives of the Russian and Khakass intelligentsia in the Soviet government, but also the solution of the issue of training new personnel. The Minusinsk Department of Public Education organized four-month courses for training school teachers in August 1921. More than twenty people from Khakassia were trained there. The graduates received an education corresponding to one grade of the national school (Mokhov, Mokhova, 2009, p. 108). However, it did not solve the problems of personnel because of general shortage of teachers and low educational level of the population.

The creation of the Khakass Uyezd of the Yenisei Province in 1923 gave new prospects for the development of public and cultural education of the population. In 1924–1925, the network of schools enlarged, the Khakass writing system was created, and the school teaching in their native language began. An attempt to base Khakass writing system on the New Turkic Alphabet was made in 1929, but in 1939 reverse transition of the Khakass alphabet to Russian graphics was announced.

The next step of the changes in education system was the introduction of universal compulsory education in 1930 for the children aged 8, 9, 10 years in four-grade primary school. At the same time, compulsory education was in-

troduced for adolescents aged 11 to 15 years who did not have primary education. According to the researchers' data, in 1931 there were 180 schools in Khakassia, where 15 thousand children were enrolled. In 1932, the Khakass Regional Council decided to introduce primary general education in the region. There were total 29,000 students in Khakassia in 1935. In 1939 the primary universal education was implemented and the task of transition to universal seven-year education was set (Bykonya, Fedorova, Cenyuga, Mesit, Voroshilova, Veber, Cenyuga, 2014, p. 148). There were no educational institutions of higher and secondary education in Khakassia, so young people were sent to the capital or other cities for training. Thus, representatives of Khakassia studied at universities and technical schools in Moscow, Tomsk, Krasnoyarsk and other cities (Ulturgashev, 1963, pp. 127–132, Mamysheva, Ivandaeva, 2015, p. 101).

The first vocational secondary educational establishment of Khakassia for the training of specialists was Abakan teacher's training school, founded in October 1929. It made a significant contribution to the building of the national education system and the formation of the national intelligentsia (Asochakov, 1983, p. 76). The creation of the Khakass Autonomous Region in 1930, the development of industry, and the mass collective farm movement conditions caused the development of secondary vocational education. The Abakan Agricultural School (now the Agricultural College) was founded by means of the resolution of the Khakass Regional Executive Committee in 1932. This educational institution provided training for agricultural specialists: veterinarians, stock-breeders, meliorators, builders (Ibid, p. 146). The Medical School was established in 1934. That event heralded the beginning of the training of qualified specialists with secondary medical education.

The transition to universal 7-year education in the country completed in the second half of the 1930s. Although much work had been done to train teachers, the problem remained acute. In the autumn of 1939, the Teachers Training Institute was founded in Abakan, that marked the beginning of higher vocational ed-

ucation in Khakassia (Ulturgashev, 1979, pp. 84–100).

However, the peaceful life of the Khakass people was interrupted by the Great Patriotic War. In the first days of the war, many students and teachers joined the Red Army. In 1942, Military Aviation Pilot School was transferred from the 2nd Separate Red Banner Army of the Far Eastern Front to the town Chernogorsk. The Aviation Pilot School in the Republic of Khakassia was staffed mainly due to the previously disbanded schools and flying clubs of the Siberian Military District. As a result, in 1943 the school was awarded the 2nd place in the Siberian Military District (Bykonya, Fedorova, Cenyuga, Mesit, Voroshilova, Veber, Cenyuga, 2014, p. 241).

All social spheres of life were rebuilt on military rails. Hospitals were housed in school buildings, Medical School, Teachers' College, an academic building and dormitory of Teachers' Institute³.

In 1944, the leadership of Khakassia sent the appeal to the Krasnoyarsk and Moscow authorities to establish a pedagogical institute. On February 10, 1944, the Council of People's Commissars of the RSFSR adopted a resolution to establish the Abakan State Pedagogical Institute with three departments: Russian Language and Literature, History, Physics and Mathematics. The official closure of the teachers training institute took place only in 1954 when the training of teachers for the seven-year school lost its relevance. The Abakan State Pedagogical Institute turned into a forge of pedagogical personnel for Khakassia (Ulturgashev, 1979, p. 88).

The war dealt a serious blow to the public education system of Khakassia, slowing down its progressive development. At the same time, it showed its ability to adapt to the most difficult conditions, without losing its basic principles. All parts of the public education system continued to work clearly and smoothly, ensuring the training of specialists necessary for the needs of the front and rear.

After the end of the Great Patriotic War, Khakassia again began to develop the education system. In October 1945, the Khakass

³ NARKh. F. P-2. Op. 1. L. 830. Page 104.

Secondary Boarding School for children was opened (Khakass National Boarding Gymnasium named after N. F. Katanov)⁴. The legal basis for the establishment of the school was the Decision of the CPC of the RSFSR adopted on September 27, 1944, No. 684 «On measures to help the Khakass Autonomous Region in Krasnoyarsk region». It declared «to establish Khakass Regional National Secondary Boarding School for 200 students and give the necessary funds for this purpose...» The opening of that school was «a necessary measure of the state to provide assistance to Khakass large families, children of the parents who died in the war, as well as parents engaged in agriculture (shepherds)»⁵.

In accordance with the law «On strengthening of ties between school and life and on the further development of public education in the USSR» (1958) the universal compulsory 8-year schooling was implemented instead of 7-year training. The transition was made in 1963. The extending of full secondary education from 10 to 11 years was planned on the basis of combining study and work in a daytime school, evening school, or vocational school (Boguslavskii, 2006, p. 19). Two days a week daytime students were required to work in a factory or on a farm. The graduates received a General Certificate of Education and a Certificate of Specialty. The network of evening and correspondence education expanded, benefits for entering the University were provided to the workers and farmers.

However, the idea of connecting the school with life was poorly implemented. The mass transition of schools to industrial training did not take place because of the lack of jobs for schoolchildren. Only a small part of the graduates went to work according to their qualification. At the same time, the level of general education of students significantly decreased. Due to this, in 1964–1966, the school returned to the 10-year period of study, while maintaining the 8-year education as compulsory. Professional training remained only in those educational institutions that had the necessary material base.

Along with the opening of general education institutions in Khakassia, professional education continued to develop. In 1958, the labour reserves, which included craft schools, railway schools subordinated to various departments, were transformed into a state system of vocational education with the following main types of educational institutions – urban and rural vocational schools with 1–2-year training. Young men and women with an 8-year education were admitted to vocational schools. The increase of educational level of the youth expanded the list of vocations and introduced new directions sufficient to meet requirements of scientific and technological progress.

In 1960 the Music School came into existence. The School trained teachers of children's music schools and employees of club institutions. The students were taught different subjects such as choral conducting, piano playing, folk instruments and singing.

By the mid-1980s, there were two higher educational institutions in the Khakass Autonomous Region: the Abakan State Pedagogical Institute and the Abakan branch of the Krasnoyarsk Polytechnic Institute (1972). Future students entering the universities had the opportunity to choose a profession from 16 proposed specialties. The formation of the Sayan territorial production complex in that period boosted the demand for technical specialties.

In 1984 «the main directions of the reform of general and vocational schools» were accepted to improve labour education and vocational guidance in secondary school. Another aim of the reform was the implementation of universal vocational education for young people. The secondary school became an eleven-year-old school again, and was provided from the age of six (Sitarov, 2019, p. 208). The innovative moment of the reform was the introduction of a computer literacy course and return of the opportunity to get a vocation in a general education school.

The crisis of education of 1980s – 1990s was caused by both subjective and objective factors. Primarily the refusal from the principle of priority of public education led to a reduction in the share of education expenditures in the structure of national income. The so-called re-

⁴ NARKh. F. P-933. Op. 1. L. 4925. Page 12.

⁵ http://www.lawrussia.ru/authority/body_1933.htm

sidual approach was adopted as a basis whereas public funds were directed to needs of other industries (Irkutskaya, 2010, pp. 31–34). In the period of the formation of a new Russian state, the law «On Education» was adopted in 1992. The main emphasis was placed on abolition of the system of compulsory universal secondary education, as a consequence, departure from unified educational institutions began, and the development of variable curricula was carried out.

Great importance was attached to the humanization and humanitarization of educational activities. Teachers gained freedom of creativity, and democratic features in the management of public education strengthened. According to the Law of the Russian Federation «On Education», the school got the status of educational institution that implemented different educational programs and provided the training and upbringing of the students. There were different categories of educational institutions: state (federal), municipal, and non-state (private).

At the same time the following types of educational institutions were identified: pre-school education, general education (primary general, basic general, secondary general education); institutions of primary, secondary and higher vocational education; special (correctional) institutions for disabled children, orphans and children deprived of parental care, as well as institutions of additional education for children and adults (Sitarov, 2019, pp. 201–216). Many innovations commenced inconsistency that entailed chaos in the educational system. State standards were introduced to regulate the activities of educational organizations. But the reform of the 1990s led to a serious disharmony in the organization and material support of the educational process.

The changes caused by the reform were also reflected in the education system in the region of Khakassia, that received the status of a republic of the Russian Federation in 1991. In January 1995, there were 274 operating schools in the Republic of Khakassia, that was rather fewer than in the early 1960s⁶.

⁶ NARKh. F. P-766. Op. 1. L. 18. Page 5.

There were also some changes in the system of higher education in the Republic of Khakassia. Under the Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Khakassia the Abakan Pedagogical Institute was reorganised into a State University named after the famous scientist N. F. Katanov in 1994⁷. In 1995, the number of higher education institutions was increased due to the opening of Khakass Business Institute, and the number of students (7.5 thousand people) receiving higher education more than doubled compared to the period of the 1970s⁸.

The Federal Law «Higher and Postgraduate Professional Education» of 1996 legalized the activities of private universities. This initiated competitive movement among universities and their creative development. In 2001, there were five higher educational institutions with 15 thousand students in the Republic of Khakassia⁹. There were also 12 secondary vocational institutions in the Republic of Khakassia with a total number of students of more than 10 thousand people. The number of general education institutions also increased. There were 285 schools with 82 thousand students there¹⁰.

Since the beginning of the 21st century, the reform of the education system has been accompanied by changes in the content and structure of all levels of education, serious transformations aimed at entering the single European educational space on the grounds of humanism, openness, quality, and standardization. Significant changes took place in the system of preschool and general education. They were the introduction of the Federal State Educational Standard, specialized education, the Unified State Exam (USE) as the main and mandatory form of assessing the knowledge of school graduates, etc.

Today, great importance is attached to improving the system of secondary vocational education, so special secondary educational institutions have been identified – a technical school that implements basic training programs, and a

⁷ <https://arhiv.r-19.ru/upload/iblock/490/49079d9594107b-619156f2a80cfef45.pdf>

⁸ NARKh. F. P-417. Op. 1. L. 341. Page 46.

⁹ NARKh. F. P-769. Op. 1. L. 1545. Page 1.

¹⁰ NARKh. F. P-769. Op. 1. L. 1545. Page 23.

college that provides a profound knowledge. In 2014, new Federal State Educational Standards were approved, and the process of training specialists in the system of secondary vocational training on a competence-based approach began with new professional programmes providing training for advanced technologies.

The system of higher education has transformed into a two-level education system: Undergraduate and Graduate, offering Bachelor's (four years) and Master's Degree (two years) programmes. After the adoption of the Law on Education of 2012, the programmes of training of highly qualified personnel, that were a part of the system of additional professional education, were assigned to the third level of education. For that purpose, the new list of specialties was defined, the Federal State Educational Standards of the third level of Higher Education were approved, and accreditation of educational programmes of postgraduate and doctoral studies was introduced.

The priority directions of education development in the 21st century (the century of global informatization) are the following: the development of distance and Internet education, the creation of a network of distance learning centres, support for the entry of the younger generation of our country into the open information community, the development of environmental education, and the shaping of planetary thinking.

The educational system in the Russian Federation is being reformed now. Currently there occurs an accumulation of empirical material and statistical data. Future generations of researchers will have to solve difficult tasks such as holistic and comprehensive review of the educational reform in the context of the

transformational processes of the post-Soviet period, an analysis of the regulatory framework, and the results of educational reforms at the federal and regional levels.

Conclusion

According to the researches of history of public education, three main stages can be identified in Khakassia. Their framework coincides with the main periods of national history: Pre-Soviet, Soviet and modern. Scientists note that each stage of the development of education is unique in its own way, because it experienced the peculiarity of each era. In Pre-Soviet period, the creation of a coherent system of educational institutions did not take place because many large-scale tasks remained unresolved, one of which was general illiteracy.

During the Soviet period, the USSR, including Khakassia, managed to create the strongest education system. It provided the citizens with broad guarantees of free education at all levels, ensured its mass availability and accessibility. Nonetheless, excessive ideologization of the Soviet education system caused crisis moments in the early 1980s. Education ceased to meet the socio-economic and cultural demands of society and the requirements of modern science.

After the breakup of the USSR and the communist ideology, the directions of state policy in the field of education changed, which created conditions for the search for educational variability. Many issues of modern education in the Russian Federation, and in Khakassia, in particular, require the close attention of researchers who are faced with the task of creating complex works.

References

- Asochakov, V.A. (1983). *Kul'turnoe stroitel'stvo v Khakasii (1917–1937)* [Cultural construction in Khakassia (1917–1937)]. Abakan: Khakasskoe otделение Krasnoïarskogo knizhnogo izdatel'stva, 180 p.
- Belikova, A.P. (2006). K istoriografii istorii obrazovaniia i pedagogicheskoi mysli v Sibiri [On historiography of the history of education and pedagogical thought in Siberia], In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 10 (61), 86–89.
- Boguslavskii, M.V. (2006). Reformy rossiiskogo obrazovaniia XIX–XX vv. kak global'nyi proekt [Reforms of Russian education of the 19–20th centuries as a global project], In *Voprosy obrazovaniia* [Education issues], 3, 5–22.

Bykonya, G.F. (2010). *Istoriia narodnogo obrazovaniia v Tsentral'noi Sibiri. XVII – seredina XIX veka: monografiia* [History of Public Education in Central Siberia. 17th – mid-19th century: monography]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Universitet imeni V.P. Astafieva, 264 p.

Bykonya, G.F., Fedorova, V.I., Cenyuga, S.N., Mesit, L. E. Voroshilova, N.V., Veber, G.M., Cenyuga, I.N. (2014). *Ocherki istorii narodnogo obrazovaniia Krasnoyarskogo kraia (XVII-nachalo XXI vv.)* [Essays on the history of public education in the Krasnoyarsk Krai (17th – the beginning of the 21st century)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Universitet imeni V.P. Astafieva, 580 p.

Irkutskaiia, V.I. (2010). Razvitie sistemy obrazovaniia v Rossii (nastoiashchee i budushchee) [Development of the education system in Russia (present and future)], In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 10 (100), 31–34.

Mamysheva, E. P., Ivandaeva, M. I. (2015). *Istoriia Khakasii v litsah: vypuskniki Kommunisticheskogo universiteta trudiashchih Vostoka (1921–1938 gg.)* [The history of Khakassia in persons: graduates of the Communist University of the workers of the East]. Abakan: Brigantina, 101 p.

Mahno, Yu.K. (2013). Pervaya shkola Khakasii, Khakasskii pedtekhnikum i pervye shkoly Khakasii [First School of Khakassia, Khakass pedagogical college and first schools of Khakassia]. In *Ada CHir-suu – Otechestvo. Kraevedcheskij al'manakh. GBUK RH «Natsional'naia biblioteka im. N. G. Domozhakova»* [Ada CHir-suu – Fatherland. Local history almanac. SBCI RKH «National library named after N. G. Domozhakov»]. Abakan, 23–36.

Mohov, A.N., Mohova, L. A. (2009). *Kratkie ocherki istorii narodnogo obrazovaniia Khakasii* [Brief essays on the history of public education in Khakassia]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 209 p.

Narodnoe obrazovanie v Hakasii (1831–2008 gg.): sbornik arkhivnykh dokumentov [Public education in Khakassia: (1831–2008): collection of archival documents]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo imeni V.M. Torosova, 2020, 252 p.

Sitarov, V.A. (2019). Istoriia obrazovaniia v Rossii: dosovetskii i sovetskii periody [History of education in Russia: pre-Soviet and Soviet periods], In *Znanie. Ponimanie. Umenie. [Knowledge. Understanding. Skill]*, 1, 201–211. DOI: 10.17805/zpu.2019.1.16

Sitarov, V.A. (2019). Istoriia obrazovaniia v Rossii: postsovetskoe vremia [History of education in Russia: post-Soviet times], In *Znanie. Ponimanie. Umenie. [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2, 201–216. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.19

Sultanbaeva, K.I. (2014). Iz istorii stanovleniia sistemy narodnogo obrazovaniia v Sibiri [From the history of the formation of the public education system in Siberia], In *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanov], 9, 107–111.

Sultanbaeva, K.I. (2018). Razvitie narodnogo prosveshcheniia i etnokul'turnogo obrazovaniia v Saiano-altaiskom regione vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Development of public education and ethno-cultural education in the Sayan-Altai region in the second half of the 19th-early 20th century], In *Problemy sovremennogo obrazovaniia* [Problems of modern education], 6, 101–111.

Ulturgashev, S.P. (1963). Iz istorii formirovaniia sovetskoi intelligentsii v Khakasii [From the history of the formation of the Soviet intelligentsia in Khakassia]. In *Uchenye zapiski KhakNIYALI* [Scientific notes of Khakass Research Institute of Language, Literature and History], 9. Abakan: Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva, 127–132.

Ulturgashev, S.P. (1979). Pervaya vysshaia shkola v Khakasii: k 40letiiu AGPI [The first higher school in Khakassia: on the 40th anniversary of Abakan State Pedagogical Institute]. In *Problemy istorii Khakasii. [Problems of the history of Khakassia]*. Abakan, 84–100.

List of abbreviations

NARKh – state treasury institution of the Republic of Khakassia «National Archive»

DOI: 10.17516/1997-1370-0805
УДК 39

Khakass Underground and Semi-Underground Dwellings: Problems of Studying and Typology

Evgenii V. Prishchepa*

*The State Public Institution
of the Republic of Khakassia «National Archive»
Abakan, Russian Federation*

Received 11.02.2021, received in revised form 12.03.2021, accepted 10.08.2021

Abstract. In ethnographic time, the indigenous people of Khakassia – the Khakass – had traditional dwellings that were polytypic by design and architecture, whose emergence was caused by the natural and geographical environment, a way of lifestyle and economic activity. Underground and semi-underground dwellings were one of the understudied types of their dwellings. The research relevance is associated with an insufficient study of these objects in material culture of the ethnos. The purpose of the work is to identify features of these dwellings, typological characteristics and questions of their existing in the traditional life support system. The research objective is to describe a structure of these dwellings for classification, consideration of issues of their features and existing. The work is based on an integrated and system and historical approach to the study of the past. The description of these dwellings' structural features according to scientific ethnographic classifications on the basis of available sources and data, identification of their typology and classification should be considered to be the research results. The research showed that within the meaning of term «dugout» in the Khakass material culture, until recently, dwellings of ground log structures have been considered without their peculiar features based on the criterion of their positioning against the ground surface. The studying was also complicated by literal interpretation of nominations of the studied types of dwellings, and especially their linkage to the term «dugout» that resulted in the incorrect compliance in the system of classification of the Siberian peoples' housing constructions. These dwellings did not attract proper attention – their description was quite general because of poor information about them and an insufficient study by ethnographers. The research also showed that the Khakass existing underground and semi-underground all-season dwellings were a little-known part of their material culture and planned future prospects for studying.

Keywords: Khakassia, Khakass Autonomous Region, the Khakass, material culture, traditional dwelling, chir ib, «dugout», tura

Research area: history & archeology

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: pri-evg@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0344-3179

Citation: Prishchepa, E.V. (2022). Khakass underground and semi-underground dwellings: problems of studying and typology. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(5), 606–613. DOI: 10.17516/1997-1370-0805.

Подземные и полуподземные жилища хакасов: проблемы изучения и типологии

Е.В. Прищепа

Государственное казенное учреждение Республики Хакасия

«Национальный архив»

Российская Федерация, Абакан

Аннотация. В этнографическое время у коренного населения Хакасии – хакасов существовали разнотипные по конструкции и архитектуре традиционные жилища, появление которых было обусловлено природно-географической средой, характером образа жизни и экономической деятельностью. Одним из малоисследованных типов их жилищ были подземные и полуподземные жилища. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью данных объектов в материальной культуре этноса. Цель работы – выявление особенностей данных жилищ, типологических характеристик и вопросов их бытования в системе традиционного жизнеобеспечения. Задачи исследования – описание конструкции данных жилищ для целей классификации, рассмотрение вопросов их особенностей и бытования. Работа основана на комплексном и системно-историческом подходе к изучению прошлого. Результатами исследования следует считать описание конструктивных особенностей данных жилищ, в соответствии с научными этнографическими классификациями на основе доступных источников и данных, выявление их типологии и классификация. Исследование показало, что в рамках значения термина «землянка» в материальной культуре хакасов до последнего времени рассматривались жилища наземных срубных конструкций без их специфических черт, основывающихся на критерии их расположения по отношению к поверхности земли. Затрудняло задачу изучение и дословная интерпретация номинаций изучаемых типов жилищ, а особенно их привязка к термину «землянка», что привело к неверному соответствию в системе классификации жилищных построек народов Сибири. Эти жилища не привлекали к себе должного внимания, их описание было весьма общим из-за ограниченности сведений о них и недостаточной изученности этнографами. Исследование также показало, что бытовавшие подземные и полуподземные всесезонные жилища хакасов являлись малоизвестной частью их материальной культуры, и наметило будущие перспективы изучения.

Ключевые слова: Хакасия, Хакасская автономная область, хакасы, материальная культура, традиционное жилище, *чир иб*, «землянка», *тура*.

Научная специальность: 07.00. 00 – исторические науки и археология.

Introduction

The dwelling for a person of traditional culture was a model of the world and bore its lines in itself. His outlook is reflected in the dwelling of the ethnos. The dwelling is one of primary elements of a person's life support system (Prishchepa, 2018a).

Despite the available researches on the Khakass' traditional dwelling, still there are low-studied sections of its history¹. One of the understudied spheres is insufficient knowledge and problems of classification of underground and semi-underground types of Khakass dwellings. Besides, there is a problem of correlation of a general nomination of the «dugout» dwelling for the dwellings that are typologically corresponding in the constructive relation to this nomination.

Research results and discussion

The ethnographic literature noted that there are not quite clear messages about the underground and semi-underground dwellings of the Khakass (Sokolova, 1998). Such representations could be caused both by P. S. Pallas's not absolutely correct interpretation of one of the types of similar dwellings, and by an inexact use of nomination «dugout» for it. Thus, P. S. Pallas writes, «Winter yurts... are built by them from lying directly and across thin birch bars, like a big box with slightly sloping walls on each side. The front part of this box remains empty and serves as an outer entrance room, and the other half is blocked by a cross wall with small doors, and outside it is covered thickly with the earth for retaining warmth inside. Among this *dugout* (highlighted by us – E. P.) they do the Bashkir fireplace of branches and clay with a wooden pipe, and there is a hole in a ceiling which lets the light inside, and at night during severe cold it is stuffed up. There are wide benches on which they sleep near two walls in front of a fireplace» (Pallas, 1786). As

we see from the description, the nomination «dugout» for such a dwelling is very conditional – we will also keep this in mind below. We meet the description of this type of the dwelling also in I. G. Georgi's works: the winter dwelling was constructed from thin timber wood, had an outer entrance room, a hole in a ceiling. The walls of the dwelling were made «obliquely or aslope», and for keeping warm outside they were covered with earth (Georgi, 1799).

Later at the end of the 19th century, the ethnographer A. A. Kuznetsova recorded this type of the dwelling described by P. S. Pallas in the 18th century. She noted that dugouts and bark shelters were simple but disappearing types of dwellings of the population of the Kyzyl and Meletsk Administrations at the end of the 19th century (Kuznetsova, 1898). We will focus on the description of the first ones. The author notes that dugouts were of two types and existed only in the Kyzyl and Meletsk Administrations. At the time of latching control in all first administration only one dugout remained in the ulus Mozharsk, though half a century back (i. e. in the middle of the 19th century – E. P.) they were still widespread as the dwelling for the poor. A. A. Kuznetsova managed to find such an uninhabited dugout – *sherep*² (*it is written down aurally by her*) in the Kyzylsians' ulus Mozharsk. *Sherep* had a wall construction consisting of double rows of a young birch wattle fence, and the space between them was filled up with earth. Inside the wattle fence was like a lath fence arranged with boards. The dugout had an appearance of a small hut with a door, two windows and a tiny clapboard covered an outer entrance room where there was a door to the dwelling (cf. with P. S. Pallas's description 1786). Inside there was a clay hearth-chuval (*sool*) with a straight-through pipe and a bench (plank bed) near a wall (Kuznetsova, 1898).

Descriptions of the second type of dugouts are provided by A. A. Kuznetsova already according to respondents from the Kyzyl and Meletsk Administrations and belong to the dwellings which had a certain existence in the 18th century. These dugouts were made of

¹ For example, interference problems in material culture of the peoples of the Khakass and Minusinsk Region. See: Tuguzhekova V. N., Prishchepa E. V. Influence of Russian traditions on formation of the Khakass farmstead and housing complex in the Khakass and Minusinsk Region in the 19–20th centuries [Electronic resource] // New researches of Tuva. 2019, No. 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/836> (accessed 25.06.2020). DOI: 10.25178/nit.2019.1.12

² Earth yurt (Кузнецова, 1898), that is consonant with nomination *chir ib*.

boards and stakes and were covered with earth (the ulus Kumyrsk of the Meletsk Administration), and the other construction variant of boards (half of a log), which were covered with earth up to 3 ½ arshins (the ulus Meletsk of the Meletsk Administration). Dugouts had two or three small windows. Windows were covered with a peritoneum, a floor was earth. The dwelling was heated by a clay Russian stove. In the past it took two men a week to build such a dwelling (Kuznetsova, 1898).

A small section on «dugouts» is presented in the unpublished work by Yu. A. Shibaeva's «Khakass dwelling» (Shibaeva, Khakass dwelling), a small part from the same material about winter dugouts (*chir ib*) was published in the academic collection of the middle of the 20th century (Shibaeva, 1950).

The ethnographer Yu. A. Shibaeva recorded evidence from the Sagays on the use of this type of dwelling in the winter season. The dwelling is conditionally called «dugout» (*chirtura, kichig tura, chir ib*)³. According to the description of the informants interviewed by the ethnographer, the dwelling represented a small log hut with an earth floor. The frame structure represented horizontal logs strengthened in angular vertical poles. The roof deck was made of plank covered with an earthen mound. The fireplace-*sol* served as a hearth (terminology is remained – *E. P.*), which was made either of wooden half of logs covered with clay or of stones. It had a rounded shape with a towering pipe narrowing to the top. Windows were covered with a bull bladder. The existence of the dwelling was noted on the Upper Tyoya River (the Tashtyp District of the Khakass Autonomous Region (further – KhAR)) as far back as the 30-ies of the 20th century (Shibaeva, Khakass dwelling).

Yu. A. Shibaeva managed to see one of few «semi-underground dugouts» being already uninhabited in the ulus Mainogashevo of the Askiz Region of the KhAR (Fig. 1). Its description is presented in one of the author's works (Shibaeva, 1950). The dwelling had hewn walls, an earth floor and roof, and was

heated by the heart *sol* located in the northeast corner.

Yu. A. Shibaeva notes that in the 18–19th centuries the real dugouts in the earth with a flooring from poles, turf instead of a roof «were temporary dwellings and were not the rule, but an exception» (Shibaeva, Khakass dwelling). In general, this Yu. A. Shibaeva's subject of dwellings-dugouts did not find the due development in view of limitation of the available material for the full scientific analysis and conclusions. However, the given data confirm our thought that this type of the Khakass dwellings was possibly little-known and did not receive the sufficient description in view of emphasis of attention to other widespread types of dwellings. Once an obviously bigger distribution of this type of dwellings can be indirectly evidenced by Yu. A. Shibaeva's conclusion that «dugouts» existed not only in a taiga part of KhAR, but also were a part of the Kachins' (inhabitants of steppe) material culture. Thus, it was recorded the latter having two such dwellings slightly deepened to the earth with wooden hewn walls, wooden floors and a double-slope low board roof (Shibaeva, Khakass dwelling).

The other important point was that Yu. A. Shibaeva draws the conclusion that in the 18–19th centuries «dugouts» were above-ground constructions, rather houses (*turas*) with an earth floor and a primitive hearth (Shibaeva, Khakass dwelling). The ethnographer was one of the first who paid attention to this discrepancy. To our biggest regret, the presented photos of such «dugouts», which are mentioned in the work «Khakass dwelling» in the Manuscript Fund of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History, were not saved.

Thus, we see that most of ethnographers' use of term «dugout» is not absolutely justified. Assuming its value and structural features of such a dwelling, we see the dwelling which is to be completely deepened to the earth. Respectively, the application of the term «semi-dugout» assumes deepening to the earth of the dwelling partly. At the description of the construction, given by both P. S. Pallas, and A. A. Kuznetsova, the term «dugout» is used, though the de-

³ Our work is devoted to the problems of correlation of little-known nominations of residential buildings with existing constructively types of the Khakass dwellings (Prishchepa, 2020).

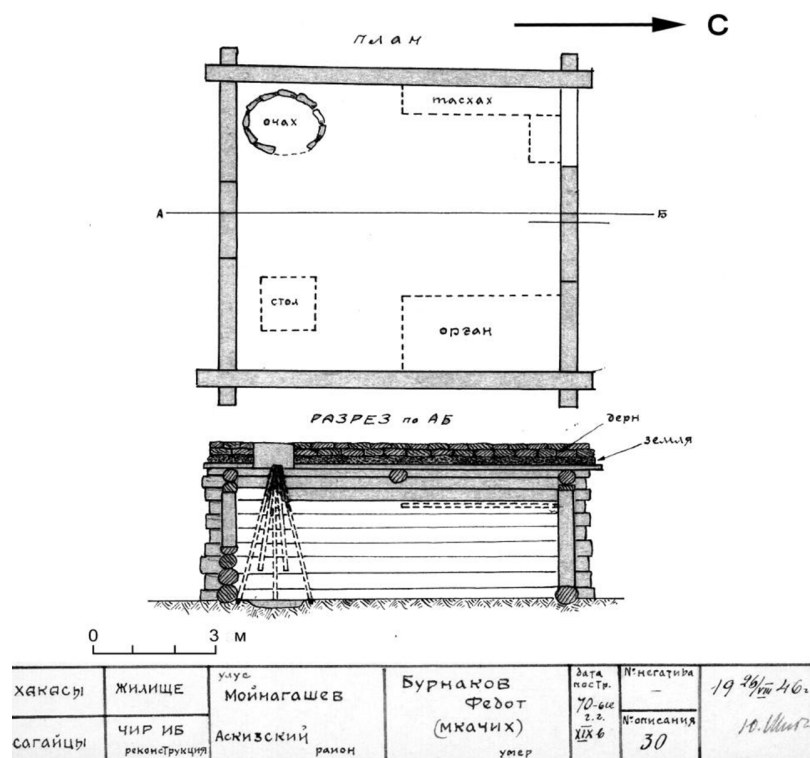

Fig. 1. Dwelling chir ib (reconstruction) [Shibaeva, Drawings of the Khakass' dwelling: fig. 30]

scribed types of dwellings are not such-like. It is more probable that the significant moment of an application feature of the nomination to the structure of the dwellings described above was not the type of dwelling-dugout in itself, but such factors as keeping walls warm by earth and turf during the winter time and use of earth for covering walls, an earth floor and an earth roof led to fixing of the term «dugout» for this type of the dwelling. Besides, the impact was made probably by a literal translation and its binding to the term «dugout»: *Chir ib* or *chir tura*, and A. A. Kuznetsova's «*sherep*» – probably *chir ip (ib)*.

Only E. K. Yakovlev's mention of this rare Khakass dwelling can be added to the number of real dugouts in the literal sense of the meaning of this term and design features. The author calls these dwellings «dugouts of other type» – «*zikh tura*»⁴. Their design rep-

resented simply a hole in the soil in human height sheathed on the sides with planks, sometimes without covering. Over the hall, a small crib⁵ in 2–3 logs as a winter dwelling's⁶ flat roof was put (fig. 2). One could meet these dwellings in Ust-Abakan village, Okunev aal (settlement), and other places (Yakovlev, 1900a). As we can see in the Description of Ethnographic Collections of the Minusinsk

identical to the term *shiikh ib/shiikh tura* (a stationary summer yurt in a taiga part of the Tashtyp District of Khakassia is right. (Patachakov, 1982).

⁵ Therefore, based on the example of the Khakass dwelling, it is hardly possible to speak only about a framework structure of underground dwellings (Popov, 1961).

⁶ E. K. Yakovlev regarded wooden cribs with a flat roof as winter dwellings-log huts, determining by that their seasonality and conditionality of their structure features (Yakovlev, 1900a), which existed in the 19th century and were the Khakass winter dwellings. At the end of the 19th century the idea of this dwelling was consisted of a thought about its Russian origin. As researches showed, this dwelling corresponds to autochthonic Khakass log dwelling *tura*, which had a certain distribution in the 18th century and taking the origin in earlier centuries (Prishchepa, 2018b).

⁴ The constructive similarity of this dwelling to dwelling *chir tura* stated by K. M. Patachakov can hardly be considered to be correct. It is only true that the nomination itself is almost

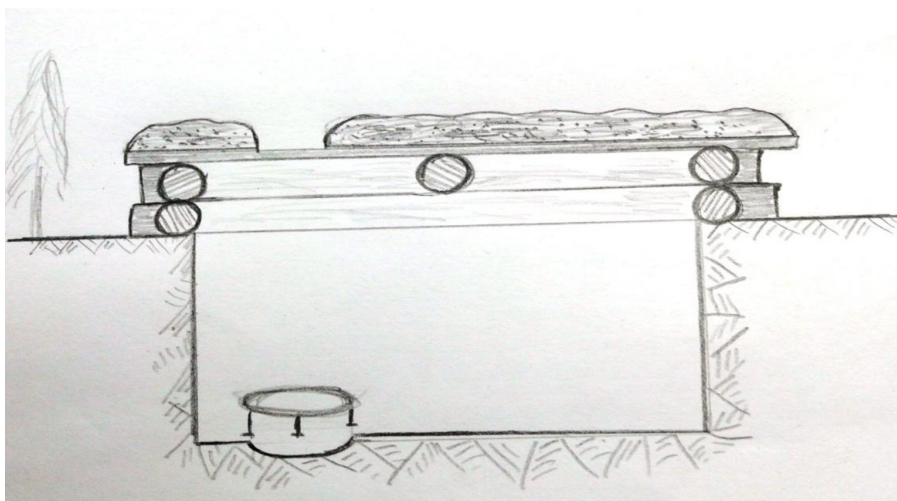

Fig. 2. Dugout with a crib. The author's drawing

Museum, this dwelling had windows which were at the ground level (Yakovlev, 1900b). Besides, we learn from the Description of Ethnographic Collections of the Minusinsk Museum that the dwelling «*zikh tura*» was also of another type and represented sometimes a quadrangular hole with two slacknesses coming to light and playing a role of windows. The ceiling was laid directly on the earth and covered with the earth, forming a small hillock at the ground level (Ust-Bidzha) (Yakovlev, 1900b). The description of the structure of this dwelling contains little information, therefore our idea of it is very limited. However, it is clear that it is a special type of dwelling which was not only little-known to ethnographers, but also it is limited by these single variants in the description. E.K. Yakovlev provides data on existing of this Khakass dwelling at a boundary of the 19–20th centuries.

In his famous work A.A. Popov provides the interesting data of P.I. Karalkin on the Kyzylia's underground dwellings, representing a rectangular cave dug on a hill slope so that its flat roof⁷ and three walls (side and back) were earth covered by poles. Informants

testified (according to P.I. Karalkin) that the dwelling existed as early as in the 19th century (Popov, 1961). Any additional data and earlier specific references of this rectangular type of the Khakass underground dwelling are not provided in ethnographic literature.

Conclusion

Thus, earlier described variants of dwellings-»dugouts« by P.S. Pallas, I.G. Georgi, A.A. Kuznetsova are out of this typology of underground and semi-underground dwellings in view of design features and transfer of the term «dugout» on the dwelling for which such factors as keeping walls warm by earth and turf in the winter time and use of earth for covering walls, an earth floor and an earth roof became defining. These features did not characterize the dwelling by criterion of its arrangement in relation to the ground surface. Besides, the impact was made perhaps by literal translation and its binding to the term «dugout». Once existing underground and semi-underground dwellings of the Khakass were a part of their material culture and possibly were the most ancient. Their description is very general owing to limitation of information about them, and for a long time it did not attract a proper attention of ethnographers. At a boundary of the 19th-20th centuries the ethnographer E.K. Yakovlev left the description of these dwellings, having paid

⁷ This dwelling and one described above had one type of roofs – flat. That is a characteristic feature of the Khakass' underground dwellings. For example, A.A. Popov noted more types of roofs: dual-slope, four-slope with the form of a truncated pyramid (see Popov, 1961).

attention to them. Thanks to that we have a certain, though limited idea about them within this description.

The genesis specification of the described types of the dwellings, probably going to the

archaeological cultures of the past by their origin, description of their variations and extent of distribution in the ethnos's material culture will become further perspectives of the research.

References

- Georgi, I.G. (1799). *Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitaiushchikh narodov, takzhe ikh zhyteiskikh obriadov, ver, obyknovenii, zhylishch, odezhda i prochikh dostopamiatnostei* [Description of all the peoples living in the Russian state, as well as their everyday rites, beliefs, customs, homes, clothes and other memorabilia]. CH. II. *O narodakh tatarskogo plemeni i drugikh nereshennogo eshche proiskhozhdeniia severnykh sibirskikh* [Part 2. About the peoples of the Tatar tribe and other Northern Siberians of unsolved origin]. St. Petersburg, Imperskaya AN, 246 p.
- Kuznetsova, A.A. (1898). *Zhylishcha, odezhda i pishcha minusinskikh i achinskikh inorodtsev* [Dwellings, clothes and food of Minusinsk and Achinsk non-Russian inhabitants]. Krasnoyarsk, Tipografiya Eniseiskogo gubernskogo upravleniia, 213 p.
- Pallas, P.S. (1786). *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva* [A journey to various provinces of the Russian state]: in 3 parts. St. Petersburg, IAN, CH. II, 572 p.
- Patachakov, K.M. (1982). *Ocherki material'noi kul'tury khakasov* [Essays on material culture of the Khakass people]. Abakan, Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izd-va, 88 p.
- Popov, A.A. (1961). *Zhylishche* [Housing], In *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri* [Historical and Ethnographic Atlas of Siberia], 131–225.
- Prishchepa, E.V. (2018a). *Zhylishcha naseleniia Khakassko-Minusinskogo kraia v traditsionnoi sisteme zhizneobespecheniia XVIII–XX vv. (na primere khakasov i russkikh starozhilov)* [Habitations of the population of Khakass-Minusinsk region in the traditional lifestyle of the 18th – 19th centuries: based on the cases of the Khakass and Russian 'old-timers']. Abakan, Brigantina, 180 p.
- Prishchepa, E.V. (2018b). K voprosu o genezise zhylishcha «tura» u khakasov [On the Genesis of the «tura» dwelling of the Khakass], In *Vestnik tom'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 433, 90–98. Available at: 10.31554/2222–9175–2019–33–116–125
- Prishchepa, E.V. (2020). Nominatsii zhylishch i nekotorye voprosy ikh genezisa v traditsionnoi kul'ture khakasov [Housing nominations and some issues on their genesis in the traditional Khakass culture], In *Vestnik novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State University], 19(3), 119–133. Available at: 10.25205/1818–7919–2020–19–3–119–133
- Shibaeva, Yu.A. (1950). Iz istorii khakasskogo zhylishcha [From the history of Khakass dwelling], In *Kratkie soobshcheniia AN SSSR* [Brief reports of the USSR Academy of Sciences], 10, 46–53.
- Shibaeva, Yu.A. Chertezhi po zhylishchu khakasov (55 chertezhei) [The drawings for the dwelling of the Khakass (55 drawings)], In *KhakNIILi Ruk. Fond* [The Khakass Research Institute of Language, Literature and History Manuscript Collection], 352 (prilozhenie) [application].
- Shibaeva, Yu. A. Khakasskoe zhylishche [Khakass housing], In *KhakNIILi Ruk. Fond* [The Khakass Research Institute of Language, Literature and History Manuscript Collection], 352. 140 p.
- Sokolova, Z.P. (1998). *Zhylishche narodov Sibiri (opyt tipologii)* [Dwelling peoples of Siberia (experience typology)]. Moscow, Izd. poligr. agentstvo «TriL», 284 p.
- Tuguzhekova, V.N., Prishchepa, E.V. (2019). Influence of Russian traditions on the formation of the Khakass estate and housing complex in the Khakass-Minusinsk region in the XIX–XX centuries, In *Novye Issledovaniia Tuvy* [The new research of Tuva], 1, 157–175. Available at: 10.25178/nit.2019.1.12
- Yakovlev, E.K. (1900a). *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniia doliny Iuzhnogo Eniseia i obiasnitel'nyi katalog etnograficheskogo muzeia* [Ethnographic review of the alien population of the southern Yenisei valley and explanatory catalog of the Ethnographic Museum], 4. Minusinsk, Tipografiya V.I. Kornakova, 114 p.

Yakovlev, E.K. (1900b). Opisaniia etnograficheskikh kolleksii Minusinskogo muzeia (III. Zhilishche, ubranstvo ego i nadvornye postroiki) [Descriptions of ethnographic collections of the Minusinsk Museum (3. Housing, its decoration and outbuildings)], In *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniia doliny Iuzhnogo Eniseia i ob»iasnitel'nyi katalog etnograficheskogo muzeia* [Ethnographic review of the foreign population of the southern Yenisei valley and explanatory catalog of the Ethnographic Museum], 4. Minusinsk, Tipografiia V.I. Kornakova, 15–22.

DOI: 10.17516/1997-1370-0808
УДК 94(47)

Capitals of the National Republics of the Sayan-Altai Region in 1945–2020

Elena E. Tinikova^a and Valentina N. Tuguzhekova^{b*}

^a*Khakass Research Institute for Language, Literature, and History
Abakan, Russian Federation*

^b*The South Siberian Branch
of the Institute for the History of Material Culture
of the Russian Academy of Sciences
N. F. Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation*

Received 01.04.2021, received in revised form 21.06.2021, accepted 06.07.2021

Abstract. The study is devoted to the history of the development of Abakan, Gorno-Altai and Kyzyl in the period from the post-war period to the present day. Being the capitals of the country national subjects, they had a number of specific functions that influenced the history of their development. In the scientific space of Siberia, the history of these settlements in the aspect of the formation of an industrial and urban society has not yet become the subject of study by historians. The analysis of the main stages of the development of capitals is given, common and special features in their development are identified based on the analysis of such indicators as the dynamics of the population of cities and its determining factors, the demographic and national composition of the population, the degree of improvement, socio-economic development. All these characteristics, along with the existing status of cultural, educational, scientific and political centers of national subjects, determine the prospects for the further development of these cities.

Keywords: capital; Sayan-Altai Region; Abakan; Gorno-Altai; Kyzyl; city; urbanization.

Research area: history

Citation: Tinikova, E., Tuguzhekova V. (2022). Capitals of the national republics of the Sayan-Altai region in 1945–2020. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(5), 614–623. DOI: 10.17516/1997-1370-0808.

Столицы национальных республик Саяно-Алтайского региона в 1945–2020 гг.

Е.Е. Тиникова^а, В.Н. Тугужекова^б

^аХакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории

Российская Федерация, Абакан

^бЮжносибирский филиал

Института истории материальной культуры РАН

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Российская Федерация, Абакан

Аннотация. Исследование посвящено истории развития Абакана, Горно-Алтайска и Кызыла в период с послевоенного времени до наших дней. Являясь столицами национальных субъектов страны, они имели ряд специфических функций, оказавших влияние на историю их развития. В научном пространстве Сибири история этих населенных пунктов в аспекте формирования индустриально-урбанистического общества до сих пор не становилась предметом изучения историков. Дан анализ основных этапов развития столичных городов, выявлены общие и особенные черты в их развитии на основе анализа таких показателей, как динамика численности населения городов и факторы, ее определяющие, демографический и национальный состав населения, степень благоустройства, социально-экономическое развитие. Все эти характеристики наряду с существующим статусом культурных, образовательных, научных и политических центров национальных субъектов определяют перспективы дальнейшего развития данных городов.

Ключевые слова: столица, Саяно-Алтайский регион, Абакан, Горно-Алтайск, Кызыл, город, урбанизация.

Научная специальность: 07.00. 00 – исторические науки и археология.

Введение

Абакан, Кызыл и Горно-Алтайск являются столицами национальных субъектов Саяно-Алтайского региона. По численности проживающего в них населения, исходя из современной классификации городских поселений по этому признаку (Dashinamzhilov, 2018: 52), Абакан и Кызыл относятся к крупным городам, Горно-Алтайск – к средним. В 2020 г. численность населения столицы Хакасии составила 186,8 тыс. человек, столицы Тывы – 119,4 тыс. человек, столицы Республики Алтай – 64,5 тыс. человек.

Эти города изначально формировались как административно-политические центры национально-территориальных образований, что обусловило специфику их дальнейшего развития. На них было возложена централь-

ной властью миссия нациестроительства, «они должны были стать инструментами, фабриками по выращиванию наций» (Dyatlov, 2018: 239). Они согласно сложившейся в Советском Союзе практике стали также научными, образовательными, культурными, экономическими центрами своих регионов. При этом столичный статус сопровождался и их лидерством в социально-культурной и производственной сферах.

Обратимся к истории каждого из столичных городов национальных республик Саяно-Алтая с целью выявления общих и особенных черт их развития в изучаемый период. Следует отметить, что в научном пространстве Сибири история этих населенных пунктов в аспекте формирования индустриально-урбанистического обще-

ства до сих пор не становилась предметом изучения историков. Лишь количественным параметрам урбанизации изучаемых республик уделяли внимание (Breslavsky, Burtonova, 2019).

Кызыл

Самым нетипичным из трех городов в середине XX в. был Кызыл. Он был основан в 1914 г. после вхождения Урянхайского края под протекторат Российской империи для усиления российского влияния (Bondarenko, 2009). В течение 1914–1926 гг. он несколько раз менял свое название: Белоцарск – Хем-Белдыр – Кызыл. В 1921–1944 гг. город являлся столицей Тувинской Народной Республики. В середине 1940-х гг. численность населения города составляла чуть более 6 тыс. человек. В этот период в Кызыле преобладала одноэтажная деревянная застройка, отсутствовали городские объекты социально-бытового обслуживания (Shirap, 2019: 77).

Тыва – яркий пример большой роли административных преобразований в развитии урбанизационных процессов (Tinikova, 2018). Существенный рывок в развитии Тывы и его столицы случился после вхождения автономной области в состав Советского Союза. За короткий период здесь произошли масштабные политические, социально-экономические и культурные преобразования, которые сразу отразились и на столичном городе.

Во-первых, Кызыл стал одним из важнейших промышленных центров региона. Здесь в середине XX в. началось строительство таких промышленных объектов, как молокозавод, мясокомбинат, швейные фабрики. 1960–1980-е гг. стали временем наиболее быстрого развития экономики города (Dorju, 2015: 37). В этот период быстрыми темпами развивались строительная отрасль, энергетическая, инженерная, внутренний транспорт, сфера услуг. В конце 1980-х гг. начато было строительство овчинно-шубной и кондитерской фабрик.

Во-вторых, за Кызылом сохранялось первенство среди городов субъекта в области образования и культуры. Сразу после

вхождения в состав СССР в Кызыле появились первые средние общеобразовательные школы. Интерес в обществе к деятельности образовательных учреждений и к проблемам подготовки кадров целенаправленно поддерживался региональными органами власти, поэтому в эти годы в местных газетах вышли в свет многочисленные публикации по данной тематике (Shirap, 2017: 1022). В советские годы в городе также были открыты Кызыльский учительский институт (позже Кызыльский педагогический институт), Кызыльский филиал Красноярского политехнического института для подготовки специалистов промышленного и гражданского строительства и автомобильного транспорта, филиал Красноярского сельскохозяйственного института. В городе функционировали библиотеки, книгоиздательство, телевизионные и радиокмпании, Дом пионеров и другие важные социокультурные объекты.

После распада Советского Союза в результате глубоких преобразований всех сфер жизни общества и внешней миграции за пределы Тувинской автономной области, а позже республики изменилась не только численность населения Кызыла, но также и его состав. За весь исследуемый период численность населения Кызыла выросла в 18,2 раза (табл. 1). При этом наиболее быстрые темпы роста городского населения зафиксированы во второй половине 1940–1950-е гг. (около 2 тыс. человек в год), наиболее низкие показатели – в 2000-е гг. (около 0,7 тыс. человек в год). Более двух третей населения города сегодня составляют тувинцы – 68,1 %, русские – 28,4 %, представители других национальностей – 3,5 % (Jubilee..., 2014: 16).

Кызыл – город «молодых семей», каждая третья подходит под это определение. Средний возраст кызылчан – 30 лет. По данным городской статистики, в тувинской столице проживает больше женщин (54 %), и если в детском возрасте соотношение между мальчиками и девочками примерно одинаково, то среди трудоспособного населения ситуация меняется: женщин – 37 тыс., а мужчин – 33 тыс. Зато

Таблица 1. Численность населения столичных городов национальных республик Южной Сибири в 1945–2017 гг. (тыс. человек)*

Table 1. The population of the capital cities of the national republics of Southern Siberia in 1945–2017 (thousand people)

Город	1945	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2017
Абакан	36,7 (1939)	56,4	90,1	129,4	153,0	166,3	164,6	181,7
Горно-Алтайск	24,0 (1939)	27,5	34,4	40,3	46,4	53,5	56,9	63,3
Кызыл	6,4	34,5	51,7	66,0	84,6	104,1	109,9	116,0

В таблице использованы официальные данные Всесоюзных и Всероссийских переписей населения, а также сведения текущего статистического учета, представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики.

среди людей пенсионного возраста преобладают мужчины – 7,9 тыс. чел., женщин же в этой группе населения 2,8 тыс. Среди долгожителей Кызыла, перешагнувших рубеж 90-летия, вновь лидируют женщины (82 %). Дети составляют 31 % от общего населения города, причем 60 % из них рождены матерями, не состоящими в браке.

Плотность населения в городе на 1 кв. км составляет 97,4 человек, площадь территории Кызыла значительно расширилась и сейчас равна 200,4 кв. км, включая семь микрорайонов: Центральный (или Центр), Южный, Горный, Правобережный (или Правый берег), Восточный (или Восток), Каа-Хем (Дальний Каа-Хем) и Кызыл (Ближний Каа-Хем). Национальный характер республики и история тувинского народа нашли отражение в своеобразных архитектурных памятниках столицы – обелиск «Центр Азии», Национальный музей имени Алдан-Маадыр, Музей политических репрессий, Музей Нади Рушевой, буддийские храмы, архитектурный ансамбль площади Ленина, памятник основателю тувинской государственности Монгушу Буяну-Бадыргы и др. Вместе с тем, облик столицы Тывы даже в центральной ее части не всегда можно назвать современным. Здесь рядом с новыми постройками можно встретить трехэтажные дома, не имеющие элементарных удобств, которые не подключены к центральной канализации. Центр тувинской столицы во многом сохранил «советский облик»: хрущевки, блочные пятиэтажки, а то и простые деревянные

постройки. Как и для большинства российских провинциальных городов, для Кызыла подходит следующая характеристика городского пространства: «рыхлость тканей и обилие пустырей и полупустырей, огороженных и неогороженных»¹.

Абакан

С точки зрения развитости объектов социальной инфраструктуры и объемов строительства новых зданий Кызыл значительно уступает ближайшему столичному городу – Абакану. Последний получил статус центра Хакассской автономной области в 1931 г. и был образован в результате расширения села Усть-Абаканское. После этого в городе стали формироваться средства массовой информации, строятся новые учебные заведения, развивается сеть учреждений культуры². Абакан совершил большой скачок в своем развитии в довоенный период. Численность его населения возросла за десять лет в четыре раза и достигла к 1941 г. 40 тыс. человек. Раздвинул он свои границы и по территории. В 1940 г. город занимал уже более 20 кв. км. Во второй половине 1940-х – 1960-е гг. в Абакане начали работать кондитерская фабрика, соковинзавод, завод «Легмаш», текстильная фабрика, мясоконсервный комбинат, были созданы четыре строительно-монтажные

¹ Глазычев В. Слободизация страны Гардарики. – URL: <http://www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm#top> (Дата обращения: 14.02.2020).

² Каралькин П.И. История города Абакана // Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. И-3. Оп 1. Д. 339. Л. 23.

организации, комбинат хлебопродуктов, трикотажная и обувная фабрики, пущены первые мощности Абаканского грузового речного порта, введено здание кинотеатра «Победа» (Tuguzhekova, 2001: 6). К началу 1970-х гг. в городе был создан «прочный производственный фундамент: построены современные транспортные коммуникации (железнодорожные, речные, автомобильные), создано устойчивое энергоснабжение, сосредоточены крупные силы строителей, создана база строительной индустрии» (Torosov, 1994: 126). С начала 1970-х гг. наступил новый этап промышленного освоения Хакасии в связи со строительством Саянского территориально-промышленного комплекса. Ядром нового комплекса должны были стать промышленные гиганты, в том числе Абаканский промышленный узел. В связи с этим на территории города в 1970–1980-е гг. появились Абаканский вагоностроительный завод, Абаканский асфальтобетонный завод, завод монтажных заготовок, Абаканское объединение предприятия стройиндустрии, комбикормовый завод, Абаканский свиноплекс, производственная база треста «Абаканпромжилстрой», Абаканский пивзавод и швейная фабрика.

Численность населения Абакана в 1989 г. составила 153 тыс. человек, поэтому областной центр Хакасской автономной области относился к категории больших городов и занимал по численности населения среди городов Красноярского края третье место после Красноярска и Норильска. Быстрые темпы населения города были связаны со следующими факторами. Абакан имеет благоприятное экономико-географическое положение, так как находится на пересечении важных транспортных путей, связывающих город с промышленными районами Кузбасса, центральной части Красноярского края и Иркутской области. Благодаря сети железных и автомобильных дорог Абакан соединен со всеми городскими поселениями и сельскими районами Хакасии и южных районов Красноярского края. Выгодное географическое положение и транспортная доступность

способствовали развитию миграционного движения населения. Притоку населения в город способствовал также занимаемый им статус областного центра. Абакан являлся культурным и образовательным центром Хакасии. В постсоветский период численность населения Абакана не отличалась стабильностью. Темп роста численности горожан в 1990-е гг. составлял около 1 тыс. человек в год, в 2002–2010 гг. численность населения города даже незначительно уменьшилась, в 2010-е гг. вновь наблюдался рост численности абаканцев. В результате сегодня в городе проживает около 180 тыс. человек. Столица Хакасии всегда привлекала внимание мигрантов своими возможностями. Она становилась центром притяжения не только для внутренних мигрантов, но также здесь наблюдался приток населения из других регионов страны и ближнего зарубежья.

Абакан сегодня является многофункциональным центром, выполняя помимо административно-хозяйственных функций индустриально-транспортную и торговую, что повлекло за собой рост мобильности капитала, превращение города в финансовый, культурный, научный центр региона. Абакан всегда был городом многонациональным, но значительную долю в его населении всегда составляли русские: 1959 г. – 86,2 % (48,6 тыс. человек), 1979 г. – 85,5 % (110,6 тыс. человек), 1989 г. – 82,8 % (126,7 тыс. человек), 2010 г. – 79,3 % (130,9 тыс. человек). Доля хакасов среди абаканцев постоянно увеличивалась: 1959 г. – 3,5 % (2 тыс. человек), 1979 г. – 6,7 % (8,7 тыс. человек), 1989 г. – 8,8 % (13,5 тыс. человек), 2010 г. – 11,5 % (19 тыс. человек). Обращает на себя внимание факт увеличения численности представителей этносов из ближнего зарубежья, прежде всего киргизов. По данным переписи 2010 г., в Абакане проживало более 1,3 тыс. киргизов, что составило 0,8 % городского населения столицы (The chronicle..., 2017: 16–17).

Абакан – молодой город: средний возраст представителей мужчин 39 лет, женщин – 34 года. 50 % населения Абакана едва отметило сорокалетний юбилей. Соот-

ношение мужчин и женщин относительно благоприятное: в 2017 г. 45,4 % абаканцев составляли мужчины, 54,6 % – женщины (The chronicle..., 2017: 10).

Официально в городе нет географического разделения. Однако для более эффективной работы исполнительной и законодательной власти в Абакане введено общественное самоуправление. Улицы объединены в несколько районов, в каждом назначен староста. Он отвечает за его развитие, отстаивает интересы жителей, участвует в решении наболевших вопросов и обсуждении перспектив. Сегодня в Абакане существуют следующие районы: Центральный, 4-й микрорайон, МПС, Юго-западный, Южный, Красный Абакан, Гавань, Космос. Все они весьма различаются по степени благоустройства общественных территорий и по характеристикам жилищного фонда. Основные официальные показатели благоустройства жилищного фонда в Абакане выглядят достаточно солидно: в 2016 г. 97,1 % жилых помещений города были оборудованы водопроводом, 95,8 % – водоотведением (канализацией), 80,8 % – ваннами (душем), 90,9 % – горячим водоснабжением, 96,3 % – отоплением (The chronicle..., 2017: 39).

Горно-Алтайск

Не может похвастаться подобными результатами благоустройства городского жилищного фонда Горно-Алтайск. Здесь в 2016 г. водопроводом было оборудовано 67,1 % жилых помещений города, 62,5 % – водоотведением (канализацией), 53,1 % – ваннами (душем), 42,7 % – горячим водоснабжением, 89,6 % – отоплением³. Горно-Алтайск – единственный город в Республике Алтай. Его историческое название – Улалу. В 1928 г. он получил статус города, а в 1932 г. был переименован в Ойрот-Туру. В 1948 г. Ойротскую автономную область переименовали в Горно-

Алтайскую и город в третий раз поменял свое название – он стал Горно-Алтайском. До 2010 г. Горно-Алтайск имел статус исторического поселения, однако Приказом Министерства культуры РФ от 29 июля 2010 г. город был этого статуса лишен⁴. Между тем одной из основных сфер развития города продолжает оставаться туризм.

Развиваются в городе и другие отрасли экономики, в том числе торговля и промышленность. В 1950-е гг. в Горно-Алтайске открываются фабрики: ткацкая, швейная и гардинно-тюлевая, работают обособленные и кирпичный заводы. Ведущее место среди предприятий города занимали хлебокомбинат, мясокомбинат, валяльно-войлочная фабрика, швейная фабрика, металлзавод областного подчинения, кирзавод областного подчинения, гортоп, электростанция (Ankudinova, 2009: 61).

Позднее в Горно-Алтайске начинают действовать завод железобетонных изделий, мебельная фабрика, завод «Электробытприбор». В столице активно развивается строительная индустрия, ведется строительство многоквартирных жилых домов. Город приобретает современный вид. В 1970-е гг. вырастает микрорайон «Западный», получивший в народе название «Жилмассив», в 1980-е гг. – микрорайон в районе мебельной фабрики, застраивается центр города. В постсоветское время произошёл резкий спад промышленности. Одной из ярких черт города, отличающих его от остальных городов Сибири, является его географическое положение. Горно-Алтайск расположен меж двух гор. Он очень узкий и длинный, и на всем его протяжении текут две реки – Майма и Улалушка. На слиянии этих рек – центр города.

Город небольшой, вся площадь составляет всего 95,5 кв. км. Поэтому официального деления на районы нет, есть только неофициальные названия, тесно связанные

³ Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Благоустройство жилищного фонда Республики Алтай. – URL: [https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/Благоустройство%20жилищного%20фонда%20Республики%20Алтай\(1\).htm](https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/Благоустройство%20жилищного%20фонда%20Республики%20Алтай(1).htm) (Дата обращения: 11.02.2020).

⁴ Приказ Министерства культуры РФ и Министерства регионального развития РФ от 29 июля 2010 г. № 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.01.2010. № 3. Ст. 335.

с названием автобусных остановок. Через весь город проходит центральная улица Коммунистический проспект. Параллельно ему идет вторая по величине улица Григория Чорос-Гуркина. Между ними неофициальный центр города протяженностью всего 2,5 км – от мебельной до ткацкой фабрики. Большинство многоэтажных домов в городе представляют пятиэтажные хрущевки или панельные дома, строительство новых жилых домов идет медленными темпами. За пределами центральной части города преобладает частный сектор.

Численность Горно-Алтайска почти за 80 лет выросла в 2,5 раза. Это невысокий показатель, даже в сравнении со столичными городами соседних национальных республик. Интересно, что темпы увеличения численности населения города в 2010-е гг. стали нарастать. Связано это как с естественным (в 2011–2017 гг. население города за счет естественного прироста увеличилось на 3375 человека), так и с миграционным приростом населения. В структуре миграционного прироста абсолютно преобладает внутрирегиональная сельско-городская миграция⁵.

Абсолютное большинство горожан здесь составляют русские, но их доля постепенно сокращается: с 87,4 % в 1959 г. до 67,7 % в 2010 г. Доля алтайцев-горожан за этот период выросла с 8 до 21,3 %, особенностью региона была достаточно высокая доля казахов среди горожан (в 2010 г. – 2,2 %), что обусловлено географическим расположением республики (Tinikova, 2019: 411).

Особенности развития городов в начале XXI в.

Абакан, Горно-Алтайск и Кызыл, несмотря на свой нынешний столичный статус, являются городами провинциальными, отдаленными от крупных городских

центров, в том числе и сибирских. Отсюда вытекают их основные особенности.

Все три города занимают относительно небольшую площадь. Абакан из них самый большой – 112,4 кв. км. Площадь Кызыла составляет 97,4 кв. км, Горно-Алтайска – 95,5 кв. км. При неизменном росте горожан плотность населения в них сейчас достаточно высокая: в Кызыле – 1191, Абакане – 1616,8, Горно-Алтайске – 663 чел. на 1 кв. км.

Архитектурно-пространственное развитие трех столиц во второй половине XX – начале XXI в. во многом шло в русле общероссийских тенденций. Большинство зданий середины XX в. возводилось в стиле «сталинского классицизма», на смену ему пришла эпоха фундаментальной архитектуры и типовых проектов.

В постперестроечный период процессы развития пространственного облика городов России приняли хаотический характер, столичные города Саяно-Алтайского региона в этом отношении не были исключением. В результате характер застройки этих городов стал неорганизованным и эклектичным. Важным фактором, влияющим на архитектуру и городское пространство, является характер социальных отношений. После распада Советского Союза усилилось социальное неравенство и расслоение, в том числе в масштабах отдельных населенных пунктов. Это сразу нашло отражение в пространственном распределении зданий, в их качестве, внешнем облике, в объединяющих разные районы города связях (Ptichnikova, 2012: 47). Особо ярко это прослеживается в районах массовой индивидуальной жилой застройки городов, где каждый волен оформлять свое жилище исходя из собственных предпочтений и возможностей.

Еще одна специфичная черта в облике столичных городов Саяно-Алтая связана с тем, что, несмотря на национальный статус изучаемых регионов, проявления национальной темы в стилистике архитектуры зданий единичны. Особенно это касается зданий, сооруженных в советский период. Так, например, при формировании

⁵ Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. БД ПМО Республики Алтай. – URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?ort=8470100020102011201220132014201520162017 (Дата обращения: 14.02.2020).

архитектурной среды города Абакана «художественный потенциал, национальная специфика и возможности стилистических интерпретаций на темы хакасского национального искусства архитекторами были реализованы в единичных случаях и не получили сколько-нибудь широкого, смелого освоения» (Lemytskaya, Slabukha, 2012). В целом в советский период в архитектуре столичных городов национальных областей Саяно-Алтайского региона преобладало русское советское начало, практически отсутствовало внимание со стороны власти к возможности или необходимости проявления национальной тематики в архитектуре городов.

В последние десятилетия значительный шаг в сторону вплетения этнических мотивов в городскую архитектуру совершил Кызыл. Здесь современная архитектура города элегантно оттенена этническим колоритом. В Абакане и Горно-Алтайске национальная тематика в архитектуре представлена слабо.

Между тем одной из важнейших особенностей столиц национальных республик является закрепление за ними роли центров сохранения и воспроизводства культуры титульного и русского народа (Trifonova, 2016: 26). В связи с этим неслучайно здесь с советских времен создавались условия для сохранения и развития языка, искусства и культуры титульного и русского народов. В Абакане, Кызыле и Горно-Алтайске строились театры, библиотеки, создавались творческие и художественные коллективы, научно-исследовательские институты языка и культуры коренных народов Саяно-Алтая.

Столичные города не только источники импульса развития регионов, но также индикаторы регионального развития. Например, Горно-Алтайск, являясь туристическим центром, с одной стороны, сам во многом развивается за счет притока туристов, но в то же время туристическая ориентация города способствует разработке региональных программ по развитию туризма и схем размещения туристской инфраструктуры, определению зоны интенсивного рекреаци-

онного освоения с формированием урбанистической среды (Dunets, 2008: 74).

Еще одна особенность региональных столиц – это их притягательность для мигрантов, причем она распространяется и на ближайшие территории, на их пригороды. В результате вокруг этих городов концентрируется сельское население, которое растет благодаря хорошей транспортной доступности центра и возможностям многообразных связей с ним. Это характерно для всех трех изучаемых столичных городов, но каждый из них имеет свои особенности пригородного развития. Так, Горно-Алтайск имеет невысокий миграционный прирост по сравнению со своими пригородами (Mktrchyan, 2018: 30). На границах с городом расположено одно из самых крупных сел России – Майма, население которого составляет почти половину жителей столицы Горного Алтая. В непосредственной близости с Горно-Алтайском находятся села Алферово, Кызыл-Озек, Карлушка, для которых также характерен миграционный прирост населения. Подавляющая часть жителей этих пригородов ежедневно вовлечена в маятниковую миграцию со столицей, «многие жители с. Майма фактически считают себя жителями столицы» (Breslavsky, 2019: 61). В Тыве помимо Кызыла разрастается также примыкающий к нему пригородный поселок Каа-Хем, в Абакане – поселок Усть-Абакан, населенные пункты в зоне Абакано-Черногорской агломерации, а также Подсинее. Многие жители Белого Яра и Изыхских копей также вовлечены в орбиту влияния столицы. В ежедневную рабочую маятниковую миграцию с Абаканом вовлечены и жители юга Красноярского края, прежде всего Минусинска и Минусинского района.

Таким образом, развитие столиц национальных республик Саяно-Алтайского региона имеет ряд специфических черт, обусловленных как их географическим расположением, так и набором выполняемых ими функций. Перспективы их дальнейшего развития во многом определяются возможностями их социально-экономического,

социально-демографического развития, турных, образовательных, научных и политических центров своих регионов.

Список литературы / References

- Ankudinova, T.V. (2009). K voprosu ob ekonomicheskom razvitii goroda Gorno-Altai'ska v poslevoennye gody [On the question of the economic development of the city of Gorno-Altai'sk during the post-war years], *In Mir Evrazii [The world of Eurasia]*, 1, 61-64.
- Breslavsky, A.S. (2019). Urbanizatsiya i v respublikakh Tuzhnoy Sibiri: dinamika kluchevykh parametrov (1989–2019) [Urbanization in the republics of South Siberia: dynamics of key parameters (1989–2019)], *In Urbanistika [Urban Studies]*, 1, 58-67.
- Breslavsky, A.S., Burtonova, V.N. (2019). Demograficheskie parametry urbanizatsii v respublikakh na vostoke Rossii [Demographic parameters of urbanization in the republics in the East of Russia]. *In Regional'naya i Rossiyskaya istoriya i sovremennost': materialy Vserossiyskoy (natsional'noy) nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Komsomol'sk-na-Amure, 12 dekabr' 2019 g.) [Regional Russia: history and modern times: Proceedings of the Russian (national) Research and Practice Conference (Komsomolsk-on-Amur, December 12, 2019)]*, 32-37.
- Bondarenko, T.A. (2019). Istoriya i sozdaniye goroda v Tsentre Azii [History of the creation of the city in the center of Asia], *In Novye issledovaniya i Tuvy [New Research of Tuva]*, 4, available at: www.tuva.asia/journal/issue_4/914-bondarenko.html.
- Dashinamzhilov, O.B. (2018). Gorodskoe naselenie Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e gody: Istoriko-demograficheskoe issledovanie [The urban population of western Siberia in the 1960s–1980s: historical and demographic study]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 368 p.
- Dorzhu, Z.Yu. (2015). Iz istorii stolitsy Respubliki Tyva – Kyzyla [From the history of the capital of the Republic of Tyva – Kyzyl], *In Vestnik BNTs SO RAN [Bulletin of the Buryat National Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]*, 1(17), 32-41.
- Dunets, A.N. (2008). Rol' industrii turizma v urbanizatsii gornyykh territoriy (na primere Altai-Sayanskoy strany) [Role of the tourism industry in the urbanization of mountainous territories (on the example of Altai-Sayan country)], *In Ekologiya i urbanizirovannyykh territoriy [Ecology of urbanized territories]*, 4, 72-75.
- Dyatlov, V.I. (2018). Stolitsy sibirskikh avtonomiy: sovetskii proyekt natsional'nogo stroitel'stva i etnizatsiya gorodskogo prostranstva [Capitals of the Siberian autonomies: the Soviet project of nation-building and ethnization of the urban space], *In Respubliki na vostoke Rossii: traektorii ekonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya: sb. nauch. st. po itogam Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo seminar (10–11 iyun' 2018 g., g. Ulan-Ude) [Republics in the East of Russia: trajectories of economic, demographic and territorial development: collection of scientific articles based on the results of the Russian Research and Practice Seminar (June 10–11, 2018, Ulan-Ude)]*, Ulan-Ude, 238-246.
- Lemytskaya, D.E., Slabukha, A.V. (2012). Arkhitekturno-prostranstvennoye razvitiye goroda Abakan v 1920–1960-e gg. [Architectural and spatial development of the city of Abakan in the 1920s–1960s], *In Arkhitekton: izvestiya i vuzov [Architecton: izvestiya vuzov]*, 1, available at: http://archvuz.ru/2012_1/17.
- Letopis' gorodov Sibiri. Abakan – 85 let: stat. sb. [The chronicle of the towns of Siberia. Abakan – 85 years old: statistical compilation] (2017). Abakan, Krasnoyarskstat, 107 p.
- Mkrtchyan, N.V. (2018). Regional'nye stolitsy Rossii i ikh prigorody: osobennosti migratsionnogo balansa [Regional capitals of Russia and their suburbs: features of the migration balance], *In Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya [Izvestiya of the Russian Academy of Sciences. Geography series]*, 6, 26-38.
- Ptichnikova, G.A. (2012). "Nespravedlivyy gorod": gorodskoe prostranstvo kak otrazhenie obshchestvennykh otnosheniy ["Unfair city": urban space as a reflection of public relations], *In Sociologiya i goroda [Sociology of the city]*, 3, 47-54.
- Tinikova, E.E. (2019). Dinamika natsional'nogo sostava gorodskogo naseleniya i Tuzhnoy Sibiri v 1945–2017 godakh [Dynamics of the national composition of the urban population of South Siberia in

1945-2017], *In Aktual'nye problemy sovremennoi nauki: vzgliad molodykh uchenykh. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov i studentov (Groznyi, 26-27 apreli' a 2019 g.)* [Relevant problems of modern science: young scientists' view. Proceedings of the International Research and Practice Conference of Young Scientists, Postgraduates and Students (Grozny, April 26-27, 2019)]. Makhachkala, 409-414.

Tinikova, E.E. (2018). Transformatsii a gorodskogo rasseleniia v natsional'nykh respublikakh Tuzhnoi Sibiri v seredine XX – nachale KhKhI veka [Transformation of urban settlement in the national republics of South Siberia in the middle of the XXth-beginning of the XXIst century], *In Novye issledovaniia Tuvy* [New Research of Tuva], 4, available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/816>.

Torosov, V. (1994). Abakan [Abakan]. Moscow, Tsits'ero, 206 p.

Trifonova, Z.A. (2016). Tsentry etnokul'turnykh regionov Rossii [Centers of ethnocultural regions of Russia], *In Mozaika gorodskikh prostranstv: ekonomicheskie, sotsial'nye, kul'turnye i ekologicheskie problemy* [Mosaic of urban spaces: economic, social, cultural and environmental problems], 24-29.

Tuguzhekova, V.N. (2001). Abakanu-70 [Abakan-70], *In Abakan literaturnyi* [Literary Abakan], 4, 5-8.

Shirap, R.O. (2017). Razvitie sistemy obrazovaniia v g. Kyzyle v pervoe desiatiletie posle vkhozhdeniia Tuvy v sostav SSSR [The development of the education system in Kyzyl in the first decade after Tuva became part of the USSR], *In Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serii a: gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Series: humanities], 7, 1018-1024.

Shirap, R.O. (2019). Sotsial'no-demograficheskoe razvitie g. Kyzyla v 1940–1960-e gg. [Social and demographic development of Kyzyl in the 1940s-1960s.], *In Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tuva State University], 4 (52), 76-83.

Tubileinyi statisticheskii sbornik k 100-letiiu edineniia Rossii i Tuvy: stat. sbornik [Jubilee Statistical Collection for the 100th Anniversary of the Unity of Russia and Tuva: statistical compilation] (2014). Kyzyl, Tyvastat, 208 p.

Archeology

DOI: 10.17516/1997-1370-0811
УДК 39:930.85

Ethnocultural, Social and Mental Features of Suicide in the Society of the Indigenous Peoples of the North

Sergey V. Bereznitsky*

*Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera), RAS
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 10.07.2021, received in revised form 09.08.2021, accepted 10.08.2021

Abstract. The problems of suicide have been worrying humanity for several millennia. Specialists of various disciplines (ethnographers, historians, philosophers, cultural scientists, psychologists, psychiatrists, demographers) are trying to solve several fundamental problems of this complex cultural institution. Many scientists start with the traditional question of the similarity and difference between humans and animals, judging, among other things, by the presence or absence of examples of suicide in the fauna. The next stage of research is based on identifying the main causes of suicide (the influence of nature, climate, the surrounding social environment, historical events, physiological indicators of a particular person), on understanding statistical data, and ways to prevent such cases as much as possible. An equally relevant approach is the study revealing the ethno-cultural features of the manifestation of the institution of suicide, in particular, in the culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East (Samoyeds, Ugrians, Paleoasians, Tungus-Manchus). European settlers have been trying for several centuries to settle the Arctic and northern territories, where indigenous peoples originally live. As a result of close inter-cultural and inter-ethnic contacts, cultural diffusions, mutual borrowing of certain aspects of material culture, economy, transport, and trade rituals have occurred and continue to occur. However, the indigenous peoples retain the peculiarities of the mentality in the field of suicide, which were discovered by European pioneers in the 17th century and recorded in more detail in the materials of the 18th-19th centuries. The problem of the correlation between Arctic hysteria, shamanism and suicide requires additional research. The main methods for identifying the answers to these questions are practical methods of field ethnography, critical analysis of various sources (archival, museum, folklore), published documents, works of domestic and foreign scientists.

Keywords: North, Siberia, Far East, indigenous peoples, features of history, culture, mentality, institution of suicide.

The article was written with the support of the Project of the RFBR and the National Center for Scientific Research of France (NCNIA) No. 21–59–15002 «The mentality of

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: svbereznitsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6235-5542

the Tungus-Manchus and Paleoasiates of Eastern Siberia and the south of the Far East as a worldview basis and an indicator of the features of the life system».

Research area: Ethnography; History.

Citation: Bereznitsky, S.V. (2022). Ethnocultural, Social and Mental Features of Suicide in the Society of the Indigenous Peoples of the North. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(5), 626–636. DOI: 10.17516/1997-1370-0811.

Этнокультурные, социальные и ментальные особенности суицида в обществе коренных народов Севера

С.В. Березницкий

*Музей антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. Проблема суицида всегда была и остается актуальной. По данным Всемирной организации здравоохранения, современная Россия лидирует по количеству самоубийств и занимает второе место в мире после Литвы. Этому вопросу посвящено огромное количество научных трудов. Ученых волнуют статистика и причины самоубийств, их социальные последствия, реакция общественности и властей. Не менее важным направлением представляется исследование сущности, этнокультурных, ментальных особенностей института суицида в обществе коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Для решения поставленной цели использованы практические и теоретические методы этнографической науки: опрос информантов; историко-типологический анализ, позволяющий исследовать стадиальные явления, тип культуры в рамках относительно замкнутых областей (бассейн Амура, Сахалин, Камчатка, Чукотка); историко-диффузионный для решения проблем этнокультурных контактов коренных народов Севера с соседними и переселенческими этносами; историко-генетический для выявления проблем трансляции этнокультурных ценностей. Данные методы, а также анализ архивных источников позволили сделать вывод о кардинальном отличии менталитета европейских этносов и коренных народов северных регионов в сфере осмысления суицида, его мотивов, причин, связи этого сложного явления с этносоциальным окружением, с верованиями, ритуалами жизненного цикла.

Ключевые слова: Север, Сибирь, Дальний Восток, коренные народы, особенности истории, культуры, менталитета, института суицида.

Статья написана при поддержке Проекта РФФИ и Национального центра научных исследований Франции (NCNla) № 21–59–15002 «Менталитет тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов Восточной Сибири и юга Дальнего Востока как мировоззренческая основа и показатель особенностей системы жизнедеятельности».

Научная специальность: 07.00.07 – этнография, 07.00.02 – история.

Introduction

The world historiography of suicide has been created for several centuries. Almost none of the famous philosophers, culturologists, historians and writers ignored this topic. There are attempts to contribute to the study of the essence of suicide, the reaction of the community to it, and the role of religious canons in most of the works. Thus, back in the 16th century, M. Monten' wrote that suicide is a fault before God and people, since this act is a person's refusal to perform the duties given to him from above. Mass suicide is not less terrible, and here is an example of a collective mental impulse. A serious illness that brings pain and suffering can be considered an excuse for a person's suicide (Monten', 1979: 309, 311, 317, 319).

D. Yum, on the contrary, was convinced that suicide is not a sin before God; it is not considered a crime before society and the person of the suicide himself, because all thoughts and actions of a person are created and subordinated to divine providence. Tired of life, suffering from misfortunes, a person overcomes his natural fear of death and leaves this world, which continues to exist without him. Humans, like animals, are subject to natural laws and have the full right to choose whether to live or die, which does not affect the process of further development of the Universe (Yum, 1965: 698–702). Perhaps Hume's reasoning was influenced by his knowledge of ancient Indian philosophy, Hinduism, and the epic «Mahabharata», in which the hero Arjuna receives instructions from Krishna before the battle against his brothers. Arjuna, as a kshatriya, should do his duty and not think about the consequences, since Krishna has already done everything for him (Mahabharata, 2009: 81–91, etc.).

F.M. Dostoevsky condemned the suicides that occurred in Russia in the 1870s due to various minor problems; the writer described the suicide epidemic as «... thoughtlessness in Russian nature...» (Dostoevsky, 1981: 4, 6, 282, 285, 314–315).

Z. Freud singled out melancholy as one of the main causes of suicide, and defined suicide as the denial of life because of a passionate de-

sire for death; it should not be justified, but can be prevented (Freud, 1999: 166).

An important pattern about the rapid increase in the number of suicides in accordance with the growth of culture and civilization was noticed by P.A. Sorokin. In the 20th century, suicide became a real epidemic, threatening society also because people very quickly got used to suicides and stopped paying attention to them (Sorokin, 2003:104). Sorokin also has controversial beliefs that there was no suicide among animals in prehistoric times. He did not consider suicides, but only victims, ritual suicides of wives after the death of their husbands, the customs of hara-kiri in Japanese culture, the voluntary retirement of old people in the traditional society of the Danes, Goths, ancient Hindus, Greeks, Romans, and Germans (Sorokin, 2003: 105).

I. P. Krasnenkova, based on the analysis of the works of well-known suicidologists, came to the conclusion that ethnicity and state affiliation in no way affect the number of suicides, in contrast to gender: men resort to this method of ending life much more often (Krasnenkova, 1999: 151–174).

In general, it should be noted that, despite the abundance of works on this problem, its solution is constantly complicated by new materials, facts that appear on the basis of rapidly emerging new ways of communication, intergenerational transmission of information, including negative information that affects the adoption of a tragic decision. Despite the active processes of globalization, there is a parallel revival of ethnic identity, bright flashes of mental features, including on the basis of the evolution of the canons of world religions, beliefs and rituals.

Statement of the problem and theoretical framework

According to V.S. Efremov, the term «suicide» has been known in the Western world since the 12th century, the concept of «suicide» in the Russian language appeared in the «Three-language Lexicon» in 1704; suicidology as a multidisciplinary scientific direction appeared in the 19th century. Only at the end of the 20th century the concept that suicide is a

conscious action of a person who understands that it will end in death developed (Efremov, 2004: 17).

The conceptual substantiation of the stated aspect of the ethno-cultural features of the institute of suicide is associated with the analysis of the theoretical developments of domestic and foreign specialists in the field of suicidology in the context of cause-and-effect relationships of suicide facts, the possible influence of natural and social factors, as well as individual psychological and ethno-psychological attitudes of specific individuals who committed suicide.

E. Durkheim's concept of the essence of suicide emphasized the extreme complexity of this social phenomenon, the need for an interdisciplinary approach to its research, to find answers to questions about whether suicide is a crime against life or a vital human right, whether its numerous causes lie in a disease or a normal state (Gordon, 1912: XV–XVI). The main causes of human suicide are the separation of the individual from the society that coordinates his life actions and aspirations with the help of religious or secular institutions, or the complete suppression of human freedom by society. Moreover, a person comes to suicide consciously, this act is not affected by racial characteristics, diseases, narcotic substances, only an individual who is fully aware of his actions and their consequences can be considered a suicide (Durkheim, 1912: 11–12, 14, 27, 31–32, 37, 43, 87–90, 102). Durkheim was absolutely convinced that suicide is only characteristic of people. Any cases of animals taking their own lives are not associated with the awareness of subsequent death, for example, a dog that yearns after the death of its owner, refuses food and dies of starvation (Durkheim, 1912: 15). In the sphere of the stated topic about the ethno-cultural features of the institution of suicide, Durkheim's thoughts that each society in a certain historical period has its own specific tendency to suicide are relevant. The elderly are the most likely to resort to suicide (Durkheim, 1912: 20, 101–102). As for natural factors, the frequency of suicides is not affected by climate and seasonal temperature fluctuations. The main influence is the nature of civili-

zation in different countries, social reasons, for example, the conquest of Rome in 1870 during the War of independence of Italy (Durkheim, 1912: 104–105). On the basis of statistical data, Durkheim criticized the conclusion of the French philosopher Charles Montesquieu that cold and damp countries have the highest number of suicides (Montesquieu, 1955: 358–359). Similarly, hot climate is not a cause of suicide (Durkheim, 1912: 107, 111).

N.A. Berdyaev criticized the sociological concept of suicide by E. Durkheim, and drew the attention of scientists to the ethnocultural feature of suicides of Russian emigrants at the beginning of the 20th century. The reasons were hopelessness, the loss of the meaning of life due to isolation from the motherland, the horror of the realization about having to live in a foreign world, the loss of the former high social status, the need to engage in heavy physical labor, diseases, the consequence of these motivations is the rapid «contagion» of the suicidal idea as a result of observations of suicides. You can sympathize with a suicide, feel sorry for him for the suffering that led to suicide, but you cannot justify the very fact of suicide, which is a sin before God and a crime before society. The suicide of an emigrant is not a personal matter of an unhappy person, but a demonstration that the Russians, as an ethnos, do not stand up to the hardships of emigration in general (Berdyaev, 1931: 28, 5–11, 15, 18 etc.).

Analyzing the work of A.N. Radishchev, Yu.M. Lotman stressed that for him the heroic suicide was a vivid manifestation of civic virtue (Lotman, 1994: 72, 133, 160, 216). The specific case of suicide that Radishchev described was related to the suicide of the Jacobin revolutionaries, prisoners who thus escaped the disgrace of public execution. Lotman identified a difference in the causes of suicide in England and Russia, in particular from longing: dueling, reckless behavior in war and playing cards took place among the Russian nobles. An epidemic of suicide took place in the second half of the 18th century in Russia, Europe and America; often suicides imitated literary heroes (Lotman, 1994: 176, 215–223).

Yu.A. Sumarokov, when studying the causes of suicide in the society of the indig-

enous peoples of the North, proposed to pay special attention to the peculiarities of their worldview, mental perception of the world and ethnopsychology (Sumarokov, 2015: 224; Naumenko, 2020: 944–945).

An equally important aspect in the process of revealing this topic is «institutional» suicide, the name of which was developed in the middle of the 20th century by the American psychologist and leading theorist of suicidology Norman Farberow. This type has been known in human history since ancient times. Its most striking manifestations: the self-immolation of widows and servants in India and China, after the death of the husband and master, the ritual suicide of hara-kiri in Japan, suicide among the peoples of antiquity (Celts, Germans, Zulus), which was considered the natural way of the most worthy death (Farberow, 1961; Efremov, 2004: 29–30). Such numerous cases of suicide are recorded in the traditional and modern culture of the indigenous peoples of the North. Thus, the phenomena of suicide as a worthy death proposed by Radishchev and Farberow fully correlate in their essence with the phenomenon of ethno-cultural features of suicide in the society of Arctic ethnoses.

Statement of the problem

The author supposes it is relevant to study the ethno-cultural features of the essence of the institution of suicide in the traditional and modern society of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. This problem is also highlighted in connection with the theses of well-known scientists identified above about the possible influence of natural and social factors on the mechanism of suicide. The fundamental thesis is the study of the mental differences between the phenomenon of suicide in the societies of indigenous and displaced peoples in the northern regions. This factor is complexly connected with the evolution of specific ethnoses and civilizations, with the processes of ethnic contacts, ethno-cultural diffusion, divergence and acculturation.

Methods

The methods of field ethnographic science were used to achieve this goal: inter-

viewing informants, recording the collected ethnographic and folklore material in a field diary and on electronic media. Archival materials of the 18th century, published works of domestic and foreign researchers were collected and analyzed to study the features of suicide in traditional societies of the indigenous peoples of the North.

Discussion

Among the works on specific cases of suicide in society and indigenous peoples of the North in particular, we can highlight the articles by D. K. Zelenin, N. B. Semenova, etc., devoted to historiographical overview of the problem (Zelenin, 1937: 47–78; Loginov, Solodka, 2017: 101–105; Semenova, 2017: 17–38; Stopchak, 2019: 226–230). E. A. Naumenko, Tarskaya and others stressed the risk of suicide for indigenous peoples of the North – their systemic nature, globally affecting the mortality rate for aboriginal people (Naumenko, 2020: 944; Tarskaya, 2009: 62).

Modern researchers of suicides among the peoples of the North emphasized that the largest number of such sad cases was recorded in the Republic of Komi, in Udmurtia, in the Nenets and Koryak Autonomous Districts. Experts noted the impact on the dynamics of suicides of socio-economic, anthropogenic and natural factors, in particular, heliogeophysical, electromagnetic anomalies, northern lights (Kasatkina, 2014: 45).

One of the discoverers of Kamchatka, S. P. Krasheninnikov, emphasized that Itelmen resorted to suicide in traditional culture as a specific defense against boredom, anxiety, and the inability to live in the usual comfort «... it is better to die than not to live as they please...». Cases of suicide were so frequent that the Russian authorities were forced to send decrees ordering the Kamchatka administration to prevent the suicide of Kamchadals (Krasheninnikov, 1949: 368).

There were special rooms for the detention of captives-hostages (amanats) from among the indigenous peoples in the Russian fortresses, built by the pioneers in the process of developing the North and Siberia in the 17th-18th centuries (Zuev, 2002: 277–279).

G. L. Maydel wrote that one of the commanders of the Anadyr prison in the 1760s Plenisher was to identify the feasibility of further functioning of this Russian outpost in the northeast. Plenisher came to the conclusion that the prison could not be paid for, that it was impossible to influence the Chukchis in the interests of the Russian authorities with the help of hostages. Even in ordinary life, the Chukchis killed their infirm relatives at their urgent requests. The hostages were immediately classified as dead. The hostages themselves tried to commit suicide (Maydell, 1896: XXI, 606–608), so as not to expose their soul and body to bullying by the Cossacks, Koryaks, Yukagirs, and other aborigines who accepted Russian citizenship and paid *yasak*, with whom the Chukchi had military clashes, stole their deer, and took their wives and children (RGADA, 1761: 12; Bereznitsky, 2020: 136, 139, 144–145).

Over time, Plenisher revealed interesting ethnographic facts, features of the culture, mentality, and ethnopsychology of the Chukchis, which made it impossible to bring them into Russian citizenship in the 18th century (Zuev, 2006: 99). The Chukchis were extremely militant, mobile, quickly rallied when an external threat arose, and were not afraid of death. Analyzing various materials about the activities of the Anadyr fortress, the stories of the Cossacks about the campaign in Chukotka in the 1730s–1740s, Plenisher identified the ethno-cultural features of other indigenous peoples of the region. In particular, it was possible to influence the Yukaghirs with the help of hostages taken. The Yukaghirs themselves sent their children to fortress to prove their loyalty to the Russian authorities (RGADA, 1764: 14 ob, 63, 315–317; Bereznitsky, 2020: 153–154, 237–238). In the reports of the 18th century, all expenses related to the maintenance of *amanats* were recorded in detail (RGADA, 1764: 184, 193).

Researchers of the 18th–19th centuries collected numerous cases of suicides of elderly people, representatives of the indigenous peoples of north-east Asia (Chukchis, Eskimos, Koryaks, Itelmens), who were helped to commit suicide by their relatives (strangled,

stabbed with spears, cut with knives, etc.) (Billings, 1978: 56; Merck, 1978: 138; Wrangel, 1848: 182).

According to F. Boas, V. G. Bogoraz, V. I. Iokhelson, etc., in the traditional culture of the Chukchis, Koryaks, Kereks, Yukagirs, and Eskimos, the custom of voluntary death was an extremely honorable ritual in which the entire family participated (Sarychev, 1802: 109; Boas, 1888: 589, 615; Bogoraz, 1900: 52–58; 1934: 106–112; Iokhelson, 1997: 197; Kalinnikov, 1912: 86–87; Leontiev, 2008: 67; Omrytkhaut, 2008: 94).

V. G. Bogoraz penetrated deeper than others into the essence of the institution of suicide caused by climatic, genetic and social reasons, the need to sacrifice the soul of a suicide to spirits, and most importantly, what is most relevant for the stated topic – the ideological, mental, ethno-cultural and ethno-psychological characteristics of the aborigines. The tradition of suicide was so strong that it was recorded by Russian ethnographers, representatives of local authorities in the middle of the 20th century (Kuznetsova, 2004: 390; Gagarin, 2008: 224–229; Mikhailova, 2015: 89–91, 140, 148; Davydova, 2015: 130–135).

S. S. Gagarin noted that after the establishment of Soviet power in Chukotka, it faced a number of ethnocultural features of indigenous peoples, in particular, the canons of customary law. The Soviet criminal system was particularly strict about the custom of «voluntary death», which was applied to the sick, elderly people who did not want to burden their loved ones. The ritual was performed at the request of those who wanted to go to the world of their ancestors. In their worldview, a complex transformation of consciousness took place, a person mentally turned into a wild deer, which was supposed to be «hunted» by relatives, with the help of a spear, a knife, a lasso, and firearms. Relatives, shamans, who consciously help suicides to leave the human world, were well aware of their expected criminal punishment for murder, even if unintentional, but could not refuse the last wish of a relative (Gagarin, 2008: 224–229).

When analyzing the ethnocultural and historical features of collectivization in Chu-

kotka, which did not end in the middle of the 20th century, B.M. Andronov highlighted the fact of the suicide of the kulak, who could not bear global changes and the transfer of the levers of power to the former poor (Andronov, 2008: 106).

Based on the analysis of archival materials of V.G. Kuznetsova, E.A. Davydova published works of V.G. Bogoraz, E.A. Mikhailova, and other works of domestic and foreign scientists, her own field research in the Amguem tundra, in comparative terms, considered in detail the attitude of the Chukchis and Russians to the facts of suicide in the middle of the 20th century, made the necessary historical and ethnographic excursions, showed the strong preservation of Chukchi traditions in this area, despite the powerful foreign cultural influence (Davydova, 2015: 130–135).

M.P. Dutkin analyzed a large number of works devoted to statistics and the causes of suicide in the society of the indigenous peoples of Siberia, Alaska, and Canada. According to the researcher, the main reason is the dominance of European ethnocentrism (Dutkin, 2018: 64–75).

It should be emphasized that in addition to the unique customs of voluntary death with the help of relatives, in the traditional and modern culture of the indigenous peoples of the North, other reasons for suicide are known: difficult life situations associated with temporary lack of money, unrequited love, loss of the meaning of life due to economic or commercial problems, lack of understanding by others. The mental basis is still the belief that the soul is immortal and only periodically changes its «shell», implanting itself in women or men of its kind.

As one of the typical examples, we can cite the information collected in an ethnographic expedition in 2019 on Sakhalin. The journalists brought Japanese scientists to one of the reindeer herding teams. The reindeer herders received the delegation very cordially, but they overdid it with hot drinks and began to complain to the guests about the actions of the local authorities that hinder the development of reindeer husbandry. At night, one of the reindeer herders shot himself in a nearby

tent out of desperation. It is noteworthy that he did not participate in the general dinner and was completely sober. According to the expert of Nivkhis culture, writer and public figure V.M. Sangi, it was a demonstrative suicide. In this way, the person decided to immediately get away from all the problems (Bereznitsky, 2019: 114).

Orochis, living in the Tumnin River basin in the Khabarovsk Territory, Udeges people from the Anyu River, Evenkis from the Seledzha River in the Amur region said that already in the 1930s their grandfathers and fathers were subject to strong acculturation by European immigrants, including in the field of suicide. Suicides were then buried not in common cemeteries, but in specially designated areas, often together with the drowned. According to the stories of the Nivkhs, the souls of suicides do not fall into the human afterlife, but into submission to the masters of various elements: drowned people – in the underwater world, hanged people hang in the air all the time. Currently, due to the highest level of social apathy, the inability to preserve even the remnants of their culture, the number of suicides is very large. But now such dead people are buried in common cemeteries.

Some Anadyr Chukchi women and cultural workers told in 2018 about suicide attempts caused by a creative crisis. Nowadays, Chukchi reindeer herders teach their children to carefully observe the surrounding nature and draw the necessary conclusions about the approaching bad weather in order to save the herd and people. Often alarming signs of glaciation of pastures are given by field mice, lemmings, stoats, resorting to mass suicides while searching for food. Some indigenous peoples, reflecting on the cases of suicide of their relatives, associate these sad facts with the process of rapid loss of their native languages, knowledge of harmonious social relations, about the history, culture, traditions of their family, clan, and ethnos.

Conclusion

In general, several fundamental conclusions should be noted. One of them is based on the concept of the relativity of suicide assess-

ment. The attitude to suicide varies significantly under the influence of interrelated factors of mentality, beliefs, religion, tribal or civil laws, and morality. What seems disgusting in one society or culture is commonplace, habitual, and even necessary in another.

The following conclusion is related to the largest volume of ethnocultural differences of suicide collected and recorded in the traditional and modern culture of the Chukchis. For the Chukchis-Amanats of the 18th century, suicide was a proof to themselves and their relatives of the highest achievement of the spirit, personal courage, and honor for the family and clan. Contemporaries noted this cardinal difference between the Chukchis mentality and the Christian ideas about the essence of suicide. The custom of voluntary death as a prevention of suffering from old age and disease, a burden for relatives, existed in the middle of the 20th century.

The analysis of the above-mentioned works showed that the influence of climate, social conditions, and the pressure of the European authorities are secondary reasons that can influence the decision to commit suicide of the indigenous peoples of the North. The global mental difference of the aborigines, the peculiarity of ethnic identity, worldview, adherence to ancient traditions, a special attitude to life and death remain the main motive.

References

- Andronov, B.M. (2008). Kollektivizatsiia po-chukotski [Collectivization in Chukchi], In *Tropoiu Bogoraza*. Moskva, Institut nasledii-GEOS, 102–126.
- Berdyayev, N.A. (1931). *O samoubiistve: psikhologicheskii etud* [About suicide: a psychological study]. Parizh, YMCA PRESS. 45 p.
- Bereznitsky, S.V. (2019). Otchet ob ekspeditsionnykh rabotakh na territorii Sakhalinskoi oblasti v 2019 g. [Report on expedition work in the Sakhalin region in 2019], In *Arkhiv MAE RAN. F. K-I. Op. 2. D.* [Archive of MAE RAN. F. K-I. Op. 2. D.]. DVNTO. 319 p.
- Bereznitsky, S.V. (2020). *Fridrikh Plenisner i ego vklad v rossiiskuiu nauku XVIII veka* [Friedrich Plenisner and his contribution to the Russian science of the 18th century]. Sankt-Peterburg, MAE RAN. 384 p.
- Billings, I. (1978). Zhurnal, ili podennik, flota kapitana I. Billingsa. Pokhod zemlemernyi po Chukotskoi strane do Aniuiskoi kreposti v godakh 1791 i 1792. Per. s angl. F. Karzhavina. Ch. 3. [The journal, or day-book, of Captain I. Billings' fleet. The survey campaign in the Chukchi country to the Anyu fortress in the years 1791 and 1792. Translated from English by F. Karzhavin, 3], In *Etnograficheskie materialy Severo-Vostochnoi geograficheskoi 'ekspeditsii: 1785–1795 gg.* [Ethnographic materials of the North-Eastern expedition]. Magadan, Kn. izdatel'stvo, 54–58.

Acknowledgements

The author expresses his sincere gratitude to the informants from among the indigenous peoples of the North who shared their knowledge about their culture.

Akunka Irina Ivanovna, Orochka born in 1960 – in 2018, head of the school museum in the village of Uska-Orochskaya, Vaninsky district, Khabarovsk Territory.

Sleghakova Zoya Borisovna, Nivkhinka, born in 1986 – in 2019, editor of the information and letters department of the newspaper *Znamya Truda* of the Nogliki, Sakhalin region.

Sulaindyuga Klimentiy Alekseevich, Udegeets, born in 1939 – in 2004 retiree in Uni, Nanaysky district, Khabarovsk Krai.

Tevlyankau Elena Mikhailovna, Chukchanka, born in 1964 – in 2018, head of the Department of National Culture of the House of Folk Art of Anadyr.

Yakunina Samira Rizvanovna, Chukchanka, born in 1993 – in 2018, correspondent of the newspaper *Far North* in Anadyr.

The article was written with the support of the Project of the RFBR and the National Center for Scientific Research of France (NCNIA) No. 21–59–15002 «The mentality of the Tungus-Manchus and Paleoasiates of Eastern Siberia and the south of the Far East as a worldview basis and an indicator of the features of the life system».

- Boas, F. (1888). *The central Eskimo*. Washington Publishing house Government Printing Office. Series title Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution. T. 6. 399–669.
- Bogoraz, V.G. (1900). *Materialy po izucheniiu chukotskogo iazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the study of the Chukchi language and folklore collected in the Kolyma District]. Sankt-Peterburg, IAN. 417 p.
- Bogoraz, V.G. (1934). *Chukchi. Chast' 1. Sotsial'naya organizatsiya*. [Chukchi. Part 1. Social organization]. Leningrad, Institut narodov Severa. 191 p.
- Davydova, E.A. (2015). «Dobrovol'naya smert'» i «novaia zhizn'» v amgu'emskei tundre (Chukotka): stremlenie ukhoda v mir mertvykh Tymnenentyna [«Voluntary death» and «new life» in the Amguem tundra (Chukotka): the desire to go to the world of the dead Tymnenentyn], In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 4 (31). 130–135.
- Dostoevskii, F.M. (1981). *Dnevnik pisatel'ia za 1876 g. Ianvar'-aprel'*. [The writer's diary for January-April, 1876], In *Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. T. 22* [Dostoevsky F.M. Complete Works: In 30 volumes, 22]. Leningrad: Nauka, 408 p.
- Dutkin, M.P. (2018). Etnokul'tural'nye faktory suitsidal'nogo povedeniia u korennykh narodov [Ethnocultural factors of suicidal behavior in indigenous peoples], In *Vestnik severo-vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov], 4 (13). 64–75.
- Dyurkgejm, E. (1912). *Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etiud*. Per. s fr. A.N. Il'inskogo [Suicide. Sociological study. Translated from French by A.N. Il'inskii]. Sankt-Peterburg, Izdanie N.P. Karbasnikova. 541 p.
- Efremov, V.S. (2004). *Osnovy suitsidologii*. [Fundamentals of suicidology]. Sankt-Peterburg, Izd-vo «Dialekt». 480 p.
- Farberow, N. L., Shneidman, E.S. (eds.). (1961). *The cry for help*. NY.: Blakiston Division, McGraw-Hill, 398 p.
- Frejd, Z. (1999). Pechal' i melankholiia [Sadness and melancholy], In *Vlecheniia i ikh sud'ba* [Temptations and their fate]. Moskva, ZAO Izd-vo 'EKSMO-Press. 151–177.
- Gagarin, S. S. (2008). K voprosu ob obychai «dobrovol'noi smerti» [On the question of the custom of «voluntary death»], In *Tropoiu Bogoraza* [By Bogoraz's path]. Moskva, Institut Nasledii – GEOS. 224–229.
- Gordon, G.I. (1912). Predislovie [Preface], In *Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etiud*. Per. s fr. A.N. Il'inskogo [Suicide. Sociological study. Translated from French by A.N. Il'inskii]. Sankt-Peterburg, Izdanie N.P. Karbasnikova. 15–24.
- Iohel'son, V. I. (1997). *Koriaki: Material'naya kul'tura i sotsial'naya organizatsiya* [Koryaks: Material culture and social organization]. Sankt-Peterburg, Nauka. 237 p.
- Kallinikov, N.F. (1912). *Nash Krainii Severo-Vostok* [Our Extreme Northeast]. Sankt-Peterburg, Tipografiia Morskogo ministerstva. 246 p.
- Kasatkina, E.A., Shumilov, O.I., Novikova T.B., Khramov, A.V. (2014). Osobennosti dinamiki i tsiklichnosti smertnosti ot samoubiistv i geliogeofizicheskie i antropogennye faktory na Kol'skom Severe [Features of the dynamics and cyclicity of suicide mortality and heliogeophysical and anthropogenic factors in the Kola North], In *Ekologiia cheloveka* [Human Ecology], 02. 45–50.
- Krashennnikov, S.P. (1949). *Opisanie zemli Kamchatki. S prilozheniem raportov, donesenii i drugikh neopublikovannykh materialov* [Description of the land of Kamchatka. With the attachment of reports and other unpublished materials]. Moskva-Leningrad, Izd-vo Glavsevmorputi. 842 p.
- Krasnenkova, I.P. (1999). Filosofskii analiz suitsida [Philosophical analysis of suicide], In *Sb. nauchnykh tr. Ideia smerti v rossiiskom mentalitete* [Collection of research papers. The idea of death in the Russian mentality]. Sankt-Peterburg, Izd-vo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo in-ta. 151–174.
- Kuznetsova, V.G. (2004). Iz neopublikovannykh materialov Chukotskoi ekspeditsii 1948–1951 gg. [From unpublished materials of the Chukchi expedition of 1948–1951], In *Materialy polevykh etnograficheskikh issledovani* [Materials of field ethnographic research]. Sankt-Peterburg, MAE RAN, 4, 5. 390.

Leont'ev V.V. Govoriat kereki [The Kereks say], In *Tropoiu Bogoraza [By Bogoraz's path]*. Moskva, Institut nasledii-GEOS, 63–68.

Loginov, I.P., Solodkaia, E.V. (2017). Monitoring suitsidal'noi situatsii v Priamur'e [Monitoring of the suicidal situation in the Amur region], In *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii [The standard of the population living in the regions of Russia]* 2(204). 101–105.

Lotman, Yu. M. (1994). *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoranstva XVIII-nachala XIX vekov [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility of the 18th–early 19th centuries]*. Sankt-Peterburg, Iskustvo – SPB. 481 p.

Mahabharata. Kniga shestaia: Bhishmaparva (2009) [The Mahabharata. Book 6: Bhishmaparva]. Moskva, Ladimir. 480 p.

Maydell, G. (1896). Reisen und Forschungen im Jakutskischen Gebiet OstSibiriens in den Jahren 1861–1871, In *Beiträge Zur Kenntnis des Russischen Reiches und der Angrenzenden Länder Asiens. Vierte Folge. Auf Kosten Der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Herausgegeben von L. V. Schrenck und Fr. Schmidt. Band 2*. St. Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 800 p.

Merk, K. (1978). *Opisanie obychaev i obraza zhizni chukchei [Description of the customs and way of life of the Chukchi]*, In *Etnograficheskie materialy Severo-Vostochnoi geograficheskoi ekspeditsii: 1785–1795 gg. [Ethnographic materials of the North-Eastern geographical expedition: 1785–1795]*. Magadan, Kn. izd-vo. 98–151.

Mihailova, E.A. (2015). *Skitanii Varvary Kuznetsovoi. Chukotskaia ekspeditsiia Varvary Grigor'evny Kuznetsovoi. 1948–1951 [The Wanderings of Varvara Kuznetsova. The Chukchi Expedition of Varvara Grigoryevna Kuznetsova. 1948–1951]*. Sankt-Peterburg, MAE RAN. 190 p.

Monten', M. (1979). *Opyty. V 3-h kn. Kn. 1 i 2 [Experiments. In 3 books. Books 1 and 2]*. Moskva Nauka. 704 p.

Montesquieu, Ch. (1955). O dukhe zakonov [About the spirit of the laws], In *Montesk'iu Sh. Izbrannye proizvedeniia [Selected Works of Ch. Montesquieu]*. Moskva, Gos. izd-vo polit. lit-ry. 157–733.

Naumenko, E.A. (2020). Psikhologicheskie faktory suitsidov v srede korennoego naseleniia Arkticheskoi zony Zapadnoi Sibiri v XVII–XIX vv. (po materialam regional'nykh arkhivov) [Psychological factors of suicide among the indigenous population of the Arctic zone of Western Siberia in the 17th–19th centuries (based on the materials of regional archives)], In *Bylye gody [Bygone Years]*, 57, 3. 944–951.

Ob otreshenii ot dolzhnosti Sibirskoi gubernskoi kantseliarii tovarishchei Nikiforova i Kaznacheeva (1761) [On the dismissal of Comrades Nikiforov and Kaznacheev from the post of the Siberian Provincial Chancellery], In *RGADA. F. 248. Op. 113. D. 862 [RGADA. F. 248. Op. 113. D. 862]*. 29 p.

Omrytheut, Z. G. Ekho berezovskogo vosstaniia. Ochevidtsy o sobytiakh 1940 i 1949 gg. [Echo of the Berezovsky Uprising. Eyewitnesses about the events of 1940 and 1949], In *Tropoiu Bogoraza [By Bogoraz's path]*. Moskva, Institut Nasledii-GEOS. 91–94.

Plenisner, F. (1764). Kopia otcheta ob ekspeditsii na Anadyr' podpolkovnika Fedora Plenisnera [A copy of the report on the expedition to Anadyr by Lieutenant Colonel Fyodor Plenisner], In *SPF ARAN. F. 3. Op. 10. D. 137 [SPF ARAN. F. 3. Op. 10. D. 137]*. 183 p.

Po vosposleduiushchei na podnesenie ot Moskovskikh i Sankt-Peterburgskikh Senata Departamentov Vysochaishei konfirmatsii o unichtozhenii v Sibiri Anadyrskogo ostroga. (1764) [Following the presentation of the Highest Confirmation from the Moscow and St. Petersburg Senate Departments on the destruction of the Anadyr prison in Siberia], In *RGADA. F. 263. Op. 1. Ch. 1. Kn. 13. D. 113 [RGADA. F. 263. Op. 1. Ch. 1. Kn. 13. D. 113]*. 431 p.

Sarychev, G.A. (1802). *Puteshestvie flota kapitana Sarycheva po severo-vostochnoi chasti Sibiri, Ledovitomu moriu i Vostochnomu okeanu. V 2 ch. Ch. 2. [The voyage of Captain Sarychev's fleet through the north-eastern part of Siberia, the Arctic Sea and the Eastern Ocean. In 2 parts. Part 2]*. Sankt-Peterburg, Tipografiia Shnora, 192 p.

Semenova, N.B. (2017). Rasprostranennost' i faktory riska samoubiistv sredi korennykh narodov: obzor zarubezhnoi literatury [Prevalence and risk factors of suicide among indigenous peoples: a review of foreign literature], In *Suitsidologiya [Suicidology]* 8, 1. 17–38.

Sorokin, P.A. (2003). Samoubiistvo kak obschestvennoe iavlenie [Suicide as a social phenomenon], *In Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological research]*, 2. 104–114.

Stopchak, Ya.A. (2019). Sovremennye tendentsii dinamiki pokazatelei smertnosti naseleniia ot samoubiistv v Dal'nevostochnom Federal'nom okruge [Current trends in the dynamics of population mortality rates from suicide in the Far Eastern Federal District], *In Sb. tr. Mezhdunarodnoi nauchno-prakt. konf. «Sotsial'naia bezopasnost' i sotsial'naia zashchita naseleniia v sovremennykh usloviakh».* Ulan-Ude, 07 iyunia 2019 g. [Collection of works of International Research-to-Practice Conference «Social security and social defence of population in modern conditions». Ulan_Ude, June 7, 2019]. Ulan-Ude, Izd-vo, Buriatskii gos. un-t im. Dorzhi Banzarova. 226–230.

Sumarokov, Y.A., Brenn, T., Kudryavtsev, A.V., Nilssen, O. (2015). Variations in suicide method and in suicide occurrence by season and day of the week in Russia and the Nenets Autonomous okrug, Northwestern Russia: a retrospective population-based mortality study, *In BMC Psychiatry*, 15. 224.

Tarskaya, L.A., Gogolev, A.I., El'chinova, G.I., Egorova, A.G., Limborskaya, S.A. (2009). *Etnicheskaya genomika iakutov (naroda sakha): geneticheskie osobennosti i populiatsionnaia istoriia [Ethnic genomics of the Yakuts (Sakha people): genetic features and population history]*. Moskva, Nauka. 271 p.

Vrangel', F.P. (1841). *Puteshestvie po severnym beregam Sibiri i po Ledovitomu moriu v 1820, 1821, 1822, 1823 i 1824 ekspeditsiei pod nachalom flota leitenanta Ferdinanda fon Vrangelia: V 2 ch. Ch. 1 [Journey along the northern shores of Siberia and the Arctic Sea in 1820, 1821, 1822, 1823 and 1824 by the expedition under the command of the fleet of Lieutenant Ferdinand von Wrangel: In 2 parts. Part 1]*. Sankt-Peterburg, Tipografiia A. Borodina. 356 p.

Yum, D. (1996). *O samoubiistve [About suicide]*, *In Yum D. Sochineniia v 2 t. T. 2. [D. Yum's collection of works in 2 vol. Vol. 2]*. Moskva, Mysl', 800 p.

Zelenin, D.K. (1937). Obychai «dobrovol'noi smerti» u primitivnykh narodov [The custom of «voluntary death» among primitive peoples], *In Pamiati V. G. Bogoraza: 1865–1936 [In memory of V. G. Bogoraz: 1865–1936]*. Sb. st. Moskva-Leningrad, AN SSSR, 47–78.

Zuev, A.S. (2006). Otsenochnoe vospriiatie russkimi chukchei i koriakov (vtoraia polovina XVII–XVIII v.) [Russian evaluative perception of the Chukchi and Koryaks (the 2nd half of the 17th–18th centuries)], *In Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]*, 2. 96–101.

Zuev, A.S. (2002). *Russkie i aborigeny na krainem severo-vostoke Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII v. [Russians and aborigines in the extreme north-East of Siberia in the 2nd half of the 17th – first quarter of the 18th centuries]*. Novosibirsk, Novosibirskii gos. un-t., 330 p.

DOI: 10.17516/1997-1370-0816
УДК 159.97

Pathopsychological Model of Self-Regulation in Children with Cognitive Impaired Health

Elena A. Chereneva^a and Irina Ya. Stoyanova^{*b,c}

^a*Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

^b*Federal State Budgetary Institution
Tomsk National Research Medical Center RAS
Tomsk, Russian Federation*

^c*National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation*

Received 01.04.2021, received in revised form 21.06.2021, accepted 06.07.2021

Abstract. The study of self-regulation as a factor associated with the mental health of children with cognitive deficits is determined by modern trends in the development of psychological knowledge, the possibility of creating new approaches that allow a systematic study of the phenomena and patterns of their manifestations. This will allow the development of new technologies aimed at increasing the resources of health preservation in childhood. The article is devoted to the consideration of the pathopsychological model in children with cognitive health impairments caused by cognitive deficit when identifying cognitive, personality-semantic and regulatory levels of self-regulation in comparison with the norm. Variants of self-regulation in children with impaired cognitive health were identified, taking into account the nosological representation, which contain similar and different forms of impaired self-regulation.

Keywords. Self-regulation, pathopsychological model of self-regulation, junior schoolchildren, cognitive deficits, cognitive health.

Research area: medical psychology.

Citation: Chereneva, E.A., Stoyanova, I. Ya. (2022) Pathopsychological model of self-regulation in children with cognitive impaired health. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(5), 637–651. DOI: 10.17516/1997-1370-0816.

Патопсихологическая модель саморегуляции у детей с нарушением когнитивного здоровья

Е.А. Черенева^а, И.Я. Стоянова^{б, в}

^аКрасноярский государственный педагогический университет

им. В.П. Астафьева

Российская Федерация, Красноярск

^бТомский национальный исследовательский медицинский центр РАН

Российская Федерация, Томск

^вНациональный исследовательский

Томский государственный университет

Российская Федерация, Томск

Аннотация. Исследование саморегуляции как фактора, связанного с психическим здоровьем детей с когнитивным дефицитом, определяется современными тенденциями развития психологического знания, возможностью создания новых подходов, позволяющих системно изучать феномены и закономерности их проявлений. Это позволит разработать новые технологии, направленные на повышение ресурсов здоровьесбережения в детском возрасте. Статья посвящена рассмотрению патопсихологической модели у детей с нарушениями когнитивного здоровья, обусловленного когнитивным дефицитом при выделении когнитивного, личностно-смыслового и регулирующего уровней саморегуляции в сравнении с нормой. Выделены варианты саморегуляции у детей с нарушением когнитивного здоровья с учетом нозологической представленности, которые содержат сходные и различные формы нарушений саморегуляции.

Ключевые слова: саморегуляция, патопсихологическая модель саморегуляции, младшие школьники, когнитивные дефициты, когнитивное здоровье.

Научная специальность: 19.00.04 – медицинская психология.

Введение в проблему исследования. Проблемы исследования и психологической помощи детям с когнитивным дефицитом в контексте психического здоровья в последние годы привлекают все большее внимание специалистов медико-психологической направленности. Согласно статистике Всемирной организации здравоохранения, доля детей, имеющих нарушения умственного развития, составляет 15 % детского населения планеты и продолжает увеличиваться (А.А. Баранов, М.М. Безруких, Е.А. Бочарова, И. Брызгунов, Н.Н. Заваденко, Н.В. Пизова и др.). В той или иной степени выраженности парциальных нарушений когнитивных функций – внимания, мышления, памяти, недостаточной сформированности управляющих функций –

страдают до 20 % детей и подростков. В связи с этим проблема когнитивных нарушений приобретает социальное значение и требует выявления психологических закономерностей, определяющих нарушения здоровья (Н.В. Зверева, И.П. Лукашевич, О.Р. Ноговицына, Д.Р. Сакаева, Н.Я. Семаго, М.М. Семаго, L. Aguilar, B.N. Kim, E. Garralda, J.P. Raynaud, C.M. Luberto, E. Crespo-Delgado и др.).

Клиническая дифференциация различных форм когнитивных нарушений у детей, реализуемая в современных классификациях, позволяет на научной основе рассмотреть психологические составляющие когнитивных дефицитов в образовательной среде (Zvereva and etc., 2015). Значимость проблемы связана не только

с высокой распространенностью когнитивных нарушений в детско-подростковой среде, но и с поиском возможностей их системной коррекции, направленной на здоровьесбережение (Т.В. Ахутина, Н.М. Пылаева, А.В. Семенович, А.П. Бизюк и др.).

Обращая внимание на частичную изученность определенных патопсихологических составляющих когнитивной дефицитарности (Н.В. Зверева), мы отмечаем недостаточную разработанность аспектов саморегуляции при ее нарушениях в детском возрасте как ресурса здоровьесбережения. При этом саморегуляция как психологическая дефиниция, интегрированная в когнитивные процессы, играет важную роль. Саморегуляция определяется как высшая психическая функция, которая в зависимости от решаемой задачи проявляется в произвольном решении по выбору мотива, цели и действия в познавательной деятельности, а также намерений разных уровней человека, как произвольная регуляция личностными средствами различных психических процессов и исполнительных действий.

Постановка задачи

Нарушения саморегуляции играют особо важную роль в осуществлении познавательной деятельности. Эти нарушения выражаются в невозможности целенаправленной организации своих мыслительных действий, целеполагания, мотивации, контроля действий и сличения результатов (Б.В. Зейгарник, А.Б. Холмогорова). Произвольная саморегуляция имеет большое значение при формировании высших психических функций: произвольные память, внимание, опосредованное мышление и т. д. (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник и др.). Значимость влияния саморегуляции на познавательные процессы представлена в работах исследователей, изучавших взаимосвязь когнитивных функций и произвольности с различных научных позиций (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Е.Д. Хомская, С.Д. Забрамная, С.Я. Рубинштейн, В.И. Лубовский, Е.А. Черенева и др.). В работах этих исследователей зало-

жены основания для создания психокоррекционных программ для детей и подростков с когнитивными нарушениями.

В нашем исследовании основанием для разработки патопсихологической модели саморегуляции детей с когнитивным дефицитом является концепция саморегуляции в качестве психофизиологического и психологического базиса формирования когнитивной сферы как основы когнитивного здоровья. В отечественной психологии представлены различные психологические содержания этого феномена. Саморегуляция рассматривается как способ самоконтроля или как рефлексия в рамках метакогнитивных процессов (Карпов, 2007).

Вслед за другими исследователями (Конопкин, 2007; Моросанова, 1995–2007) психологическое содержание саморегуляции рассматривается в настоящем исследовании как определенный вид психической активности, который является основой планирования, выдвижения целей, оценки результатов в конкретных видах деятельности и характеризуется индивидуальными особенностями, включая стиль саморегуляции.

Учитывая психологические особенности детей с нарушениями здоровья, связанными с когнитивными дефицитами, развитие саморегуляции особенно затруднительно (Л.С. Выготский, 2000; Б.В. Зейгарник, 2000; В.И. Лубовский, 1978; Г.Е. Сухарева, 1965; М.С. Певзнер, 1963; В.Г. Петрова, 2000; С.Я. Рубинштейн, 1986; Н.В. Бабкина, 2016; Е.А. Черенева, 2020).

В рамках медицинской психологии проблемы когнитивного дефицита в детском возрасте в последнем десятилетии рассматривались отечественными исследователями. Это работы Н.В. Зверевой, Н.Н. Заваденко, Т.Ю. Хотылевой, Т.В. Фотековой и др. В этих исследованиях проблеме саморегуляции как психологическом базисе формирования когнитивных функций не уделяется достаточного внимания. В настоящий момент существуют исследования, раскрывающие механизмы парциальных когнитивных дефицитов и произвольности в детском возрасте

(А. В. Сиротюк, Т. В. Ахутина, Пылаева, А. В. Семенович). Отсутствуют научные исследования, которые позволяют, с одной стороны, системно изучать когнитивные дефициты с учетом проявлений саморегуляции у детей с нарушениями здоровья, а с другой – разрабатывать комплексные системы психологической помощи. Остается неразработанной патопсихологическая модель саморегуляции, которая позволяет выделить мишени системной психокоррекционной работы, а также прогнозировать компенсацию когнитивных дефицитов не только в подростковом, но и во взрослом возрасте.

Анализ научной литературы клинико-психологического и медицинского спектра показал, что актуальность и значимость изучения проблем здоровьесбережения детей и подростков с когнитивными дефицитами в рамках медицинской психологии связана, в первую очередь, с отсутствием системного рассмотрения феномена саморегуляции. Невысокая эффективность существующих технологий психологической помощи при нарушениях саморегуляции, недостаточность психодиагностических программ, позволяющих выявить ее структуру в соотношении с проявлениями здоровья и адаптивными возможностями детей в образовательной среде требуют новых подходов в исследовательской и практической работе.

Проведение настоящего исследования в рамках медицинской психологии требует уточнения дефиниции «когнитивный дефицит» и введение новой – «когнитивное здоровье». **Когнитивный дефицит** – нарушение познавательной деятельности в форме патопсихологического симптомокомплекса, включая саморегуляцию, познавательную деятельность, эмоциональные и поведенческие аспекты, определяющие когнитивное здоровье и его нарушения у детей младшего школьного возраста,

Когнитивное здоровье – динамическое образование, становление которого обусловлено генетическими, психологическими и социально-средовыми факторами, связанными с познавательной деятельно-

стью и являющегося компонентом психического здоровья человека. Нарушения когнитивного здоровья в детском возрасте проявляется вариантами когнитивных дефицитов.

С учетом методологических оснований ключевыми понятиями исследования являются саморегуляция и ее нарушения, когнитивный дефицит, когнитивное здоровье, патопсихологическая модель, психологическое сопровождение.

Материалы и методы

Для реализации цели исследования был проведен констатирующий эксперимент. На этапе констатирующего исследования комплектовались основные и контрольные группы из учеников младших классов, не испытывающих существенных затруднений в учебе и не имеющих нарушений здоровья. Основные группы включали испытуемых разного возраста, имеющих снижение интеллектуальной деятельности различного уровня: учащиеся с незначительными когнитивными нарушениями – задержкой психического развития (ЗПР) и нарушением интеллектуального развития в легкой степени. Качественная характеристика интеллектуального дефекта соответствует клиническим диагнозам МКБ – 10: F 80.82, F 81, F 70. Общее количество испытуемых составило 456 учащихся в возрасте от 8 до 11 лет. Были сформированы две возрастные группы – 8–9 лет и 10–11 лет, в каждой по 76 человек в контрольных группах и группах сравнения. Сравнительные исследования с учетом когнитивных проявлений включали три группы испытуемых: НИР (нормальное интеллектуальное развитие), ЗИР (задержка психического развития) и НИРЛ (нарушение интеллектуального развития в легкой степени). Кроме того, в исследовании принимали участие матери школьников в количестве 456 человек.

Констатирующий и формирующий этап исследования проводился на базах учреждений системы образования, здравоохранения, социальной защиты населения г. Красноярска.

На разных этапах в соответствии с конкретными задачами исследования использован комплекс различных методов:

1. Методы планирования и организации исследования были основаны на комплексном подходе, включающем сравнительно-корреляционный.

2. Методы сбора эмпирических данных о младших школьниках с когнитивным дефицитом и без нарушений включали следующие психометрические и качественные процедуры с использованием стандартизованных методик психологической диагностики: проективные методики, экспертные оценки педагогов и медицинских работников, метод опроса, метод эксперимента:

- «Детский апперцептивный тест» (САТ) для изучения защитных механизмов, установок» (в интерпретации Мери Р. Хевортс, а также использовалась интерпретация Г. Мюррея в модификации Бурлаковой и Олешкевич – определение особенностей апперцептивного поведения).

- Графический тест «Звезды и волны» (У. Аве-Лаллемант).

- Графический тест «Дом – Дерево – Человек» Дж. Бука и Л. Кауфмана в модификации Р. В. Беляускайте.

- «Методика по изучению самооценки» Дембо-Рубинштейн.

- «Методика по изучению уровня притязаний».

- Разработанный диагностический комплекс «Саморегуляция младших школьников», позволяющий выявлять уровни, их компоненты, которые свидетельствуют о нарушениях либо их отсутствии.

- Психологическая диагностика матерей младших школьников включала разработанное структурированное интервью, направленное на изучение детско-родительских отношений.

- «Опросник Ахенбаха для изучения проблем адаптации».

- «Методика PARI» (опросник родительских установок).

3. Методы анализа и обработки полученных результатов: качественные (контент-анализ) и количественные. Статистические методы. При анализе данных ис-

пользована компьютерная программа «Статистический пакет для социальных наук» (SPSS Statistic 24). Применялись различные методы математико-статистической обработки: достоверности различий по статистическим критериям F^* -угловое преобразование Фишера, критерий сравнения распределения уровней χ^2 Пирсона, корреляционный анализ, метод корреляционных плеяд.

Методологической основой исследования стал системный подход с опорой на принципы патопсихологии и структурно-уровневый анализ саморегуляции, в рамках которого в качестве основных концептуально-объяснительных моделей использованы теоретические направления исследования психической деятельности и семейной системы в норме и патологии и возможностей психологической помощи.

В разрабатываемой патопсихологической многоуровневой динамической модели саморегуляции рассматриваются личностно-смысловой, когнитивный и регуляторный уровни, которые являются динамическими образованиями, взаимодействуют между собой и выступают базовыми составляющими когнитивных функций. Каждый из уровней содержит компоненты, параметры которых свидетельствуют о степени выраженности нарушений саморегуляции либо об отсутствии нарушений.

Результаты

Для описания патопсихологической модели саморегуляции у детей с нарушением когнитивного здоровья разработан диагностический комплекс «Саморегуляция младших школьников у детей с нарушениями здоровья и когнитивными дефицитами», определены психологические параметры, диагностика которых позволяет выявлять нарушения различных уровней и компонентов саморегуляции, а также устанавливать критерии этих нарушений (табл. 1). Это позволило обосновать использование понятий когнитивного дефицита и когнитивного здоровья, а также соотношения между ними.

Таблица 1. Направления психологической диагностики с применением комплекса «Саморегуляция младших школьников»

Table 1. Directions of psychological diagnostics using the complex «Self-regulation of primary schoolchildren»

Диагностическая ось	Уровни саморегуляции	Диагностические параметры (компоненты каждого из уровней саморегуляции)
Клиническая	Когнитивный	Уровень развития интеллекта
		Динамические свойства мышления (ригидность, тугоподвижность, инертность, застреваемость (персеверации))
Патопсихологическая	Личностно-смысловой	Самооценка
		Уровень притязаний
		Установки
		Психологическая защита
Социально-психологическая	Регулирующий	Детско-родительские отношения
		Взаимосвязь поведения с речью, изучение функций речи: регулирующей, планирующей.
		Управление (внешнее и внутреннее)

Патопсихологическая модель саморегуляции включает когнитивный, регулирующий и личностно-смысловой уровни. Когнитивный уровень содержит компоненты, отражающие качественные и количественные характеристики когнитивного развития: динамические свойства уровня (ригидность, тугоподвижность, инертность, застреваемость (персеверации)), а также уровень когнитивного развития – уровень когнитивного дизонтогенеза.

Регуляторный уровень включает способность регулировать (внутренне и внешне) поведение. Этот уровень отражает процесс экстеризации индивидуального опыта, внутренних побуждений и мотивов при достижении цели. Основным механизмом формирования данного уровня является речь как высшая психическая функция, способствующая формированию сознательной активности индивида. В данном случае речь выступает как регулятор поведения и когнитивных функций.

Личностно-смысловой уровень содержит следующие компоненты: самооценку, уровень притязаний, установки, психологические защиты и специфику детско-родительских отношений. Этот уровень

характеризуется динамичностью, насыщенностью, интенсивностью эмоционально-личностного опыта, пластичностью. Качественные проявления уровня зависят от индивидуально-личностного развития и являются отражением субъективной реальности школьника.

Полученные результаты исследования позволили представить анализ межгрупповых различий в показателях когнитивного, управляющего и личностно-смыслового уровней саморегуляции и отдельных компонентов.

Показатели когнитивного уровня свидетельствуют о значительных различиях в нормативной и нозологических группах. Так, у детей с когнитивным дефицитом отмечаются затруднения на всех этапах планирования, контроля и удержания цели деятельности. Отличительной характеристикой уровня при нарушениях когнитивного здоровья служит проявление ригидности при формировании новых стратегий поведения. У здоровых детей когнитивный уровень отличается гибкостью и большей подвижностью при формировании новых моделей поведения, способностью критично относиться к возможным поведенческим изменениям.

При изучении компонентов регуляторного уровня выявляются значительные различия между нормативной группой и группами детей с когнитивным дефицитом. Данный уровень содержит компоненты, отражающие целостность и динамичность процесса саморегуляции. Нами установлен факт значительных нарушений всех компонентов этого уровня. Характерными особенностями для испытуемых являются трудности контроля действий и достижение цели действий. Особенно это выражено, когда цели и результаты деятельности отдалены. Эти данные представлены в табл. 2.

Анализ показателей свидетельствует о специфике внутренних процессов у испытуемых при реализации действия. Установлено, что школьники с когнитивным дефицитом имеют все исследуемые компоненты. При этом нарушенными компонентами

саморегуляции являются постановка цели и достижение цели. Следовательно, эти параметры должны быть мишенями психологической работы. Наблюдаются значимые различия на уровне $p \leq 0,001$ ($F^*=2,81$) между группами испытуемых НИР – ЗИР и НИР-НИРЛ. Необходимо отметить, что здоровые испытуемые в достаточной мере имеют сформированные компоненты саморегуляции, направленные на достижение поставленных целей. Анализируя результаты следующей возрастной группы, можно отметить схожие тенденции (табл. 3).

Представленные данные демонстрируют наличие дефицитов в планировании (постановка цели) и достижении цели действия у испытуемых нозологических групп (25 и 13,2 % соответственно). Наблюдаются значимые различия между представителями групп здоровых школьников и школьни-

Таблица 2. Межгрупповые различия сформированности регуляторных компонентов саморегуляции у школьников (8–9 лет)

Table 2. Intergroup differences in the formation of the regulatory components of self-regulation in schoolchildren (8–9 years old)

Шкалы	Группы / достоверность различий								
	НИР		ЗИР		НИРЛ		НИР – ЗИР	НИР – НИРЛ	ЗИР – НИРЛ
	n=76	%	n=76	%	n=76	%			
Постановка цели	50	65,79	10	13,16	2	2,63	7,077***	9,666***	2,589**
Регулирование эмоциональными состояниями	48	63,16	37	48,68	20	26,32	1,806*	4,691***	2,885***
Контроль действий	38	50,00	13	17,11	13	17,11	4,426***	4,426***	0,000
Достижение цели действия	39	51,32	10	13,16	5	6,58	5,258***	6,639***	1,381

Таблица 3. Межгрупповые различия сформированности регуляторных компонентов саморегуляции у школьников (10–11 лет)

Table 3. Intergroup differences in the formation of the regulatory components of self-regulation in schoolchildren (10–11 years old)

Шкалы	Группы / достоверность различий								
	НИР		ЗИР		НИРЛ		НИР – ЗИР	НИР – НИРЛ	ЗИР – НИРЛ
	n=76	%	n=76	%	n=76	%			
Постановка цели	65	85,5	20	26,3	19	25,0	7,909***	8,094***	0,185
Регулирование эмоциональных состояний	50	65,8	40	52,6	32	42,1	1,658*	2,959***	1,301
Контроль действий	58	76,3	29	38,2	29	38,2	4,882***	4,882***	0,000
Достижение цели действия	60	78,9	33	43,4	10	13,2	4,617***	8,895***	4,278***

Таблица 4. Межгрупповые различия показателей поведенческих стратегий школьников (8–9 лет)

Table 4. Intergroup differences in indicators of behavioral strategies of schoolchildren (8–9 years old)

Шкалы	Группы / достоверность различий								
	НИР		ЗИР		НИРЛ		НИР – ЗИР	НИР – НИРЛ	ЗИР – НИРЛ
	n=76	%	n=76	%	n=76	%			
Адаптивные стратегии	35	46,05	16	21,05	4	5,26	3,316***	6,337***	3,021***
Высокий	10	13,16	6	7,89	0	0,00	1,073	Критерий не применим, т. к. в одной группе 0	
Средний	25	32,89	10	13,16	4	5,26	2,947***	4,666***	1,720*
Неадаптивные стратегии	41	53,95	60	78,95	72	94,74	3,316***	6,337***	3,021***
Ниже среднего	25	32,89	40	52,63	45	59,21	2,472**	3,292***	0,820
Низкий	16	21,05	20	26,32	27	35,53	0,752	1,985*	1,233

ков с когнитивным дефицитом по шкалам «постановка цели», «контроль действий» и «достижение цели» на уровне $p \leq 0,001$ ($\phi^*=2,81$). Близость показателей отмечается при контроле действий у испытуемых групп ЗИР и НИРЛ.

При анализе стратегий совладания (табл. 4) отмечается преобладание адаптивных стратегий у испытуемых без нарушений здоровья.

В аспекте выраженности адаптивных стратегий установлены значимые различия на уровне $p \leq 0,001$ ($\phi^*=2,81$) между всеми группами школьников. В группах с наличием когнитивного дефицита не выявляется высоких значений адаптивных стратегий. Установлено, что у испытуемых группы ЗИР более высокая способность к формированию новых стратегий поведения, нежели в группе НИРЛ. Это относится к показателям целеполагания, умения контролировать собственные действия и эмоции, доводить дело до конца. Но на всех этапах школьникам с нарушением когнитивного здоровья необходима помощь и поддержка взрослого. Эффективны суггестивные методы, методы, способствующие повышению продуктивности мотивирующих факторов.

Характерны для обеих нозологических групп трудности формирования саморегуляции в учебной деятельности. Неадаптив-

ные стратегии в большей степени проявляются у испытуемых всех возрастных групп НИРЛ, нежели у испытуемых групп ЗИР. У испытуемых с НИРЛ в большей степени нарушены все компоненты стратегий поведения. Таким образом, выявлено преобладание неадаптивных стратегий в группах с когнитивным дефицитом. Полученные результаты свидетельствуют о наличии прямой взаимосвязи между когнитивным и регулирующим уровнями саморегуляции. Показатели стратегий поведения школьников в 10–11 лет отражают тенденции, характерные для возраста 8–9 лет.

Следующими показателями для анализа саморегуляции являются компоненты личностно-смыслового уровня, представленные в форме психологической защиты (ПЗ). Результаты диагностики с помощью методики САТ свидетельствуют о преобладании более простых защитных механизмов у школьников с когнитивным дефицитом по сравнению с детьми нормативной группы. Так, для детей в 8–9 лет из нозологических групп свойственно преобладание ПЗ по типу «регрессия» – в 63,2 % случаев, для здоровых детей – 38,2 % ($p \leq 0,001$).

Защита по типу отрицания более выражена у детей с нарушением когнитивного здоровья (группа НИРЛ – 71,1 %), достоверность различий с группой НИР – $p \leq 0,01$.

Механизм проекции наиболее выражен у испытуемых с нарушенным интеллектом, достоверность различий со здоровыми сверстниками – $p \leq 0,01$.

Компенсаторные психические механизмы ПЗ (интеллектуализация, компенсация, замещение) более эффективно проявляются у здоровых испытуемых (63,2 %), но менее выражены при нарушениях когнитивного здоровья.

Обсуждение результатов

В исследовании установлено, что **когнитивный уровень** является одним из важных компонентов саморегуляции. Он взаимосвязан со стратегиями поведения (внешний регулятивный аспект) и личностно-смысловыми проявлениями. Это подтверждается данными, полученными при изучении стратегий поведения и других компонентов саморегуляции. Доказательством этого положения служат показатели стратегий, полученные на выборке двух возрастных групп детей с нарушениями когнитивного здоровья. В этих группах отмечаются одинаковые тенденции, свидетельствующие о преобладании неадаптивных стратегий. Нарушения регулятивного уровня определяются наличием дефицитов планирования и достижения цели действия.

В нозологических группах отмечаются различия, характеризующие не только саморегуляцию в целом, но и когнитивные компоненты: динамические свойства мышления (ригидность, тугоподвижность, инертность, застреваемость (персеверации)). Основные отличия проявляются в качественных характеристиках уровня: способность критически оценить действия и их результаты, способность оценить риски новых моделей поведения, способность предвидеть «модель будущего» и установить причинно-следственные связи в деятельности. Нами установлено, что для детей с когнитивным дефицитом эти нарушения являются характерными чертами. Но эти особенности не всегда обусловлены когнитивным дефицитом. Это может быть следствием особенностей детско-родительских отношений (установки родителей, особен-

ности эмоционального принятия своего ребенка). Дефицитарность качественных проявлений когнитивного уровня может присутствовать у здоровых людей. Данные психологические особенности отсутствуют у испытуемых без нарушений когнитивного здоровья, значимость различий $p \leq 0,05$.

Установлено, что данные особенности мышления играют существенную роль при формировании новых моделей поведения. Эти проявления связаны с результатами диагностики с помощью методики САТ, направленной на выявление способов ПЗ.

Исследование взаимосвязи между проявлениями ПЗ и стратегиями поведения представлено в табл. 5.

Так, в группе НИРЛ у школьников 10–11-летнего возраста доминирующей ПЗ является проекция, которая взаимосвязана с адаптивными стратегиями. У школьников данного возраста нормативной группы этот вариант психологической защиты взаимосвязан с неадаптивными стратегиями.

Личностно-смысловой уровень саморегуляции отражает содержание внутреннего мира. Исследователями выделено две формы. Первая субъективная форма смысла – это эмоциональное переживание. Вторая форма представляет собой вербализацию личностного смысла, воплощение его в определенной системе общественно выработанных и зафиксированных значений. Хотя личностный смысл и представлен как образующая сознания, он уходит корнями в порождающую его деятельность. Мы исходим из того, что реконструкция смысла возможна со стороны субъекта только «обходным путем», через анализ конкретной деятельности, включающей и логический анализ эмоциональных проявлений, и анализ результатов деятельности. Данные личностных смыслов представлены в результатах исследования с помощью проективной методики САТ и графических тестов «Дом-Дерево-Человек» и «Звезды и волны». Данные этих методов свидетельствуют об особенностях внутреннего мира и переживаниях испытуемых.

Важным компонентом личностно-смыслового уровня признана установ-

Таблица 5. Соотношение адаптивных стратегий с защитными механизмами у школьников
Table 5. Correlation of adaptive strategies with defense mechanisms in schoolchildren

Защитный механизм	Адаптивные стратегии						По всем группам
	НИР	ЗИР	НИРЛ	НИР	ЗИР	НИРЛ	
	8–9 лет	8–9 лет	8–9 лет	10–11 лет	10–11 лет	10–11 лет	
Интеллектуализация	-0,183	-0,065	Невозможно оценить, т. к. нет в группе данной защитной стратегии	-0,006	-0,094	Невозможно оценить, т. к. нет в группе данной защитной стратегии	0,024
Вытеснение	0,14	-0,099	-0,049	0,142	0,119	-0,014	0,061
Регрессия	-0,207	0,184	-0,111	-0,121	0,111	0,334*	0,003
Замещение	0,164	-0,019	-0,117	0,062	-0,007	-0,143	0,006
Отрицание	-0,06	-0,049	-0,049	0,055	-0,043	0,012	-0,057
Проекция	0,101	0,014	-0,181	-0,371*	0,087	-0,105	-0,050
Компенсация	0,039	0,132	0,046	0,078	-0,13	0,129	0,086
Реактивность	-0,044	-0,009	-0,05	-0,015	0,02	0,093	0,049

Примечание: * соотношение значимо на уровне $p \leq 0,05$.

ка, которая формируется на основе индивидуально-личностного опыта в системе детско-родительских отношений. Установки выражают и реализуют определенные личностные смыслы, которые могут быть более или менее обобщенными и устойчивыми. Установка связана с выбором мотивов в тех или иных обстоятельствах. Методики «Опросник Ахенбаха» и тест родительских установок «PARI» представили влияние детско-родительских установок (матерей) на формирование установок у испытуемых всех категорий. С помощью структурированного интервью с матерями детей с нарушениями когнитивного здоровья выявлена значимость и первоочередность родительских установок и особенностей принятия своего ребенка. Также мы установили, что отцы детей с когнитивным дефицитом в меньшей степени взаимодействуют с детьми по сравнению с отцами детей без нарушений здоровья, остаются пассивными и безучастными.

С помощью методики САТ определено, что уровень интеллекта незначительно влияет на формирование установок у школьников нозологических групп. При этом по па-

раметрам самооценки и уровня притязаний установлены значимые различия в аспекте снижения этих показателей у детей с когнитивным дефицитом. Уровень различий между испытуемыми групп НИР и НИРЛ в 8–9 лет – 7,64 $p < 0,02$, и в 9–10 лет отмечаются высоко значимые различия – 12,86 $p < 0,0016$.

Содержание внутреннего мира младших школьников раскрывает проективная методика САТ, с помощью которой определяются компоненты личностно-смыслового уровня саморегуляции: активность/пассивность, конфликтность, потребности и защитные механизмы. Результаты ее выполнения позволили определить механизмы саморегуляции в норме и при когнитивном дефиците. В ходе исследования установлены различия между группами испытуемых, в том числе с учетом возраста детей.

Выявлено, что детско-родительские отношения и установки связаны с личностно-смысловым уровнем саморегуляции (табл. 6).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что адаптивные стратегии взаимосвязаны с партнерскими отноше-

Таблица 6. Соотношение оптимального эмоционального контакта матерей и стратегий поведения младших школьников

Table 6. The ratio of the optimal emotional contact of mothers and behavior strategies of younger students

Тип эмоционального контакта	Адаптивные стратегии						По всем группам
	НИР	ЗИР	НИРЛ	НИР	ЗИР	НИРЛ	
	8–9 лет	8–9 лет	8–9 лет	10–11 лет	10–11 лет	10–11 лет	
Побуждение словесных проявлений, вербализаций	0,10	-0,14	0,15	-0,03	-0,10	-0,03	0,01
Партнерские отношения	-0,07	0,02	-0,07	0,28*	-0,07	0,13	0,07
Развитие активности ребенка	0,04	-0,20	0,03	-0,01	-0,09	-0,14	-0,02
Уравнивательные отношения между родителями и ребенком	-0,08	0,01	-0,13	-0,30*	-0,10	-0,06	-0,05

Примечание: * соотношение значимо на уровне $p \leq 0,05$.

ниями между родителями и ребенком (значимость на уровне $p \leq 0,05$). Уравнивательные отношения между родителями и ребенком способствуют формированию неадаптивных стратегий (группа НИР, 10–11 лет $-0,30^*$).

Проведенный анализ психологических параметров саморегуляции свидетельствует о том, что формирование эмоционального опыта и особенности психологической адаптации определяются индивидуальными характеристиками. Установлено, что уровень интеллекта является регулятором и стабилизатором произвольности, а также связан с выбором стратегии поведения. Личностно-смысловые проявления учащегося без нарушений здоровья и младшего школьника с нарушением когнитивного здоровья определяют динамику социально-психологической адаптации, включая адекватность, устойчивость, эмоциональные проявления и способность к изменению.

Регуляторный уровень представлен содержательными характеристиками внешней и внутренней речи. Изучение функций речи, включая регулируемую, планируемую, управляющую, позволяет понимать механизмы планирования будущих действий. Установлено, что у младших школьников с когнитивным дефицитом идет запаздывание формирования всех функций

речи. Наиболее дефицитарны регулирующая (планирующая) и когнитивная функции речи. В меньшей степени страдает коммуникативная функция. Это часто носит компенсаторный характер и не влияет на интеракции с другими людьми. Иногда высокие компенсаторные функции коммуникативной активности позволяют достигать целей. Особый интерес представляет изучение внутренней речи у детей с когнитивным дефицитом. Учитывая тот факт, что внутренняя речь формируется на основе внешней речи, возникает закономерная связь ее нарушений во внутреннем плане. Мы установили, что почти все испытуемые имеют нарушения речи различного этиопатогенеза (табл. 7).

Полученные результаты позволяют утверждать, что наличие речевой патологии связано с нарушением саморегуляции как психолингвистического компонента регуляции (планирование и контроль). Клинико-психологический и нейропсихологический анализы речевых нарушений (дизартрии и алалии) указывают на наличие дефицитов программирования и контроля речевого высказывания, которые определяют внешний и внутренний план высказывания и поведения в целом. Учитывая данный факт, эти проявления могут быть мишенью психологической работы со школьниками с речевыми нарушениями.

Таблица 7. Речевое развитие школьников
Table 7. Speech development of schoolchildren

Вид речевого нарушения	Группы испытуемых (в %)					
	НИР	ЗИР	НИРЛ	НИР	ЗИР	НИРЛ
	8–9 лет	8–9 лет	8–9 лет	10–11 лет	10–11 лет	10–11 лет
Дизартрия	51,3	65,8	50	50	86,8	63,2
Алалия	13,2	63,1	34,2	19,7	50	47,4
Дисграфия	39,5	78,9	92,1	23,7	78,9	92,1
Дислексия	13,2	55,3	59,2	22,4	59,2	72,4
Общее недоразвитие речи (III уровень)	13,2	100	Не применимо	15,8	90,8	Не применимо
Системное недоразвитие речи легкой степени	Не применимо	Не применимо	100	Не применимо	Не применимо	100
Фонетико-фонематическое недоразвитие	26,3	88,2	77,6	13,2	73,7	76,3

На основании психологической диагностики с учетом нозологической принадлежности установлены следующие варианты психологической и патопсихологической модели саморегуляции, включая компоненты когнитивного, личностно-смыслового и регулирующего уровней, у детей с нарушением когнитивного здоровья и без его нарушений (рис. 1).

Представленность данных компонентов саморегуляции позволяет рассмотреть сходство и различие между нормативными составляющими саморегуляции и ее патопсихологическими проявлениями, а также установить сходство и различие между нарушенными вариантами с учетом отклонений ее становления.

Рисунок 2 отражает варианты нормативной и нарушенной саморегуляции у младших школьников. Выделение вариативных патопсихологических моделей дает возможность дифференцировать психологическую помощь детям с когнитивным дефицитом.

В ходе исследования установлены закономерности проявления феномена саморегуляции в форме психологической и вариантов патопсихологической модели у школьников с нарушением когнитивного здоровья. Патопсихологическая модель саморегуляции у детей с нарушением когнитивного здоровья представляет собой многоуровневый феномен, включающий нарушения личностно-смыслового, когнитивного и регулирующего уровней. Ста-

Когнитивное здоровье	F 80.82, F 81	F 70
•Постановка цели •Регуляция эмоциональными состояниями •Контроль действий •Достижение результата	•Постановка цели •Частичная регуляция эмоциональными состояниями •Частичный контроль действий •Частичное достижение цели действия	•Элементарная постановка цели •Элементарная эмоциональная регуляция •Элементарный контроль действий •Частичное достижение цели действия

Рис. 1. Вариативность компонентов саморегуляции у младших школьников

Fig. 1. Variability of components of self-regulation in primary schoolchildren

Когнитивное здоровье	• Высокая степень саморегуляции • Средняя степень саморегуляции
F 80 F 82 F 81	• Средняя степень саморегуляции • Ниже среднего степень саморегуляции
F 70	• Ниже среднего степень саморегуляции • Низкая степень саморегуляции

Рис. 2. Варианты саморегуляции у младших школьников

Fig. 2. Variants of self-regulation in younger students

новление компонентов саморегуляции осуществляется по тем же законам, что и у здоровых детей, отмечаются возрастные динамические изменения саморегуляции.

Выводы

Психологический анализ, направленный на теоретическое осмысление феномена саморегуляции, позволил констатировать его психологическую многогранность, включая когнитивный, личностно-смысловой и регулятивный уровни и компоненты.

В ходе исследования установлены закономерности проявления феномена саморегуляции в форме психологической и вариантов патопсихологической модели у школьников с нарушением когнитивного здоровья. Выявлено, что становление компонентов саморегуляции осуществляется по тем же законам, что и у здоровых детей, отмечаются возрастные динамические изме-

нения саморегуляции. С учетом когнитивного здоровья и его нарушений установлена степень нормативных и патопсихологических характеристик когнитивного, регуляторного и личностно-смыслового уровней саморегуляции, которая стала основой для создания психологической и патопсихологической моделей.

Выделены варианты патопсихологической модели саморегуляции у детей с нарушением когнитивного здоровья с учетом нозологической представленности, которые содержат сходные и различные формы нарушений саморегуляции. Полученные результаты способствуют повышению эффективности психологической работы по коррекции нарушений саморегуляции у детей с нарушениями когнитивного здоровья и свидетельствуют о необходимости комплексного психологического сопровождения, включая школьников, их родителей и специалистов образовательной среды.

Список литературы / References

- Aguilar, L. Islas, A., Rosique, P., Hernandez, B., Portillo, E., Herrera, J. M., Cortes R., Cruz S., Alfaro F., Martin R., Cantu J. M. (2008) Psychometric analysis in children with mental retardation due to perinatal hypoxia treated with fibroblast growth factor (FGF) & showing improvement in mental development, *In Journal of Intellectual Disability Research*, 37:507–20.226. DOI: 10.1111/j.1365–2788.1993.tb00321.x
- Andrews, G., Singh, M., Bond, M. (1993) The Defense Style Questionnaire, *In Journal of Nervous and mental Disease*, 246–256. <https://doi.org/10.1097/00005053-199304000-00006>
- Babkina, N.V., Korobeynikov, I.A. (2019) Tipologicheskaya differentsiatsiya zaderzhki psikhicheskogo razvitiya kak instrument sovremennoy obrazovatel'noy praktiki [Typological differentiation of mental retardation as a tool of modern educational practice], *In Clinical and special psychology*, 8 (3), 125–142.
- Bond, M., Paris, J., Zweig-Frank H. (1994). Defense styles and borderline personality disorder, *In Journal of Personality Disorders*. 8. (1), 28–31. <https://doi.org/10.1521/pedi.1994.8.1.28>
- Bondarenko, I.N., Potanina, A.M., Morosanova, V.I. (2020) Osoznannaya samoregulyatsiya kak resurs uspehnosti po russkomu yazyku u shkol'nikov s razlichnym urovnem intellekta [Conscious self-regulation as a resource of success in the Russian language among schoolchildren with different levels of intelligence], *In Experimental psychology*, 13. (1), 63–78.

- Casanova, MF, Frye, RE, Gillberg, C and Casanova E. L. (2020) Editorial: Comorbidity and Autism Spectrum Disorder, *In Front. Psychiatry*. 11:617395. DOI: 10.3389/fpsyt.2020.617395
- Chereneva, E.A. (2013). Defensive mechanisms of behavior and conceptual sets in socio-psychological adaptation of children with intellectual disabilities, *In Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 6 (9), 1374–1387.
- Chereneva, E.A. (2014). Unconscious mechanisms of social and psychological adaptation of mentally retarded children. *In Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 7 (9). 1620–1626.
- Chereneva, E.A., Belyaeva, O.L., Stoyanova, I. Ya. (2019) Current approaches to differential diagnostics of autism spectrum disorders and similar conditions. *Journal Siberian Federal University Humanitarian society science*. DOI: 10.17516/1997–1370–0475.
- Chereneva, E.A., Stoyanova, I. Ya., Belyaeva, O.L. (2019) Strategies of behavior voluntary regulation of primary schoolchildren in health and disease. *Journal Siberian Federal University Humanitarian society science*. DOI: 10.17516/1997–1370–0476.
- DeSteno, D. et al. (2013) Affective science and health: the importance of emotion and emotion regulation, *In Health Psychology*. 32(5), 474–486. doi: 10.1037/a0030259.
- Kim, B.N., Lee, J.S., Shin, M.S Cho S.-C., Lee, D.-S. (2002) Regional cerebral perfusion abnormalities in attention deficit hyperactivity disorder. Statistical parametric mapping analysis, *In Eur. Arch. Psychiatry Clin. – Neurosci*, 252, 219–225. DOI: 10.1007 / s00406–002–0384–3
- Kolesnikova, M.A., Zhukova, M.A., Ovchinnikova, I.V. (2018) Osobennosti kognitivnogo razvitiya i adaptivnogo povedeniya detey v domakh rebenka v RF [Features of cognitive development and adaptive behavior of children in children's homes in the Russian Federation] *In Clinical and special psychology*, 7(2), 53–69.
- Korobeynikov, I.A., Babkina, N.V. (2017) Konsul'tativnyy resurs psikhologicheskogo diagnoza pri narusheniyakh psikhicheskogo razvitiya u detey [Advisory resource of psychological diagnosis in children with mental development disorders], *In Consultative psychology and psychotherapy* 25. (4), 11–22.
- Lubovsky, V.I., Korobeynikov, I.A., Valyavko, S.M. (2016) Novaya kontseptsiya psikhologicheskoy diagnostiki narusheniy razvitiya [New concept of psychological diagnostics of developmental disorders], *In Psychological science and education*, 21 (4), 50–60.
- Mironov, A. V., Shelest, E. S., Bulatova, O. V. (2020) Bar'yery v organizatsii obucheniya i vospitaniya detey s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya, vosprinimayemye roditel'yami [Barriers in the organization of education and upbringing of children with disabilities, perceived by parents], *In Science for Education Today*, 5, 50–66.
- Morozova, I.S., Kargina, A.E., Grinenko, D.N., Medovikova, E.A. (2021) Formirovaniye psikhologicheskoy bezopasnosti u studentov posredstvom razvitiya samoupravlyayushchikh mekhanizmov lichnosti [Formation of psychological security in university students through development of personal self-regulation mechanisms], *In Science for Education Today*, 3, 42–57. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658–6762.2103.03>.
- Pilyugina, E.R., Suleimanov, R.F. (2020) Metodika izmereniya psikhologicheskoy zashchity [Methods for measuring psychological defense], *In Experimental psychology*, 13. (2), 194–209.
- Rasskazova, E.I., Gordeeva, T.O. (2011) Koping-strategii v psikhologii stressa: podkhody, metody i perspektivy [Coping strategies in stress psychology: approaches, methods and prospects], *In Psychological research: electron. scientific. Zhurnal*, 3(17).
- Sagalakova, O.A., Truyevtsev, D.V., Stoyanova, I.YA., Terekhina, O.V. (2017) Narusheniye samoregulyatsii i oposredovaniya emotsiy kak osnova riska formirovaniya antivital'nogo povedeniya v molodom vozraste [Violation of self-regulation and mediation of emotions as the basis of the risk of formation of antivital behavior at a young age], *In Siberian Psychological Journal*, 65, 94–103.
- Semenova, O.A., Machinskaya, R.I. (2007) Razvitiye proizvol'noy regul'yatsii deyatel'nosti u detey mladshego shkol'nogo vozrasta. [Formation of arbitrary regulation of activity and its brain mechanisms in ontogenesis], *In Journal Questions of practical pediatrics*, 2 (6), 17–23.

Skinner, E. A., Edge, K., Altman, J., Sherwood, H. (2003) Searching for the structure of coping: a review and critique of category systems for classifying ways of coping. *In Psychological Bulletin*, 129 (2), 216–269. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.2.216>

Tremolada, M., Bonichini, S., Taverna, L. (2016) Coping strategies and perceived support in adolescents and young adults: the predictive model of self-reported cognitive and mood problems, *In Psychology*, 7 (14), 1858–1871. DOI: <https://doi.org/10.4236/psych.2016.714171>

Vaillant, G. (2000). Adaptive mental mechanisms: Their role in a positive psychology, *In American Psychologist*, 55, (1), 89–98. DOI: 10.1037 // 0003-066x.55.1.89.

Volchenkova, E.V., Kuznetsova, E.V., Sannikova, Yu.P., Semeno, N.S., Voronina, O.A. (2020) Analiz koping-strategiy podrostkov delinkventnogo povedeniya kak usloviye optimizatsii psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya uchashchikhsya [Analysis of coping strategies of adolescents with delinquent behavior as a condition for optimization of psychological and pedagogical support of students], *In Science for Education Today*, 5, 84–103.

Zhirkova, A.V. (2020) Osobennosti razvitiya kontrolya povedeniya u mladshikh shkol'nikov iz semeys razlichnoy etnokul'turnoy prinallezhnost'yu [Features of the development of behavior control in younger schoolchildren from families with different ethnocultural affiliations], *In Experimental Psychology*, 13 (1), 79–90.

DOI: 10.17516/1997-1370-0812
УДК 165.4, 17.022

Conceptualization of Cognitive Relativism as a Socio-Cultural Problem

Nataliya A. Korol^a, Grigoriy A. Illarionov^a
and Viacheslav I. Kudashov^{*a, b}

^a*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

^b*Krasnoyarsk State Medical University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 05.06. 2021, received in revised form 04.07.2021, accepted 06.07.2021

Abstract. The article is devoted to the consideration of cognitive relativism as a socio-cultural problem expressed in the popular concept of post-truth. In approaches to cognitive relativism, two lines of thought are distinguished, which are analyzed on the basis of the well-known concepts of representatives of each of them – the concept of «bullshit» by G. Frankfurt and the version of the concept of «post-truth» put forward by S. Fuller. The difference between the concepts explaining the causes, consequences and strategies of behavior in the context of the social problem of cognitive relativism is due to the difference in the position regarding the objectivity of the opposition «truth-false». The realistic attitude to truth, from which G. Frankfurt proceeds, implies a view of relativism as bullshit – a way of utterance, which is characterized by cognitive «dishonesty», consists in the discrepancy between the content of the utterance and the real state of affairs, the truth. The relativistic attitude to truth is reflected in the understanding of post-truth by S. Fuller as universal for the history of thought of the struggle for power, which he traces from the time of the dispute between Plato and the sophists about truth. Each of the concepts expresses one of the possible lines of methodology and strategy of behavior in the conditions of prevalence of cognitive relativism in modern culture – the intention to overcome post-truth and return to the ideals of the validity of knowledge in the case of G. Frankfurt, and the intention to pluralism and free «knowledge game» in the case of relativists, in particular, S. Fuller.

Keywords: socio-cultural problem, cognitive relativism, post-truth, bullshit, truth, knowledge, G. Frankfurt, S. Fuller.

Research area: philosophy; culturology.

Citation: Korol, N.A., Illarionov, G.A., Kudashov V.I. (2022). Conceptualization of cognitive relativism as a socio-cultural problem. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 15(5), 652–665. DOI: 10.17516/1997-1370-0812.

Концептуализация познавательного релятивизма как социально-культурной проблемы

Н.А. Король^а, Г.А. Илларионов^а, В.И. Кудашов^{а, б}

^аСибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

^бКрасноярский государственный медицинский университет

им. В. Ф. Войно-Ясенецкого

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению познавательного релятивизма как социально-культурной проблемы, выражаемой в популярном концепте постправды. В подходах к познавательному релятивизму выделяются две линии мысли, которые анализируются на материале известных концептов представителей каждой из них – концепте «брехня» (bullshit) Г. Франкфурта и версии концепта «постправда», выдвигаемой С. Фуллером. Разница между концептами, объясняющими причины, последствия и стратегии поведения в условиях общественной проблемы познавательного релятивизма обусловлена различием в позиции относительно объективности оппозиции «истина-ложь». Реалистическое отношение к истине, из которого исходит Г. Франкфурт, подразумевает взгляд на релятивизм как на брехню – способ высказывания, которому свойственна познавательная «недобросовестность», заключающаяся в несоотнесении содержания высказывания с реальным положением дел. Релятивистское отношение к истине отражено в понимании постправды С. Фуллером как универсальной для истории мысли борьбы за власть, которую он отслеживает со времен спора Платона и софистов об истине. Каждый из концептов выражает одну из возможных линий методологии и стратегии поведения в условиях преобладания в современной культуре познавательного релятивизма – интенцию к преодолению постправды и возврата к идеалам обоснованности знания в случае Г. Франкфурта и интенцию к плюрализму и свободной «игре в знание» в случае релятивистов, в частности С. Фуллера.

Ключевые слова: социально-культурная проблема, познавательный релятивизм, постправда, брехня, истина, знание, Г. Франкфурт, С. Фуллер.

Научные специальности: 09.00.00 – философские науки; 24.00.00 – культурология.

Введение в проблему исследования

Проблематика критериев истины и ее релятивизма является одной из древнейших в истории человеческой мысли. Еще у Платона в диалоге «Теэтет» (Plato, 1994) мы встречаем аргументацию против релятивизма. Однако древность спора не помешала ему актуализироваться в начале XXI в. в форме, выходящей далеко за пределы эпистемологических штудий философии и науки. В политическом, социальном, обыденном дискурсах активизировалось обсуждение трудностей различения в со-

временной культуре истинного и ложного, объективного и субъективного, реального и не реального. Иными словами, в информационный век познавательный релятивизм превратился из эпистемологической проблемы в проблему социально-культурную.

Социально-культурная проблема познавательного релятивизма, осмысление которой в рамках данной работы становится исследовательской целью, проявляет себя на всех уровнях социальных отношений. Политические процессы сопровождаются информационными войнами, ору-

жием которых стал фейк, разоблачение, контрразоблачение, «лжецы обвиняют лжецов во лжи». В экономической сфере спекулятивность, отсутствие корреляции с материальным производством, приобретают все больший размах, примером чего могут служить криптовалюты. В обыденных отношениях сформирована альтернативная социальность интернета, в рамках которой происходящее оценивается не кодом истинное/ложное, а кодом информация/неинформация, как это описывал в отношении массмедиа Н. Луман (Luman, 2006). Если выражать социально-культурную проблему познавательного релятивизма тезисно, это можно сделать следующим образом: осознаваемая невозможность для человека в рамках современной культуры определения истинности или ложности социально значимой информации приводит к ее релятивизации.

Актуальность проблематики познавательного релятивизма нашла выражение в концепте постправды, ставшем одной из популярнейших категорий дескрипции социокультурных феноменов современности. Взлет популярности данного концепта принято связывать с политическими событиями последнего десятилетия такими, как выход Великобритании из ЕС и избрание Д. Трампа президентом США. Своего рода формальное признание постправда получила, когда была названа авторитетным словарем Oxford Languages словом года в 2016 г. Тогда же постправда обрела свое наиболее распространенное определение как «обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям» (Oxford Languages, 2016).

Цель и методология исследования

Целью данного исследования станет соотнесение и сравнение подходов к познавательному релятивизму как социокультурной проблеме, выделение основных позиций и их критический анализ. В качестве материала исследования и примера будут взяты концепт постправды в трактовке

С. Фуллера и концепт брехни Г. Франкфурта, часто связываемый с постправдой.

Методологической основой исследования будет компаративистский концептуальный анализ постправды и брехни как репрезентантов позиций в отношении проблематики социокультурной роли познавательного релятивизма. Одним из методологических принципов данной работы станет социальная эпистемология, рассматривающая взаимосвязь социальных отношений и концептуализации знания. Наконец, рассматривая постправду и брехню, мы будем обращаться к различным исследованиям в отечественной и зарубежной литературе на связанные темы.

Концепт постправды

Популяризация термина «постправда» стала показателем возрастания актуальности проблематики истины и ее релятивизма в широком социокультурном контексте. Впрочем, ошибочно будет утверждать, что трансформация познавательного релятивизма в обсуждаемую социально-культурную проблему произошла внезапно и не была подготовлена более ранней ее концептуализацией.

Релятивизм выступал центральным лейтмотивом в эпистемологических исследованиях таких авторов, как П. Фейрабенд (Feyerabend, 1986) или Р. Рорти (Rorti, 1997), обращавшихся к нему с прагматических позиций как к основанию для снятия методологических и категориальных ограничений, присущих отдельным дискурсам и парадигмам, с целью конструирования свободного целесообразного познания, позволяющего использовать любые доступные человечеству методы решения возникающих задач. В роли обоснования программ социального переустройства релятивизм фигурирует в многочисленных критических теориях второй половины XX в., а также в работах постструктуралистов, таких как Ж. Деррида с его деконструкцией и борьбой с центризмами (Derrida, 2000) или М. Фуко с его эпистемами (Fuko, 1994).

Именно с внедрением постмодернизма в массовое сознание часто связывают

наступление эпохи постправды. Например, исследователь концепта «правда» в русской культуре М. В. Черников пишет, что «постмодерн на место Правды ставит постправду ... постправда порывает всякую связь с истиной и конституируется только через эмоциональную вовлеченность и субъективную убедительность» (Chernikov, 2020). Критика познавательного релятивизма как общественной проблемы также была распространена в XX в. В этом качестве он критиковался в эссе М. Блека «Господство надувательства» (Black, 1982) и более поздней и известной в широких кругах работе Г. Франкфурта «О Брехне» (Frankfurt, 2008).

Исследовательская проблема, стоящая перед нами, заключается в амбивалентности дискурса вокруг познавательного релятивизма как социокультурной проблемы и вокруг концепта постправды в частности. Как отмечает Н. Н. Ростова, постправда несет в себе двойственность и, в зависимости от позиции авторов относительно объективности оппозиции истины и лжи, имеет разное содержание (Rostova, 2018). В тех случаях, когда речь о релятивизме ведут авторы – сторонники объективности истины, такие как М. Блек и Г. Франкфурт, мы имеем дело с фиксацией, описанием и попытками объяснения «затопления» социума различными версиями лжи, полуправды, квазиправды и т. п. В случае же сторонников релятивистского подхода, таких как автор большого исследования постправды С. Фуллер (Fuller, 2018), речь идет об «истине» как социальном конструкте и основании социальных отношений, о роли и исторической динамике критериев истины в структуре социума, преимущественно в отношениях власти и подчинения. Общим моментом двух линий рассуждения становится только сам факт проблематизации познавательного релятивизма как социокультурного феномена.

Контексты постправды и брехни

Прежде чем приступить к определению заявленных концептов, следует конкретизировать область их распространения.

Проблематика истинности, привычно находящаяся в области ведения эпистемологии, в случае концептов постправды и брехни выходит за эти рамки. Речь идет не только и не столько о процедурах познания и установления истинности или ложности его результатов, сколько об их реализации в более широких культурных контекстах, способах и механизмах распространения и влиянии этих механизмов на «потребителей» знания, воздействия знания на социальное поведение. Авторы концептов, несмотря на апелляцию к эпистемологическим категориям истинности и ложности, логике и научным методам, обращаются к этосу и пафосу в той же степени, что и к логосу.

Постправда и брехня подразумевают, что познавательный релятивизм является больше чем принципом познания, он описывается как максима социального поведения, реализуемая на разных уровнях социального бытия – обыденном, политическом, научном, философском. Лучше всего разница между эпистемологическим и социокультурным контекстами проблематики познавательного релятивизма выражается в различии между англоязычным «post-truth» и русскоязычной «постправдой».

Англоязычное «truth» означает «истина», что даже в случае релятивистского его понимания вызывает коннотации скорее с консенсуально-экспертной концепцией истины (Lebedev, 2018), сугубо эпистемологическим, познавательным ее аспектом. Русскоязычная «правда» отсылает одновременно к истине и нравственному к ней отношению, выражающихся не только в знании и познании, но и ценностной их реализации. Правду не только познают, это «истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость», как ее определял словарь Даля (Dal', 1907: 985). И несмотря на то, что post-truth популяризовано было в англоязычной среде, речь в этом концепте, как и в концепте брехни Г. Франкфурта, идет скорее о правде, об «истине на деле». Так и в нашей работе – мы рассматриваем версии того, как эпистемологические и философские концепции истины или ее релятивизма повлияли на культуру в целом

и как, в свою очередь, находились под ее влиянием.

Приступая к рассмотрению концептов постправды и брехни, следует отметить разницу их генезиса. «Брехня» является авторским концептом Г. Франкфурта, основанным на анализе им более раннего концепта «надувательства» М. Блека (Frankfurt, 2008:11–19). Содержание концепта брехни сформировано на основании целенаправленной исследовательской работы, она определена своим автором и в определенном виде «выходит в массы».

Возникновение же концепта постправды спонтанно, его невозможно приписать конкретному автору, его содержание нечетко и в настоящий момент. Постправда является очередной итерацией попыток описания проблематики релятивистского отношения к истине, которая может быть отслежена вплоть до античных времен. Она присутствует в разнородных формах и системах, например в эссе Ф. Ницше «Об истине и лжи во вненравственном смысле», где он говорит о том, как люди создают истину посредством мифов, метафор и поэзии (Nitzsche, 2021), или в эссе М. Вебера «Наука как признание и профессия», где очерчивается граница между фактами и ценностями, когда истину в отношении фактов можно установить и проверить научными средствами в отличие от ценностей (Veber, 2012).

Иными словами, содержание концепта постправды начало формироваться задолго до самого термина, который впервые прозвучал в 1992 г. в рамках политического анализа С. Тесичем манипулятивной деятельности американских СМИ в отношении войны в Персидском заливе (Nikolaevich, 2018), созвучной идеям симулякров Ж. Бодрийяра на ту же тему (Bodrijuar, 2016). С этого момента слово «постправда» стало инструментом политической критики, применяемым как указание на манипулятивность и симулякрный характер утверждений оппонентов. Постправда не имеет четкой концептуальной определенности, меняя свое содержание в зависимости от целей субъектов политического процес-

са, разоблачающих оппонентов, либо целей и мировоззренческих позиций исследователей.

Брехня как концепт выражает эпистемологическое и социальное убеждение в отношении роли познавательного релятивизма в социуме, постправда же возникает как спонтанное выражение общественного умонастроения, проблематизирующего тотальное присутствие познавательного релятивизма в дискурсе, не обеспечивая этому умонастроению четкого теоретизированного характера.

Содержание концепта «брехня»

Определим содержание концепта «брехни». Стоит отметить, что русскоязычная его версия не в полной мере выражает семантику, содержащуюся в оригинальном англоязычном варианте, в силу соображений корпоративных приличий и благопристойности русскоязычного научного сообщества. Оригинальное bullshit можно перевести на русский множеством образов, часть из которых находится в области табуированной лексики, в связи с чем переводчиками было выбрано слово «брехня». Это слово часто ассоциируется с ложью в русском языке, однако для концепта Г. Франкфурта разделение лжи и брехни имеет ключевое значение. Общим моментом лжи и брехни является то, что они имеют целью введение в заблуждение, дезинформацию слушателя. Отличие же их состоит в разнице целей лжеца и брехуна и способах соотнесения высказываемого с истиной.

Первым признаком различия лжи и брехни Г. Франкфурт называет недобросовестность. Он поясняет это примером из воспоминаний о Л. Витгенштейне его знакомой Ф. Паскаль. Однажды Паскаль, находящаяся на лечении, беседуя с Витгенштейном, произнесла фразу «я чувствую себя как собака, которую переехала машина», вызвавшую негодующий ответ «откуда ты можешь знать, как чувствует себя собака, которую переехала машина?» (Frankfurt, 2008: 45). Безотносительно того, насколько серьезен был Витгенштейн и насколько ситуация имела место быть, она

демонстрирует то, что Франкфурт назвал недобросовестностью – произнесение высказываний, которые говорящий никак не соотносит с реальностью. Брехун равнодушен к тому, насколько его высказывание истинно или ложно, для производства брехни даже не требуется этого знать. Ведь для того чтобы солгать, необходимо понимать, что сказанное не является истинным. В том же случае, когда говорящему все равно, соответствует ли истине его высказывание, он не совершает ошибки, поскольку для того, чтобы ошибаться, требуется желание высказать истину, у брехуна же оно отсутствует. Причем брехня, порожденная безотносительно истины, необязательно ложна, «брехун извращает факты, но это не значит, что в итоге они не соответствуют действительности» (Frankfurt, 2008: 83). Именно пренебрежение истиной, обесценивание самой интенции к производству и высказыванию истинного знания называется Г. Франкфурт недобросовестностью, свойственной брехне.

Но с какой целью порождают брехню и чем эти цели отличаются от целей лжеца? Цель лжеца – «замещение конкретной неправдой своего места в системе взглядов, чтобы не допустить туда проникновения правды» (Frankfurt, 2008: 87). Подобная цель сковывает лжеца необходимостью руководствоваться истиной, ведь успешность лжи требует целенаправленности, порожденной четким пониманием, в чем именно состоит ложь. Чтобы солгать, лжец должен знать реальное положение вещей в отношении предмета его высказываний. Брехун свободен от этих ограничений, поскольку не имеет целей обмануть в отношении фактов, его цель – обмануть в отношении своих действий и намерений, выставить их не тем, чем они являются. Цель брехни – скрыть отсутствие у него интереса к реальному положению вещей, или исказить обстоятельство его неосведомленности об истинности или ложности своих высказываний, или скрыть отсутствие связи между целями брехни и предметом высказывания. Иными словами, брехуну все равно, что и о чем он говорит, неважно, истинна или ложна ин-

формация, важно только соответствие ее задачам брехуна. Скрыть свои реальные мотивы – вот основная цель брехни.

Очевидно, что брехня, которую концептуализирует Г. Франкфурт, не ограничена каким-либо временными рамками эпохи или общественной ситуации, являясь универсальным атрибутом коммуникации, так или иначе присутствующим в культуре. Однако именно во второй половине XX в. ее присутствие становится в культуре всеобъемлющим и тотальным. Так, исследователь риторики Б. Маккомиски, анализируя познавательный релятивизм в его наиболее популярном политическом развороте, приходит к выводу о том, что большая часть политических высказываний, причисляемых к постправде, не ложь, а именно *bullshit*, брехня (McComiskey, 2017). В чем причина такого «затопления» социума брехней?

Причины пролиферации брехни в современном обществе, выделяемые Г. Франкфуртом, можно охарактеризовать как социально-коммуникативные и мировоззренческие. Количественное разрастание социальной коммуникации вследствие ее технологического развития ведет к ситуации, когда человек вынужден высказываться по огромному количеству поводов, в отношении которых он не может быть компетентен. Иными словами, люди для достижения своих целей вынуждены постоянно говорить о том, чего не знают и, возможно, не хотят знать, что приводит их к небрежению истиной и порождению всеобъемлющей брехни. Мировоззренчески ценность истины как стремления к отражению реального положения вещей разлагается популяризацией «антиреалистических» познавательных установок, в качестве которых Франкфурт, вероятно, имеет в виду те или иные виды прагматизма (П. Фейрабенд, Р. Рорти) и постмодернизма (Frankfurt, 2008: 105). Следует заметить, что такое объяснение представляется слишком простым, относящимся риторически скорее в этосу, нежели логосу.

Концепт Г. Франкфурта является весьма популярным средством объяснения познавательного релятивизма современности,

будучи систематизированной и доступно изложенной позицией сторонника реалистического понимания истины. Слово «реализм» в отношении концепций истинности мы используем в том же смысле, в каком его использовал Р. Рорти, критикуя идущую от Платона и Декарта линию мысли, рассматривающую знание как «зеркало природы» – отражение в мышлении реальности, а истину – как ее полное и адекватное отражение (Rorty, 1997). И с реалистическим характером воззрений Г. Франкфурта связаны ограничения его концепта брехни.

Недостаток концепта брехни в объяснении механизмов и причин актуализации познавательного релятивизма в культуре заключается в том, что он имеет силу только в том случае, если мы признаем объективность истины, а стремление к ней признаем благом. Позиция Г. Франкфурта требует признания реалистического понимания истины не только в качестве методологического принципа, но и в качестве этической максимы, подразумевающей, что мы способны оставаться в рамках универсальной системы эпистемологических координат. Разрастание брехни в этом случае проблематизируется в познавательном и социокультурном аспектах как препятствие на пути познания реальности, ориентации в ней и ее преобразования, она становится еще одним «идолом познания» в ряду Ф. Бэкона.

Слабость, делающая реалистический подход Г. Франкфурта к познавательному релятивизму в культуре недостаточным для ее объяснения, заключается в том, что он опирается на корреспондентное понимание истины и верификационную стратегию ее проверки. Если для преодоления «идола брехни» мы должны соотносить свои высказывания с истиной, т. е. с фактами, мы сталкиваемся с невозможностью с опорой на факты обосновать свое собственное стремление соотносить свои высказывания с фактами. Неслучайно при всей реалистической направленности работа Франкфурта содержит обширную этическую аргументацию – она служит для обоснования стремления к «добросовестной» опоре на фак-

ты, которое фактически обосновано быть не может, будучи ценностью. И это переводит концепт брехни в область борьбы мнений, когда наша ценностная оценка тех или иных парадигм обуславливает, что мы назовем «добросовестным» высказыванием, а что – брехней. Таким образом, факты становятся вторичны по отношению к личным убеждениям, что почти дословно соответствует определению постправды Оксфордским словарем.

Примеры того, как в качестве брехни воспринимается утверждение, сделанное в рамках иной парадигмы истинности, можно встретить в тех случаях, когда говорящий и слушающий являются носителями мировоззрений, относящихся к разным культурным парадигмам. Проиллюстрируем это примером, относящимся к привлечшему широкое внимание российской общественности конфликту в г. Екатеринбурге в 2019 г. по поводу проекта строительства собора великомученицы Екатерины и храма на месте сквера у Драмтеатра. Каждая из сторон этого конфликта могла признать истинным высказывание, выражающее собственную позицию, а аналогичное высказывание другой стороны – ложным. Но как они воспримут не тезисы, а аргументацию друг друга? Чем будет для антиклерикально настроенных граждан высказывание архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла: «...И вот Спаситель, Источник воды живой – мешает фонтану; Христос, освятивший Своими стопами Генисаретское озеро, – изгоняется с Исетского пруда, а Господу, произрастившему «из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая» (Быт. 2:9), – не находится места среди Его собственных деревьев...»? (Sajt Ekaterinburgskoj eparhii, 2019). Человек, сколько-нибудь знакомый с общественным дискурсом вокруг религии в России, легко ответит на этот вопрос – антиклерикалы воспримут такое высказывание как брехню, как способ скрыть реальные намерения духовенства к получению желаемого. С другой стороны, для христиан отсылки к Писанию будут вполне «добросовестным»

высказыванием, вписывающимся в критерии определения истинности и ложности.

Смысл данного примера состоит в том, что идентификация брехни совершается не столько высказывающим ее, сколько слушающим. Это помещает разговор о брехне в замкнутый круг несоотносимости ценностей и мировоззрений, что приводит нас вновь к познавательному релятивизму.

Содержание концепта «постправда»

Концепт, преодолевающий обозначенное выше затруднение в объяснении положения познавательного релятивизма в культуре, предложил философ С. Фуллер, рассматривая релятивизм с релятивистских позиций. Фуллер не предлагает новых терминов, используя термин «постправда», однако с исторических позиций деконструирует его привычное значение (Fuller, 2018).

В отличие от Г. Франкфурта, которого познавательный релятивизм интересует как препятствие познанию и распространению истинного знания в социуме, С. Фуллер рассматривает знание и социальные отношения, выстраиваемые вокруг институтов производства знаний, как *power games*, т. е. борьбу за власть. Если мы в данной работе ставим вопрос о том, как эпистемологические аспекты познавательного релятивизма реализуются в культуре, то для Фуллера эпистемологическое и социокультурное заведомо недифференцированы, будучи отношениями власти, рассматриваемыми на разных уровнях их функционирования. Основным средством концептуализации постправды для Фуллера становятся исторические аналогии. Причем аналогии проводятся между историей эпистемологии и политической историей, в чем выражается основа подхода Фуллера: эпистемология и политика есть одно и то же, а постправда и познавательный релятивизм — одни из модусов процесса осуществления власти (Fuller, 2018).

В духе *power game* Фуллер трактует объективистское отношение к истине как способ властвования. Он проводит аналогию с имперской политикой Британской

империи, поскольку оба нацелены на формирование пространства обмена товарами и идеями, однако отводят ее создателям привилегированную позицию, с которой вынуждены считаться включаемые в это пространство (Lisanyuk, Perova, 2020). Физика, математика становятся точкой привилегированного доступа к истине, которые как бы «сдаются в аренду» представителями объективистского понимания истины. В продолжение аналогии Фуллера отказ от присоединения к «пространству свободной торговли» трактуется как варварство. В случае политики Британской империи варварство есть отказ от цивилизованного развития и прогресса, в случае эпистемологии — отказ от интенции к истинности, недобросовестность, о которой писал Г. Франкфурт, что позволяет признать знание, производимое за пределами «цивилизованного» пространства, брехней и постправдой. Как иллюстрацию нашего продолжения аналогии Фуллера мы можем привести концепты «туземной» и «провинциальной» науки (Sokolov, Titaev, 2013), обсуждаемые в российской науке, которые даже на уровне семантики отсылают к варварству, производящему с позиций привилегированного доступа в лучшем случае наивные трюизмы.

Но если мы отвергаем объективистское понимание истины, чем она является и по отношению к чему постправда является «пост»? Истина рассматривается Фуллером как источник модальной власти, объясняемая на базе еще одной исторической аналогии — на этот раз с высказыванием О. Бисмарка о политике как «искусстве возможного». Это значит, что те, кто владеют истиной, т. е. определяют ее границы, очерчивают ее контекст, вырабатывают ее критерии, задают целеполагание в отношении истины, получают власть над общественным мнением, способны судить о том, что возможно, а что нет, что может служить целью и основанием деятельности, а что деятельности недостойно. Как Бисмарк отсекал от политики нереализуемые мечтания, утопические планы и разные виды демагогии, так и обладающие модальной

властью, даруемой статусом носителей критериев истины власть, имеют возможность отсекал от социума все, что сочтут невозможным, несовместимым с истиной. Если вспомнить метафору Р. Рорти о понимании реалистами-объективистами знания как «зеркала природы», т. е. модальная власть, о которой говорит С. Фуллер, – это возможность манипуляции «зеркалом», своеобразного антииллюзионизма, когда природа отражается лишь тем образом, каким носитель модальной власти сочтет истинным, отсекая отражения, которые он сочтет «иллюзорными».

Первым известным примером борьбы за модальную власть над истиной, порождающей постправду, С. Фуллер считает противостояние двух линий античной мысли – софистической, утверждающей в качестве основного критерия истины принцип «человек есть мера всех вещей», и платоновской, утверждающей что «знание есть обоснованное истинное мнение» (Shevchenko, 2019). Подобное размножение истин, происходящее вследствие непрекращающейся в дальнейшей истории мысли борьбы за власть, С. Фуллер и считает постправдой. Актуализация ее в начале XXI в. в рамках подобного подхода предстает еще одним обострением универсального процесса «игры престолов» модальной власти, обладающей спецификой, но не являющейся особым культурным феноменом, свойственным именно этой эпохе.

Взгляд С. Фуллера на общественное значение познавательного релятивизма деконструирует познавательный релятивизм в духе социального конструктивизма, провозглашая истину искусственным конструктом властных отношений, а постправду – нормальным состоянием вещей. Поиск истины в эпистемологии и поиск правды в социально-политической сфере превращаются в перманентную игру, проходящую различные фазы, где подъем релятивистских настроений в современном социуме – фаза нарастания активности участников борьбы за модальную власть. В этом и кроется главный недостаток подхода Фуллера: если мы признаем любой

дискурс, вводящий категории истинности и ложности, игрой, мы должны будем признать игрой и любой разговор об истине, который ни к чему не ведет, кроме продолжения игры в дальнейшем, т. е. не имеет цели. Если релятивиста такой взгляд может удовлетворить, то эпистемологические реалисты, подобные Г. Франкфурту, или сторонники тех или иных политических, религиозных, научных или философских систем признают такой подход «недобросовестной» брехней, обладающей ценностью только как остроумный софизм.

Сравнительный анализ

содержаний концептов

«постправда» и «брехня»

Итак, рассмотрев два концепта, выражающих разнородные понимания проблемы познавательного релятивизма в современной культуре, сделаем на этом основании ряд суждений. Несмотря на то что брехня и постправда могут быть используемы и часто используются как близкие и даже взаимозаменяемые категории, в их основе лежат значительно различающиеся содержания.

Первое и ключевое значимое различие – характер проблематизации познавательного релятивизма как общественного явления. Если в познавательном аспекте проблематизация не отличается в обоих концептах, ставя своими целями определение характера, причин и перспектив происходящих в общественном сознании процессов, то в качестве социокультурной проблемы познавательный релятивизм как брехня и как постправда сильно различаются.

В случае брехни, или постправды, понимаемой как брехня, или ином реалистическом подходе к познанию социокультурная проблема заключается в том, что релятивизм мешает нормальному функционированию познавательной и практической деятельности, что приводит к интенции не быть введенным в заблуждение, это актуально как для отдельных индивидов, так и для социума в целом. Это рождает спрос на исследование и обучение иску-

ству критического мышления как способности видеть истину, закрытую пеленой лжи и брехни. В качестве примера можно привести известную книгу Д. Левитина «Путеводитель по лжи. Критическое мышление в эпоху постправды» (Levitin, 2018). Эта работа ставит вполне практическую цель, отражающую прагматический смысл проблематики, – разработка и распространение критического мышления, разоблачение постправды и противостояние ей. Прагматическая интенция мыслящего субъекта эпохи постправды имплицитно, но отчетливо предстает как императив «не быть обманутым».

Для релятивистов, подобных С. Фуллеру, социокультурную проблему составляет не столько познавательный релятивизм, сколько сама истина как проявление модальной власти. И состояние постправды есть способ демократизации истины, осознание относительности процесса познания, происходящее вследствие распространения образования и свободной коммуникации в эпоху цифровой трансформации. Иными словами, знание всегда было релятивным, постправда есть осознание и внедрение этой мысли в массовое сознание, что не проблема, а закономерный этап развития. Распространение релятивистских настроений в культуре же не проблема, а новый этап общественной рефлексии, этап своеобразного осознанного релятивизма уже не для философов, а для масс. В значительной степени подход С. Фуллера согласуется с более ранними взглядами Х. Арендт, для которой истинное противопоставлено политическому (для Фуллера же любая истина есть политика), а единственным истинным сознанием можно назвать экзистенциально-рефлексивное, подразумевающее, что любые властные отношения всегда ложны или, в нашем случае, постправдивы, поскольку «истиной можно назвать то, чего мы не можем изменить» (Arendt, 2003).

Вторым различием в понимании социокультурной роли познавательного релятивизма в концептах брехни и постправды выступает методология, обусловленная обозначенной выше разницей в проблема-

тизации и понимании оппозиции «истина-ложь». Реалисты будут воспринимать познавательный релятивизм в духе концепта брехни, что делает основным методом работы с ней логику и основанную на логике риторику, подобно тому, как это делают Д. Левитин и Б. Маккомиски. Релятивисты же, подобно С. Фуллеру, исходят из социального конструктивизма, подразумевая истину, ложь, постправду и т. д. как относительные конструкты восприятия. Основной методологией в таком случае будет характерный для «левой» философии социально-критический подход, основными приемами которого являются исторические аналогии, анализ реализации структур власти и подчинения, разоблачение объективистских иллюзий однозначности и определенности. Любопытно, что применительно к проблематике социально-культурной роли познавательного релятивизма политическая ангажированность, которую принято считать чертой прежде всего критических конструктивистских теорий, будет в равной степени присуща обоим методологическим подходам.

И именно в сфере практико-политической ангажированности лежит третье, наиболее значимое за пределами философии и науки различие концептов брехни и постправды, отражающее разницу двух подходов к культурной значимости социального релятивизма. Речь идет о разнице в проектной, практической интенции, следующей из разных пониманий оснований релятивистских настроений в современном социуме.

В отношении социального положения познавательного релятивизма реалисты-объективисты оказались консерваторами. В случае явных реалистов, подобных Г. Франкфурту, мы можем наблюдать консерватизм, выражающийся в констатации упадка традиции Просвещения, требующей для знания четкости, обоснованности и логической строгости. Кант, декларируя идеалы Просвещения, позиционировал его в значительной степени как «...выход человека из состояния своего несовершеннoleтия, в котором он находится по собственной

вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого... Ведь так удобно быть несовершеннолетним!» (Kant, 2012:1).

Когда в 2016 г. тенденцией года было провозглашено «преобладание эмоций и личных убеждений над объективными фактами» (Oxford Languages, 2016), это понималось реалистами как впадение общества в массовый инфантилизм, регресс разума, грозящий общественным регрессом. И консерватизм в отношении познавательного релятивизма означает здесь требование возврата к идеалам обоснованности, потерянным в эпоху постправды. Этого же дискурса придерживаются и сторонники сциентистского релятивизма в виде консенсусно-экспертного понимания истины. Для них познавательный релятивизм есть институциональная потеря, пренебрежение уже не к самой истине, а к социальным институтам, эту истину компетентно вырабатывающим. Этот дискурс особенно популярен в российской научной среде, где тема упадка влияния научных институтов, заменяемых квазинаучными бюрократическими аналогами, сочетается с традиционалистскими призывами к возврату к идеализируемой советской системе организации науки и образования. В качестве примера подобных работ можно привести статью профессоров П. А. Ореховского и В. И. Разумова, красочно описывающих проблемы российского образования и науки, замененных антиобразованием и антинаукой, инверсией карнавала, как его понимал М. М. Бахтин (Orekhovskij, Razumov, 2020).

Таким образом, практическо-политическую интенцию реалистов в отношении познавательного релятивизма, рассматриваемых нами на примере концепта брехни Г. Франкфурта, можно выразить следующей формулой – «познавательный релятивизм в культуре следует преодолеть для возврата к идеалам определенности и обоснованности истины».

Иная практическо-политическая интенция вытекает из релятивистского понимания, рассматриваемого нами на примере

концепта постправды в версии С. Фуллера. Она носит куда менее определенный характер. Не случайно в своей работе Фуллер регулярно акцентирует внимание на игровом характере культурных процессов, связанных с познанием и политикой, которые для конструктивистов неотделимы друг от друга. И существует два способа играть – либо непосредственное участие, как это делали софисты, либо определение для других правил игры, как это делают реалисты, начиная с Платона. Эта игра универсальна для истории знаний, отличие нашего времени состоит только в том, что мы начинаем играть осознанно, современная культура понимает, что является игрой. И справедливо будет замечание к С. Фуллеру, что и само его исследование – это тоже только игра (Lisanyuk, Perova, 2020), и как игра она не подразумевает какого-либо конечного результата, хотя и имеет переходящий приз в виде модальной власти. Соответственно, основная практическая интенция подобного подхода будет носить вполне софистический характер – извлечь из этой игры возможный уровень выгоды и удовлетворения, которые служат единственной мерой успеха в условиях постправды.

Итак, мы тезисно определим интенцию релятивистов следующим образом: необходимо принять и осознать универсальность познавательного релятивизма и осознанно вступить в древнюю игру в знание, призом которой является власть.

Социально-культурное значение познавательного релятивизма, независимо от способов его осмысления, очевидно нарастает и продолжит нарастать в ближайшие годы. Рассмотренные нами концепты отражают две возможные стратегии отношения к этому процессу со стороны исследователей, выбор между которыми, или их синтез, обусловят структуры реакции современного мира на постправду. Является ли культурная ситуация постправды историческим эксцессом, еще одним препятствием, которое развитие знания должно преодолеть на пути своего развития, или новой реальностью культуры, которая

будет все сильнее проявлять себя в ближайшие годы? Ответ на этот вопрос определит и одновременно будет определяем концептуализацией проблематики познавательного релятивизма в социуме. Два концепта, рассмотренных нами, больше чем просто идеи, методологии или точки зрения, они отражают два пути мысли в отношении дальнейшего развития знания, в борьбе или возможном синтезе которых будет выработано отношение к истине. Как она будет пониматься, останется ли ценностью в наступающей эпохе и, согласно Канту, что мы должны делать относительно релятивизма истины, а на что мы можем надеяться в результате нашего выбора?

Выводы

Подведем итог нашей работы:

1. На эпистемологическом и культурном уровнях в современном обществе наблюдается актуализация проблематики познавательного релятивизма, наиболее заметным выражением чего является популярность концепта постправды.

2. Концептуализация познавательного релятивизма как социально-культурной проблемы проходит в двух основных формах, различающихся отношением к объективности оппозиции «истина-ложь», что рассматривается на примере концепта брехни Г. Франкфурта и концепта постправды в трактовке С. Фуллера.

3. В концепте брехни (bullshit) Г. Франкфурта выявляется особый модус высказываний, для которых истинность или ложность не значимы. Цель брехни – ввести слушателя в заблуждение относительно своих мотивов и осведомленности о предмете высказывания, которые могут как соответствовать реальности, так и не соответствовать. Брехня – это познавательная «недобросовестность», когда говорящему все равно, как сказанное им соотносится с истиной. Современный социум, по мнению Франкфурта, производит возрастающее количество брехни, заполняющей каналы коммуникации и препятствующей познанию и деятельности, базирующихся на обоснованности знания.

4. Концепт «постправды» в версии С. Фуллера предполагает познавательный релятивизм как универсальный для истории мысли процесс «игры в знание» – борьбы за власть, осуществляющейся через контроль над критериями истинности, что позволяет задавать границы считающегося возможным или невозможным в социуме. Подъем релятивистских тенденций в культуре связан с демократизацией «игры в знание», когда образование и развитие коммуникации открывают широкий и легкий доступ к ней.

5. Различие между рассматриваемыми подходами к познавательному релятивизму заключается в разнице в проблематизации, методологических подходах и практической интенции, из подходов вытекающих. Каждый из подходов выражает стратегию поведения человека в исторической ситуации постправды.

6. Реалистический подход к познавательному релятивизму, подразумевающий объективность оппозиции «истина-ложь», выражаемый в концепте брехни Г. Франкфурта, проблематизирует познавательный релятивизм как препятствие познанию и практической деятельности, когнитивную «недобросовестность», постулируя интенцию к преодолению релятивистских тенденций на эпистемологическом и социальном уровнях. Методологически эта стратегия опирается на аппарат логики и верификационизм, ценностно же апеллирует к возврату идеалов Просвещения.

7. Релятивистский подход, выражаемый в исследовании постправды С. Фуллером, исходит из социально-конструктивистской методологии, применяя структурный анализ истории знания посредством исторических аналогий между разнородными феноменами культуры, преимущественно касающихся структур власти и подчинения. Для такой стратегии нежелательным является скорее стремление к объективной истине, нежели релятивизм. Подъем релятивизма есть форма прогрессирующей рефлексии массового сознания, которое вследствие развития коммуникации и образования при-

нимает участие в борьбе за модальную власть, однако на современном этапе люди массово начинают делать это осознанно. Основная практическая интенция и стра-

тегия этого подхода заключаются в принятии «игры в истину», участии в ней, приспособлении ее к личным и групповым целям и потребностям.

Список литературы / References

- Arendt, H. (2003). *Lyudi v temnye vremena [People in the dark times]*. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij. 312 p.
- Black, M. (1982). The Prevalence of Humbug, In *Philosophic Exchange*: Vol.13: No.1, Article 4. Pp. 2–23.
- Bodriyyar, J. (2016). *Duh terrorizma. Vojny v zalive ne bylo [The spirit of terrorism. There was no war in the gulf]*. M. 224 p.
- Chernikov, M. V. (2020). Vozmozhna li filosofiya Pravdy v epohu sovremennosti? [Is the philosophy of Truth possible in the modern era?] In *Svobodnaya mysl'*. 1 (1679), 197–210.
- Dal', V.I. (1907). *Tret'e izdanie tolkovogo slovaryazhivogo velikorusskago yazyka [The third edition of the explanatory dictionary of the living Great Russian language]*, T. 3, SPb. Tip. M.O. Vol'fa.
- Derrida, J. (2000). *O grammatologii [About grammatology]*. M.: Ad Marginem. 520 p.
- Feyerabend, P. (1986). *Nauka v svobodnom obshchestve [Science in a free society]*. Izbr. rab. po metodologii nauki. M.: Mysl'. 560 p.
- Frankfurt, G. G. (2008). *K voprosu o brekhne [On billshit]*. M.: Evropa. 120 p.
- Fuko, M. (1994). *Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk [Words and things. Archeology of the Humanities]*. SPb.: A-cad. 408 p.
- Fuller, S. (2018). *Post-truth. Knowledge as a power game*. London: Anthem Press, 209 p.
- Kant, I. (2012). Otvet na vopros: Chto takoe Prosveshchenie? [The answer to the question: What is Enlightenment?]. In *Obrazovatel'naya politika*. 3 (59).
- Lebedev, S.A. (2018). Dve paradigmy prirody nauchnoy istiny. [Two paradigms of the nature of scientific truth] In *Zhurnal filosofskikh issledovanij*. 4, 3–11.
- Levitin, D. (2018). *Putevoditel' po lzhi. Kriticheskoe myshlenie v epohu postpravdy. [A guide to lies. Critical thinking in the post-truth era]*. M.: Mann, Ivanov i Ferber. 272 p.
- Lisanyuk, E. N., Perova, N. V. (2020). Stiv Fuller i ego igra v znanie v usloviyakh post-pravdy [Steve Fuller and his knowledge game in post-truth] In *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 53, 221–257.
- Luman, N. (2006). *Differenciatsiya [Differentiation]*. M.: Logos, P. 190–192.
- McComiskey, B. (2017). *Post-truth rhetoric and composition*. Logan, UT: Utah State University Press. 52 p. DOI: 10.2307/i.cttlw76tbg
- Nikolaevich, I.S. (2018). *Kak nas obmanyvayut SMI. Manipulyatsiya informatsiej [How the media deceive us. Information manipulation]*. SPb.: Piter. 320 p.
- Nitzsche, F. (2021). *Ob istine i lzhi vo vnenravstvennom smysle. [About truth and falsehood in an extramoral sense]*. available at: <http://www.nietzsche.ru/works/other/about-istina/> (accessed 18.03.2021).
- Oxford Languages* (2016). URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (accessed 25.01.21).
- Orehovskij, P. A., Razumov, V. I. (2020). Vremya karnavala: rossijskaya vysshaya shkola i nauka v epohu postmoderna [Carnival time: Russian higher education and science in the postmodern era]. In *Idey i idealy*. 3–1, 77–94.
- Plato. (1994). *Teetet [Teetet]* In *Sobranie sochinenij*. T. 2. M.: Mysl'. P. 192–274.
- Rorti, R. (1997). *Filosofiya i zerkalo prirody [Philosophy and the mirror of nature]*. Novosibirsk: NSU. 320 p.
- Rostova, N.N. (2018). Filosofskaya analitika idey postpravdy [Philosophical Analytics of the Post-Truth Idea]. In *Hristianskoe chtenie*. 6, 130–138.

Sajt Ekaterinburgskoj eparhii. (2019). Available at: <http://ekaterinburg-eparhia.ru/news/2019/06/16/21165/> (accessed: 21.03.21).

Shevchenko, A.A. (2019). Postpravda kak novyj «rezhim istiny» [«Post-truth» as a new «regime of truth»]. In *Gumanitarnyj vector*. 4, 8–14.

Sokolov, M., Titaev, K. (2013). Provincial'naya i tuzemnaya nauka [Provincial and Indigenous Science]. In *Antropologicheskij forum*. 19, 239–275.

Veber, M. (2012). Nauka kak prizvanie i professiya [Science as a vocation and profession] In *Razvitiye lichnosti*. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-kak-prizvanie-i-professiya-1> (accessed 18.03.2021).

DOI: 10.17516/1997-1370-0799
УДК 303.442

Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research

Natalia P. Koptseva* and Alexandra A. Sitnikova

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 18.11.2019, received in revised form 01.05.2021, accepted 06.07.2021

Abstract. The study is a section of a scientific project to study the national policy of the USSR in relation to the indigenous peoples of the Far North. In this section, the national policy of the USSR is studied through the prism of human perception and the collective memory of indigenous peoples about the events of the Soviet past that took place in the Far North. The Evenki municipal district was chosen as one of the regions for studying the historical memory of the indigenous peoples of the north. In accordance with this, the goal presented in the article is to research modern scientific methods for the study of historical memory, identify the most effective scientific practices in this area and develop, on the basis of these best practices, a methodology for studying the historical memory of the Soviet past in the Evenk municipal district.

As a result of an analytical review of modern scientific publications on the methodology of studying historical memory, it was established that such studies are interdisciplinary and rely on the use of such methods as historical analysis of documents, sociological survey, content analysis, focus group, in-depth interviews, study of commemorative practices and places of memory, as well as psychological drawing and other methods.

Based on the results of studying the history of Evenkia in the XX century, from the 1930s to the 1970s, the key events, political decisions and reforms that determined the development of the Evenk region in Soviet times were identified, on the basis of which a questionnaire was compiled for conducting a sociological survey and its subsequent processing by the method of factor -analysis, as well as a scenario for conducting focus groups, which is given in the article in full.

Keywords: historical memory, historical memory of the indigenous peoples of the North, the national policy of the USSR in the Far North, Evenkia.

Research area: history & culturology

The research was funded by RFBR according to the project № 21–09–43014.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: decanka@mail.ru

ORCID: 0000–0003–3910–7991 (Koptseva); 0000–0002–1622–2797 (Sitnikova)

Citation: Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2022). Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 15(5), 666–678. DOI: 10.17516/1997-1370-0806.

Историческая память коренных малочисленных народов Эвенкийского муниципального района: методологические подходы к исследованию

Н.П. Копцева, А.А. Ситникова

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Исследование является разделом научного проекта по изучению национальной политики СССР по отношению к коренным народам Крайнего Севера. В данном разделе национальная политика СССР изучается через призму человеческого восприятия и коллективной памяти коренных народов о событиях советского прошлого, происходивших на Крайнем Севере. В качестве одного из регионов для изучения исторической памяти коренных народов севера выбран Эвенкийский муниципальный район. В соответствии с этим цель представленной статьи заключается в изучении современных научных методов исследования исторической памяти, выявление наиболее эффективных научных практик в этой области и разработка на основе этих лучших практик методологии исследования исторической памяти о советском прошлом в Эвенкийском муниципальном районе.

В результате аналитического обзора современных научных публикаций на тему методологии изучения исторической памяти установлено, что подобные исследования являются междисциплинарными и опираются на применение таких методов, как исторический анализ документов, социологический опрос, контент-анализ, фокус-группа, глубинное интервью, изучение коммеморативных практик и мест памяти, а также психологический рисунок и другие методы.

По итогам изучения истории Эвенкии с 1930 по 1970-е гг. выявлены ключевые события, политические решения и реформы, которые определяли развитие Эвенкийского района в советское время, на основе чего составлена анкета для проведения социологического опроса и последующей ее обработки методом факторного-анализа, а также сценарий для проведения фокус-групп, который приведен в статье полностью.

Ключевые слова: историческая память, историческая память коренных народов Севера, национальная политика СССР на Крайнем Севере, Эвенкия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–09–43014.

Научные специальности: 07.00.00 – исторические науки, 24.00.00 – культурология.

Введение

Национальная политика СССР периода 1920–1970-х гг. выступила одним из важнейших факторов этногенеза и культурогенеза коренных малочисленных народов Севера в XX–XXI вв. Данная политика способствовала эффективной экономической, политической и социально-культурной модернизации людей и территорий их компактного проживания. Однако до настоящего времени не имеется фундаментальных исследований исторического процесса, в ходе которого эта модернизация была осуществлена.

В настоящей статье представлена часть более масштабного исследования национальной политики СССР 1920-х – 1970-х гг. по отношению к коренным малочисленным народам Крайнего Севера. Целостное исследование предполагает применение комплекса методик – историческое изучение архивных источников на предмет реальных политических и экономических решений СССР по отношению к коренным народам Севера, сопоставление архивных данных с представлениями жителей Эвенкии об этом периоде, полученными в ходе социологических опросов, проведения фокус-групп и глубинных интервью. Полевая часть исследования, которая проводится в Эвенкии, находится в рамках современного методологического подхода – исследования исторической памяти или коллективной памяти, который применяется для реконструкции экономических, политических, социальных событий и явлений в Эвенкии советского времени, а также для понимания тех конструктов, которые сформировались у жителей Эвенкии по итогам проживания советского прошлого и имеют значение для их современной жизни. Целью настоящей статьи служит изучение современных научных методов исследования исторической памяти, выявление наиболее эффективных научных практик в этой области и разработка на основе этих лучших практик методологии исследования исторической памяти о советском прошлом в Эвенкийском муниципальном районе.

Исследование национальной политики СССР по отношению к коренным

малочисленным народам Севера Красноярского края позволит выявить культурно-региональную специфику экономических, политических и социально-культурных трансформаций, которые пережили различные социальные группы, и особенности модернизации северных и арктических территорий, на которых они проживали. Выбор исторического периода 1920–1970-х гг. XX в. связан с тем, что в эту эпоху модернизация была осуществлена достаточно успешно с помощью мобилизации различных социальных групп, различных социальных субъектов, которых удалось объединить, несмотря на сумму социальных и иных противоречий, определяющих их взаимоотношения.

В результате данного исследования будут исторически конкретизированы реальные события и практики осуществления советской национальной политики по отношению к коренному малочисленному населению Крайнего Севера и Арктики, уточнены академические позиции в дискуссиях, связанных с обсуждением реального значения советского опыта и советского периода для современности.

Методология исследования

Представленное в настоящей статье исследование проведено на основе работы с научными источниками и на основе полевых исследований:

1) для понимания современных методологических принципов исследования исторической памяти был проведен анализ научных статей и публикаций в базах данных SCOPUS и РИНЦ, а также научных исследовательских отчетов, имеющихся в открытом доступе;

2) для разработки социологического опроса и сценария фокус-группы для полевой работы в Эвенкийском муниципальном районе была проведена работа с историческими источниками – книга о советском прошлом Крайнего Севера автора В. Н. Увачана «Путь народов Севера к социализму. Опыт соц. строительства на Енисейском Севере» (Uvachan, 1971); книга «Эвенкия. Время больших перемен» (Sultanova, 2018;

Sultanova, 2019), где опубликованы материалы Эвенкийского архива, в частности, о жизни в советские времена в Эвенкии; открытые исторические сведения о Советской Эвенкии в интернете, например на официальном сайте Эвенкийского муниципального района;

3) результаты полевых исследований ученых кафедры культурологии и искусствоведения Сибирского федерального университета, проводившихся на северных территориях Красноярского края (Эвенкийский муниципальный район, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, Туруханский район), были использованы для адаптации научных исследований к социокультурным реалиям жизни коренных народов Севера.

Исследование

Методология исследования исторической памяти

В конце XX в. был зафиксирован бум гуманитарных исследований коллективной и исторической памяти. Междисциплинарная область исследований – историческая память, или «Memory studies» в англоязычной научной терминологии – вырастает из фундаментальных трудов А. Бергсона, М. Хальбвакса, П. Нора и многих других исследователей конца XIX–XX вв., которые стоят у истоков данного научного направления. В контексте изучения исторической памяти эвенков нужно обозначить терминологию, которую мы будем использовать в настоящем исследовании: под исторической памятью мы будем понимать совокупность представлений социума об общем прошлом в соответствии с определением Л. П. Репиной.

Важность изучения вопросов исторической памяти народов, этносов и социальных общностей связана с тем, что, по утверждению М. Хальбвакса, социальные институты удерживаются вместе только с помощью коллективных воспоминаний. Следовательно, изучение исторической или, шире, коллективной памяти – это изучение национального, или этнического, или социального самоосознания, обеспечи-

вающего устойчивое развитие той или иной социальной общности в настоящем и будущем.

К началу XXI в. сформировался круг основных проблем, которые изучают в контексте исследований исторической памяти. Во-первых, внимание исследователей сосредоточено на поиске травмирующих событий в коллективном прошлом народа, нации или этноса, которые не позволяют благополучно развиваться той или иной социальной общности в дальнейшем. Выявление травм в историческом прошлом народа дает возможность понимать социальные механизмы, которые работают в этом обществе для того, чтобы продолжать свое устойчивое существование, несмотря на наличие этих травм – действуют либо механизмы забвения, либо механизмы принятия (сожаление, прощение, примирение, покаяние и т. п.), либо механизмы создания социальной нервной системы и напряженности по отношению к определенным событиям этнического/национального прошлого. Во-вторых, ученые изучают процессы и практики коммеморации (Linchenko, 2015; Krasilnikova, 2016) – пути создания коллективных воспоминаний, которые могут формироваться более-менее естественным путем посредством межличностного общения представителей сообществ, средствами массовой информации, произведениями искусства, в частности памятниками и оберегаемыми местами культурной памяти, а также могут искусственно конструироваться государственными и политическими механизмами по работе с коллективной памятью. В-третьих, исследователи сосредоточены на изучении закономерностей формирования коллективной памяти народа – феноменов забвения, возобновления интереса к забытым событиям исторического прошлого, эмоциональной окраски отношения людей к тем или иным событиям исторического прошлого, участия СМИ и государства в искусственных процессах, которые сформировали историческую память народа в настоящем, изменчивости и динамического развития исторической памяти народа и т. п.

Теперь постараемся очертить спектр методологических подходов и методик, которыми пользуются ученые при исследовании исторической памяти. Междисциплинарный характер данной научной области позволяет привлекать к исследованию самые разные методы научного познания, в частности эмпирические методы

Современная историческая наука зачастую ориентирована на изучение роли отдельного человека в истории. Для изучения исторической памяти ученые применяют метод устной истории, когда в качестве материала для научной интерпретации используются устные истории отдельных людей, записанные с целью изучения того, как тот или иной феномен коллективного исторического прошлого получил отражение в индивидуальной памяти людей (Каритонova, Belokrylova, 2019). Метод «устные истории» может быть эффективен только в сочетании с другими методами, так как интерпретация интервью с отдельными представителями социальной общности может давать значимые научные результаты лишь в синтезе с другими методами, в частности вместе со сравнительным анализом устных историй с реальными историческими документами, фактами прошлого, описанными в исторических источниках. Метод записи устных историй удобен в современности, так как существует масса технологий для получения эмпирического материала для исследований – диктофонная запись, видеointerview, запись интервью с использованием современных дистанционных цифровых технологий (Skype, zoom и т. п.). При интерпретации результатов устных интервью в контексте исследований исторической памяти необходимо учитывать, что современная наука располагает знаниями об определенных закономерностях индивидуальной памяти человека, которые влияют на процессы человеческого запоминания/вспоминания, например, то, что переход от доминирования индивидуальных воспоминаний к накоплению коллективных воспоминаний происходит у человека в определенном возрасте, а самые

яркие и значимые воспоминания человека приходятся на период ориентировочно с 12 до 25 лет и т. п. (Amosova, et al., 2019; Koptseva, 2017; Leshchinskaya, & Kolesnik, 2021; Zamaraeva, et al., 2019a; Zamaraeva, et al., 2019b; Smolina, & Sertakova, 2018).

Многие методы, которые применимы для изучения исторической памяти, заимствованы из социологии. В частности, такие методы, как социологический опрос, фокус-группа, сбор экспертных мнений и контент-анализ средств массовой информации. Современные исследования исторической памяти используют самые разные варианты социологических опросов: анкетирование с одним общим вопросом для респондентов, позволяющим оценить характер современного эмоционального отношения определенной социальной группы (например, школьников) к событиям исторического прошлого; подробный социологический опрос, позволяющий провести всестороннюю оценку отношения респондентов к историческим событиям – насколько подробно респонденты помнят исторические события, как эмоционально относятся к историческим событиям, какие аспекты исторических событий являются для них наиболее значимыми и т. д. Привлечение метода фокус-групп позволяет увидеть некоторые закономерности коллективной памяти в действии, например воспоминания о драматичных событиях прошлого в группах позволяет понимать, какие защитные механизмы сформировались в обществе по отношению к ним. Иные современные исследования исторической памяти не ориентированы на сбор эмпирических материалов; в таком случае используется метод сбора экспертных мнений, т. е. содержание социальной памяти о событиях истории описывают эксперты, авторитетное мнение которых сформировалось на основе архивных исследований проблемы и многолетнего общения с представителями изучаемой социальной общности. Наконец, контент-анализ средств массовой информации – газет, телевизионных программ или других медиа – также позволяет выявить события, которые сформировали

историческую память народа, которые оказались намеренно вычеркнуты или забыты в исторической памяти народа, а также проследить динамику изменений эмоционального отношения к событиям исторического прошлого.

С 1980-х гг. благодаря Пьеру Нора в исследования исторического прошлого вошло понятие «места памяти» – духовно-материальное явление, символически фиксирующее коллективную память по отношению к историческим событиям. Таким образом, современные исследования исторической памяти могут быть основаны на изучении мест «хранения» коллективной памяти народов, наций, социальных сообществ, например кладбища, памятники, музеи и т. п.

Методы искусствоведческих исследований произведений визуальной культуры – фильмов, картин, скульптур и т. д. – также могут быть использованы для понимания того, каким образом в обществе закреплены представления о значимых исторических событиях.

Наконец, Т. П. Емельянова (Emelyanova, 2019) предлагает использование такого неординарного метода, как психологический рисунок для изучения исторической памяти. Исследователь предлагает респондентам нарисовать рисунок на обобщенную тему, например первый космонавт или ветеран ВОВ, что позволяет ей выявить категории людей с разным отношением к общим событиям исторического прошлого, которые существуют в обществе.

Таким образом, на основе анализа современных исследований исторической памяти народа был рассмотрен спектр научных методов, который может быть использован для изучения исторической памяти коренных малочисленных народов Эвенкийского муниципального района.

Методология исследования

исторической памяти коренных народов

В этом разделе статьи будет представлен анализ некоторых современных исследований исторической памяти коренных народов для того, чтобы увидеть, какие ме-

тодологические подходы применяют ученые в этой научной области.

Исследования исторической памяти в связи с коренными народами активно проводятся в Австралии, колониальное освоение которой происходило в процессе конфликтных столкновений прибывших европейцев с коренными народами. Сегодня исследователи ставят перед собой задачи понять, в какие формы память австралийского населения «упаковала» травматические события исторического прошлого. Исследователи Р. Кеннеди и С. Рэдстон (Kennedy, Radstone, 2013) пишут, что современные ученые, занимающиеся проблемами исторической памяти в Австралии, сосредоточены либо на исследовании воспоминаний коренных народов о борьбе за свободу, либо на исследовании вовлеченности австралийцев и конкретно коренных народов Австралии в мировые войны, либо даже на изучении воспоминаний капитана Кука о столкновении с аборигенами. В любом случае, как указывают исследователи, центральную роль в исторической памяти австралийцев играет тема переселенческого колониального прошлого. Основным методом исследования исторической памяти выступают эссе по этой проблематике, написанные учеными и специалистами, которые многие годы занимаются изучением травматического опыта в памяти австралийцев, их знания собраны в библиотеках в процессе изучения архивных материалов, в процессе общения на данную тематику с австралийцами и т. п.

Другой исследователь – Мартин Нака – также обращается к изучению исторической памяти австралийских аборигенов. В своей статье (Nakata, 2012) он фиксирует тот факт, что высокая значимость архивов по сохранению исторических данных из жизни австралийских аборигенов связана с возможностью устойчивого развития этих народов в современности: возможность поместить в архив травматический опыт колониального прошлого позволяет молодым поколениям этих народов принять факт уважительного отношения к их драматическому опыту, примириться с этим прошлым

и начать движение в сторону нового будущего, которое уже не будет базироваться на многократном проживании негативного этнического исторического прошлого.

Ученый С. Пентланд (Pentland, 2021) исследует проблемы в коммеморативных практиках Канады. Он фиксирует противоречие: с одной стороны, в 2020 г. правительство Канады признало резидентские школы, где в обязательном порядке обучалось коренное население канадского Севера, явлением национально-исторического значения, а с другой – для коренных народов Канады такие школы стали культурной травмой, примером жестокого и насильственного присоединения коренных народов.

Как частично сопряженные с вопросами исследования различных аспектов памяти у коренных народов можно считать статьи медицинского характера, где уделяется внимание вопросам деменции и потере памяти у возрастных представителей коренных народов. Ученые (Kristen, 2019; Hulko, Camille, Antifeau, Arnouse, Bachynski, Taylor, 2010) фиксируют повышенный риск развития деменции у представителей коренных народов на основе исследований, проведенных в Канаде, США и Австралии, а также особое отношение к факту утраты памяти в пожилом возрасте у этих народов.

Большинство исследователей исторической памяти народа обращают внимание на возможность социального конструирования прошлого народа со стороны государства или других социальных институтов, чтобы обеспечить устойчивое развитие этноса в настоящем и будущем. Противоречивые вопросы исторического прошлого нанайского народа в XX в. на Дальнем Востоке освещает в своей статье Ч. Цзяньвэнь (Jianwen, 2020; Shpak, 2020).

В российской науке также можно выделить несколько исследований, которые раскрывают некоторые аспекты исторической памяти коренных народов. В частности, Е. Н. Данилова (Danilova, 2019) обращает внимание на то, что зачастую интерес к изучению исторического прошлого у молодых поколений коренных на-

родов спровоцирован исследовательским интересом к этому прошлому: таким образом, у молодых представителей коренных народов процесс перехода от индивидуальной памяти к коллективной и исторической памяти происходит под влиянием «внешнего» вторжения исследователей, что в целом способствует процессам роста этнического самосознания. Подобное исследовательское влияние на процессы формирования исторического прошлого коренного народа рассматривается на примере народа ханты в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

Исследованиями исторической памяти коренных народов Красноярского Севера занимаются ученые-культурологи Сибирского федерального университета. В качестве примера исследований можно привести статью Н. Копцевой и К. Резниковой (Korseva, Reznikova, 2015) об историческом прошлом селькупов, проживающих на территории Красноярского края.

***Перспективы и проблемы
изучения исторической памяти
коренных малочисленных народов
Эвенкийского муниципального района***

На основании изучения современных исследований в области исторической памяти была составлена методологическая программа для исследования исторической памяти коренных малочисленных народов Эвенкийского муниципального района.

Исследование посвящено изучению исторической памяти эвенков о политике СССР по отношению к коренным народам Севера. В первую очередь для разработки исследовательских ходов по изучению индивидуальной памяти людей о событиях советского прошлого в Эвенкии были изучены исторические материалы, описывающие политику СССР в Эвенкии и историю Эвенкии в XX в. В качестве наиболее значимых траекторий преобразования в Эвенкии XX в. были выявлены следующие:

– история административных преобразований Эвенкии в XX в., в частности создание Эвенкийского национального

округа в 1930 г. с административным центром в поселке Тура и последующие административные реформы;

- создание эвенкийской письменности и образовательные реформы, направленные на ликвидацию безграмотности;

- обязательное изучение русского языка;

- начало индустриального освоения Севера, геологоразведка полезных ископаемых и открытие первых месторождений по добыче полезных ископаемых;

- переход от традиционного кочевого образа жизни на оседлый, создание социальной инфраструктуры со школами, больницами, клубами и т. п.;

- реформирование традиционной трудовой деятельности в Эвенкии с индивидуальных оленеводческих хозяйств на колхозные хозяйства;

- потенциально травматичные для людей события – раскулачивание, новая идеологическая программа, продовольственный дефицит и т. п.;

- участие коренных народов в Великой Отечественной войне;

- искоренение традиционных шаманских верований;

- появление телевидения, печатных средств массовой информации и т. п.;

- создание более комфортных условий для проживания на территории Крайнего Севера – строительство жилья, появление электричества, улучшение медицины и т. п.

В соответствии с изучением знаковых исторических событий в Эвенкии в советское время была составлена подробная анкета для проведения социологического опроса среди жителей Эвенкии. Обращение к социологическим методам исследования всегда предполагает понимание методов интерпретации их результатов. Для обработки будущих результатов анкетирования было решено использовать факторный анализ (Fomina, 2017), который позволяет проследить существенные корреляции между отдельными фрагментами социологических данных.

Помимо социологического опроса изучение исторической памяти коренных ма-

лочисленных народов Эвенкийского муниципального района было решено проводить в фокус-группах по следующим вопросам:

1. Как в целом вы оцениваете жизнь в Эвенкии во времена СССР?

2. Расскажите, пожалуйста, что хорошего вам запомнилось о жизни в Эвенкии в советские времена.

3. Что вы считаете негативными явлениями, которые происходили в Эвенкии во время СССР?

4. Хотелось бы, чтобы вы вспомнили, как воспринимались людьми в Эвенкийском районе самые первые решения советских властей по отношению к коренным народам Севера. Скорее всего, лично эти процессы вы не застали, но наверняка помните рассказы своих родителей и других родственников о том, как реагировали, как относились эвенки к тому, что происходило.

- Как было пережито эвенкийским народом создание Эвенкийского национального округа в 1930 г.? Это решение было принято с радостью или с огорчением? Почему? И как было пережито эвенками присоединение к Красноярскому краю в 2007 г.? Положительно или отрицательно? Почему? В целом, насколько эвенкам было необходимо автономное управление своим регионом в советское время? Изменилась ли эта ситуация сегодня?

- Как люди воспринимали то, что необходимо перейти от кочевого образа жизни к оседлому? Как воспринимали необходимость переезжать в крупные поселки, покидая кочевья, стойбища и небольшие поселения?

- Как люди относились к возможности получения образования? К тому, что у них появилась возможность/необходимость ходить в школу?

- Какие воспоминания у людей связаны с появлением школ-интернатов, где дети в отрыве от семей получали образование? Насколько тяжело семьям было отдавать своих детей в такие школы-интернаты? Насколько тяжело было детям учиться в школах-интернатах в отрыве от семей? Какие культурные последствия были у того,

что целое поколение эвенков получило образование в таких школах?

– Как люди относились к необходимости изучать русский язык?

– Как обстояла ситуация с родным языком в советское время? В семьях разговаривали на родном языке или постарались перейти к общению на русском языке?

– Как в целом изменялось отношение к родному языку в Эвенкии? Какие этапы вы бы выделили?

– Как вы думаете, почему в советское время не была создана национальная школа на эвенкийском языке?

– Как эвенки отнеслись к появлению письменности на эвенкийском языке? Были ли эвенки знакомы с эвенкийской письменностью на латинице? Насколько удобной и легко изучаемой оказалась эвенкийская письменность на кириллице?

В целом, какие положительные стороны и недостатки вы видите в разработке эвенкийской письменности?

– Как люди отнеслись к раскулачиванию крупных оленеводов? Какие воспоминания об этом сохранились? Это было некое несправедливое действие советских властей по отношению к честным труженикам или необходимое действие, которое помогло равномерно распределить продовольствие среди всех коренных жителей Эвенкии?

– Как люди относились к строительству больниц, появлению врачей и к возможности получения медицинской помощи?

– Как люди относились к тому, что под запретом оказались шаманские практики? Какие последствия были у отказа от шаманизма?

5. Наверняка Великая Отечественная война стала значительным событием и для Эвенкийского региона. Хотелось бы узнать следующее:

– Как люди в Эвенкии переживали события Великой Отечественной войны?

– Как жители Эвенкии участвовали в Великой Отечественной войне?

6. Наверняка большинство из вас и сами застали жизнь в Эвенкии во времена

СССР. Какие воспоминания у вас сохранились о таких явлениях:

– Насколько легко было найти работу в Эвенкии во времена СССР?

– Какая ситуация была с продовольствием в Эвенкии во времена СССР?

– Какая ситуация с оленеводческими хозяйствами была во времена СССР? Насколько успешно развивалось традиционное хозяйство в целом? Какие колхозы существовали на территории Эвенкии?

– Какие процессы происходили в сфере промышленного освоения региона во времена СССР (геологическая разведка, открытие первых месторождений полезных ископаемых)? Как они воспринимались людьми?

– Каких специалистов готовили в Эвенкии в советское время? Получение каких профессии считалось престижным? Какие профессии пользовались спросом? Каких специалистов не хватало в Эвенкии в советское время? Куда было принято отправлять выпускников эвенкийских школ для получения образования? Как много выпускников уезжало из Эвенкии для получения образования в крупных городах, в университетах и техникумах?

– Каким людям хорошо жилось в Эвенкии в советское время? А каким людям трудно жилось в Эвенкии в советское время?

– Насколько справедливым было распределение социальных благ – финансов, продовольствия, квартир – в Эвенкии в советское время?

7. Расскажите, пожалуйста, о последствиях политики СССР для современной Эвенкии:

– Какие изменения в советское время произошли в эвенкийских семьях: какие традиции исчезли в советское время из семейной жизни, а какие новые традиции возникли?

– Какие традиционные для эвенков занятия полностью исчезли при СССР из повседневной жизни? Появились ли какие-то новые повседневные практики, занятия, традиции в советские времена у эвенков? Какие именно?

8. В финале хотелось бы обсудить такой вопрос: если бы сейчас появилась возможность возродить какую-то одну из советских практик по отношению к северным территориям, то какую из известных вам практик хотелось бы возродить?

Помимо социологического опроса и фокус-групп для изучения исторической памяти коренных малочисленных народов Эвенкийского муниципального района планируется применять такие методы, как контент-анализ газеты «Эвенкийская жизнь», а также можно провести искусствоведческий анализ образа Эвенкии в кино на основе исследования детского фильма советского времени «Друг Тыманчи» (1970, реж. А. Ниточкин).

Заключение

Таким образом, по результатам исследования были сделаны следующие выводы:

1. Ценность современных исследований исторической памяти заключается в том, что социальные группы, этнические и национальные сообщества обладают возможностью устойчивого развития только при наличии коллективного прошлого и исторической памяти. Историческая память народов содержит в себе разные эмоциональные «заряды» по отношению к прошлому, влияет на современную жизнь народа и его будущее развитие. Зачастую историческая память народов содержит травмы, неврозы, триггеры, которые определяют некоторые траектории социального развития обществ. Исследования исторической памяти направлены на определение таких явлений в структурах коллективной памяти, чтобы далее спроектировать модели устойчивого развития социальной общности в современности на фундаменте прошлого.

2. Современные зарубежные и российские исторические исследования памяти являются междисциплинарными, для их проведения заимствуются самые разнообразные методики таких наук, как история, социальная психология, политология, экономика, социология, искусствоведение и др. На сегодняшний день чаще всего в ис-

следованиях исторической памяти пользуются такими методами, как исторический анализ архивных источников, документов, социологический опрос, контент-анализ средств массовой информации изучаемого периода, различные варианты работы с людьми – запись устных историй, глубинные интервью, фокус-группы и др. Помимо базовых методов исследователи исторической памяти иногда привлекают такие методики, как изучение коммеморативных практик и мест памяти, психологический рисунок, историко-искусствоведческий анализ произведений искусства определенного периода и др.

3. В качестве базовых методик для изучения исторической памяти о советском прошлом в Эвенкийском муниципальном районе были выбраны социологический опрос, разработанный с учетом последующей обработки методом факторного анализа; фокус-группа и серия глубинных интервью с жителями Эвенкийского муниципального района.

4. На основе изучения советской истории Эвенкии были выбраны ключевые темы для изучения советской политики в Эвенкийском муниципальном районе, определены ключевые события, произошедшие здесь: административные преобразования района, начатые в 1930 г.; образовательные реформы, включающие создание школ-интернатов и всеобщее обучение русскому языку; трансформация образа жизни с кочевого на оседлый; ликвидация частных хозяйств и появление колхозов; развитие средств массовой информации на территории Эвенкии, включая появление газеты «Эвенкийская жизнь» и, позднее, телевидения; реформирование религиозной жизни в регионе – запрет традиционных шаманских верований; развитие социальной сферы в Эвенкии – укрупнение поселков, строительство жилых домов и больниц, улучшение поселковой инфраструктуры и др. В статье приведен сценарный план фокус-группы для изучения советского прошлого Эвенкии, который позволяет познакомиться с полным перечнем явле-

ний советской действительности, историческую память о которых у эвенкийского народа предполагается изучить в ходе дальнейших полевых исследований.

Список литературы / References

- Amosova, M. A., Koptseva, N. P., Sitnikova, A. A., Seredkina, N. N., Zamaraeva, Y. S., Kistova, A. V., ... & Pimenova, N. N. (2019). Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists, *In Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*, 12(8), 1524–1551.
- Bosch, T.E (2016) Memory Studies, A brief concept paper. Working Paper. MeCoDEM. ISSN2057–4002 (Unpublished). Available at: https://eprints.whiterose.ac.uk/117289/1/Bosch%202016_Memory%20Studies.pdf
- Danilova, E.N. (2019) Provokatsiya etnicheskogo renessansa: o vliyaniy issledovatelya na izuchaemoe im soobschestvo [The provocation of an ethnic renaissance: on the researcher's influence on the community he studies], *In Uralskii istoricheskii vestnik [Ural historical herald]*, 4 (65), 116–123.
- Emelyanova, T.P. (2019) Kollektivnaya pamyat' o sobitiyah otechestvennoi istorii: socialno-psihologicheskii podhod [Collective memory of the events of Russian history: a socio-psychological approach], Moscow, Institute Psychology RAS, 299 p.
- Fomina, E.E. (2017) Faktornyy analiz i kategorial'nyy metod glavnnykh komponent: sravnitel'nyy analiz i prakticheskoe primeneniye dlya obrabotki rezul'tatov anketirovaniya [Factor analysis and categorical principal component analysis: comparative analysis and practical application for processing the results of the questionnaire], *In Gumanitarnii vestnik [Humanity herald]*, 10, 1–16, DOI 10.18698/2306–8477–2017–10–473.
- Halbwachs, M. (1980) The Collective memory, first published posthumously in 1950. New York: Harper & Row. 186 P.
- Hulko, W., Camille, E., Antifeau, E., Arnouse, M., Bachynski, N., Taylor D. (2010) Views of First Nation elders on memory loss and memory care in later life, *In Journal of cross-cultural gerontology*, Dec; 25(4):3, 17–42. DOI: 10.1007/s10823–010–9123–9.
- Istoriya Evenkii: materialy oficialnogo saitа Evenkiiskogo municipalnogo raiona [History of Evenkiya: the materials of official website of Evenkiya municipal district], Available at: <http://www.evenkiya.ru/info/history/>
- Jianwen, Ch. (2020) Vlianie kitaiskoi kulturi na formirovaniye yazika I pismennosti nanaicev na Dal'nem Vostoke [The influence of Chinese culture on the formation of the Nanai language and writing in the Far East], *In Mir nauki, kulturi, obrazovaniya [The world of science, culture, education]*, 2 (81).
- Kapitonova, T.A., Belokrylova, V.A. (2019) Issledovaniya istoricheskoy pamyati kak transdisciplinarnyy proekt [Historical memory research as a transdisciplinary project], *In Izvestiya Gomelskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skorina [Bulletin of the Gomel State University named after F. Skaryna]*, 4 (115), 136–142.
- Keightley, E., Pickering, M. (2013) Research Methods for Memory Studies, Edinburg university press, 258 p.
- Kennedy, R., Radstone, S. (2013) Memory up close: Memory studies in Australia, *In Memory Studies*, 6 (3), p. 237–244. DOI: 10.1177/1750698013486023
- Kopseva, N., Reznikova, K. (2015) Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai, *In Bylye Gody*, Vol. 38, Is. 4. P. 1028–1038
- Koptseva, N. P. (2017). Expert environmental assessment, specific for indigenous peoples of Siberian arctic (on the basis of Krasnoyarsk region), *In Ekologiya cheloveka (Human Ecology)*, (6), 30–35.
- Koptseva, N.P., Pimenova, N.N. (2020) Svoeobrazie kul'turnykh soobshchestv segodnya: opyt izucheniya transformatsiy v kul'turnykh prostranstvakh i klassifikatsiya T.H. Eriksena [The uniqueness of cultural communities today: the experience of studying transformations in cultural spaces and the classification of T. Kh. Eriksen], *In Severnye arhivy i ekspeditsii [Northern archives and expeditions]*, 4/3, 57–69, DOI:10.31806/2542–1158–2020–4–3–57–69.

Krasilnikova, E.I. (2016) Pamyatnye mesta i kommémorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoj Sibiri (konec 1919 – sredina 1941): dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk [Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 – mid 1941): dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences.]. Novosibirsk, 554 p.

Kristen, J. (2019) Understanding Dementia in Indigenous Populations: Cultural Safety and a Path for Health Equity: report. Available at: <https://alzheimer.mb.ca/wp-content/uploads/2019/03/Mar4Plenary-Understanding-Dementia-in-Indigenous-Populations-Kristen-Jacklin.pdf>

Leshchinskaya, N. M., & Kolesnik, M. A. (2021). Lingvokul'turologicheskie dannye o sovremennom sostoyanii evenkijskogo yazyka (na materiale analiza issledovatel'skoj literatury 2010-h godov) [Linguo-cultural data on the current state of the Evenk language (based on the analysis of research literature of the 2010s)], *In Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*, 5(1), 75–92.

Linchenko, A.A. (2015) Kommémorativnye praktiki I massovoe istoricheskoe soznanie: metodologicheskii aspekt [Commemorative Practices and Mass Historical Consciousness: Methodological Aspect], *In TvGU vestnik [Tver state university herald]*, Series *Philosophy*, 2, 116–127.

Nakata, M. (2012) Indigenous memory, forgetting and the archives, *In Archives and Manuscripts*, 40:2, 98–105, DOI: 10.1080/01576895.2012.687129

Pentland, C. (2021). Commemoration as reconciliation: Indigenous history and Canada's heritage designation system. *The IJournal: Graduate Student Journal of the Faculty of Information*, 6 (2). <https://doi.org/10.33137/ijournal.v6i2.36456>

Repina, L.P. (2003) Kulturnaya pamyat i problem istoriipisaniya (istoriographicheskie zametki) [Cultural memory and problems of historiography (historiographic notes)], Moscow, HU HSchE, 44 p.

Romanovskaya, E.V. (2010) Maurice Halbwachs: kulturnie konteksti pamyati [Maurice Halbwachs: cultural memory contexts]. *In Izvestiya Saratovskogo universiteta [Izvestia of Saratov University]*. V. 10. Series. *Philosophy, Psychology, Pedagogy*, 3, 39–44

Shpak, A.A.(2020) Kul'turnye mekhanizmy konstruirovaniya slozhnykh identichnostej [Cultural mechanisms of construction of complex identities], *In Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian journal of anthropology]*, 4(3), 73–84.

Shpak, A.A., Pchelkina, D.S. (2021) Formirovanie slozhnykh identichnostej i processy etnicheskoi samoidentifikacii (na materiale analiza regionov Sibirskogo federal'nogo okruga) [Formation of complex identities and processes of ethnic self-identification (conducting focus groups in the regions of the Siberian Federal District)], *In Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian journal of anthropology]*, 5 (2).

Smolina, M. G., & Sertakova, E. A. (2018). Osnovnye napravleniya issledovanij po gorodskoj srede Krasnoyarska [The main directions of research on the urban environment of Krasnoyarsk], *In Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian journal of anthropology]*, 2(3), 76–8.

Sultanova, G.V. (2018) Evenkiya. Vremya bol'shih peremen. Po materialam Evenkijskogo arhiva. CH.1. Likvidaciya bezgramotnosti. Krasnoyarsk: Sibirskie promysly [Evenkia. A time of great change. Based on materials from the Evenk archive. Part 1. Elimination of illiteracy], Krasnoyarsk: Siberian crafts.

Sultanova, G.V. (2019) Evenkiya. Vremya bol'shih peremen. Stanovlenie i razvitie organov mestnoj vlasti v 1920–1930-h godah. Krasnoyarsk: Sibirskie promysly [Evenkia. A time of great change. Formation and development of local authorities in the 1920s-1930s], Krasnoyarsk: Siberian crafts.

Sultanova, G.V. (2019) Evenkiya. Vremya bol'shih peremen. Stanovlenie i razvitie organov mestnoj vlasti 1940–1970-e gg. [Evenkia. A time of great change. Formation and development of local authorities 1940–1970s], Krasnoyarsk: Siberian crafts.

The collective memory reader (2011), edited by Olick J., Vinitzki-Seroussi V., Levy D. Oxford university press, 62 p.

Uvachan, V.N. (1971) Put' narodov Severa k socializmu Opyt soc. str-va na Enisejskom Severe (Istoricheskii ocherk) [The path of the peoples of the North to socialism Experience of social. building in the Yenisei North (Historical essay)], Moscow, Misl', 391 p.

Zamaraeva, Y. S., Luzan, V. S., Metlyaeva, S. V., Seredkina, N. N., Koptseva, N. P., Fil'ko, A. I., & Khrebtov, M. Y. (2019a). Religion of the Evenki: history and modern times, *In Journal of Siberian federal university – humanities and social sciences*, 2019, 12(5), 853–871.

Zamaraeva, YU. S., Luzan, V. S., Metlyaeva, S. V., Seredkina, N. N., Fil'ko, A. I., & Hrebtov, M. YA. (2019b). Rol' religii v sohranении tradicionnogo obraza zhizni evenkov [The role of religion in preserving the traditional way of life of the Evenks], *In Severnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 3(3), 34–47.

DOI: 10.17516/1997-1370-0789
УДК 316.4

Transnational Academic Mobility and Scientific Knowledge Production: Effects and Mechanisms of Impact

Irina A. Antoshchuk^{a,b}, Ekaterina L. Dyachenko^c
and Viktoriia Yu. Ledeneva^{*d}

^a*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

^b*University of Amsterdam
Amsterdam, Netherlands*

^c*Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation*

^d*Institute for Demographic Research RAS
Moscow, Russian Federation*

Received 05.06. 2021, received in revised form 04.07.2021, accepted 06.07.2021

Abstract. The dominant idea is that transnational academic mobility stimulates research and the production of scientific knowledge. However, what processes are behind this pattern? What are the mechanisms and factors of impact of academic mobility for the production of scientific knowledge? Despite the extensive literature on academic mobility, research on the topic is scattered, and these questions remain without a satisfactory answer. We contribute to the study of these issues through a systematic problem-oriented review of English-language and Russian-language publications for 1994–2021 based on the Web of Science and Scopus databases. Research mostly confirms the positive effect of mobility, brought about by the action of three interrelated mechanisms: scientific cooperation, acquisition / transfer of knowledge, and integration into the scientific community. However, this effect does not arise automatically and depends on a number of factors that determine the variability of the consequences of academic mobility. The novelty of our review consists in the identification of negative effects along with positive, the analysis of qualitative knowledge transformations along with the quantitative, and attention to various types of knowledge created, including tacit knowledge.

Keywords: knowledge production, academic mobility, migration of scientists, scientific collaboration, knowledge transfer, integration of scientists.

The reported study was funded by RFBR, project number 20–111–50454.

Research area: social structure, institutions and processes.

Citation: Antoshchuk, I.A., Dyachenko, E.L., Ledeneva, V. Iu. (2022). Transnational academic mobility and scientific knowledge production: effects and mechanisms of impact. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 15(5), 679–701. DOI: 10.17516/1997-1370-0789.

Транснациональная академическая мобильность и производство научного знания: эффекты и механизмы влияния

И.А. Антощук^{а,б}, Е.Л. Дьяченко^в, В.Ю. Леденева^г

^аСанкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург

^бУниверситет Амстердама
Амстердам, Нидерланды

^вРоссийская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Российская Федерация, Москва

^гИнститут демографических исследований
ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН)
Российская Федерация, Москва

Аннотация. Доминирует представление, что транснациональная академическая мобильность стимулирует научные изыскания и способствует производству научного знания. Однако какие процессы стоят за этой закономерностью? Каковы механизмы и факторы влияния академической мобильности на производство научного знания? Несмотря на обширную литературу по академической мобильности, исследования по теме разрознены, и эти вопросы остаются без удовлетворительного ответа. Мы вносим вклад в изучение этих вопросов с помощью систематического проблемно-ориентированного обзора англоязычных и русскоязычных публикаций за 1994–2021 гг. на основе баз данных Web of Science и Scopus. Большинство исследований подтверждает позитивный эффект мобильности, возникающий за счет действия трех взаимосвязанных механизмов: научного сотрудничества, освоения/ трансфера знания и интеграции в научное сообщество. Однако этот эффект не возникает автоматически и зависит от ряда факторов, которые обуславливают вариативность последствий академической мобильности. Новизна нашего обзора состоит в выявлении негативных эффектов мобильности наряду с позитивными, в анализе качественных трансформаций знания наряду с количественными и охвате разных видов создаваемого знания, в том числе неявного знания.

Ключевые слова: производство знаний, академическая мобильность, академическая миграция, научное сотрудничество, трансфер знаний, интеграция ученых.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–111–50454.

Научная специальность: 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы.

Введение

В информационной экономике знания становятся ключевой производительной силой, и особое значение приобретает изучение производства знаний и технологий. Наука является одним из основных «поставщиков» новых знаний, поэтому растет интерес к вопросам, как стимулировать эффективность и результативность научных изысканий. Со времен античности до современности «рост научного знания был тесно связан с географическими перемещениями» (Livingstone, 2003:177). В связи с интернационализацией высшего образования академическая мобильность значительно увеличилась (Bilecen, Van Mol, 2017) и стала «систематической, интенсивной, разнообразной и транснациональной» (Kim, 2010: 578). Правительства и университеты развивают программы и инфраструктуру мобильности (Robertson, 2010), т. к. господствует представление, что «международный опыт [...] может способствовать исследовательскому процессу и производству научного знания» (Bauder et al, 2017). Однако за этим обобщением скрываются сложные разнонаправленные процессы. Кроме количественного прироста знания мобильность ведет к его качественным трансформациям: смене тем, методов и подходов, академической культуры. В результате академическая мобильность меняет индивидуальные когнитивные карьеры ученых, национальные системы науки и весь ландшафт знания. Каковы механизмы и факторы влияния мобильности на производство научного знания? Несмотря на обширную литературу по академической мобильности, исследования по этому вопросу разрозненны, вопрос редко проблематизируется и остается без удовлетворительного ответа. Систематизирующие обзоры на эту тему нам неизвестны, за исключением статьи бразильских ученых по академической мобильности и инновациям (Siekierski et al., 2018). Однако в этом обзоре авторы фиксируют само наличие связи мобильности и индикаторов инноваций, не углубляясь в содержание и механизмы их производства.

Мы вносим вклад в изучение характера и результатов, механизмов и факторов воздействия академической мобильности

на создание научного знания с помощью проблемно-ориентированного обзора исследований. Новизна нашего подхода заключается в следующем:

1) оригинальность: впервые обзор посвящен процессам или механизмам, опосредующим воздействие академической мобильности на производство знания. В литературе выделяются несколько основных механизмов, мы обобщим результаты исследований по каждому процессу отдельно и в диалоге друг с другом;

2) комплексность: в противовес преобладающему фокусу на количественных индикаторах (количество публикаций, цитирований и др.) мы включаем в обзор исследования, изучающие качественные показатели производства научного знания (тематика исследований, подходы, парадигмы);

3) сбалансированность: мы охватываем как позитивные последствия мобильности, так и ее неоднозначные и негативные эффекты; мы учитываем критический дискурс, рассматривающий академическую мобильность в рамках неолиберализации высшей школы и усиливающегося неравенства между развитыми и развивающимися странами как центром и периферией производства знания;

4) учет разных типов знания: в отличие от большинства исследований мы не отождествляем научные результаты с публикациями, они являются лишь одной из форм знания. В обзоре будет рассмотрено влияние мобильности на другие формы знания, в т. ч. некодифицированного (неявного, воплощенного и др.).

Таким образом, статья нацелена на выявление воздействия академической мобильности на создаваемое учеными знание. Ее цель – раскрыть механизмы влияния мобильности на производство научного знания, привлечь внимание к «белым пятнам» и скорректировать доминирующий дискурс о мобильности.

Почему наш обзор является важным и актуальным? Во-первых, изучение эффектов пространственной мобильности позволяет лучше понять процесс интернационализации науки в многообразии ее разнонаправленных последствий, насколько транснациональные перемещения способствуют общему про-

грессу науки и выступают механизмом равноценного обмена между странами (или закрепляют иерархию «центр»- «периферия»).

Во-вторых, обзор затрагивает и национальный уровень эффектов международной мобильности ученых, отслеживая ряд вопросов: какие преимущества приносят транснациональные перемещения в национальную науку? Какова роль национального контекста в поддержке мобильности и использовании ее плодов?

В-третьих, на уровне организаций и исследовательских групп отсутствует системная картина преимуществ мобильности сотрудников. Предположительно мобильный ученый имеет больше шансов для новаторства в организации, вносит весомый вклад в ее деятельность и способствует ее интеграции в международное научное сообщество. Однако что говорят существующие исследования? Создает ли мобильность преимущества для исследовательских институтов и коллективов? Какие условия для этого необходимы?

В-четвертых, мы проясняем неоднозначность и противоречивость эффектов мобильности на индивидуальную производительность ученых. Некоторые работы не находят значимых различий между мобильными и немобильными учеными по количеству публикаций (Aksnes et al., 2013). Мобильность может даже вести к снижению публикационной активности в некоторых дисциплинах (Halevi et al., 2016) или сопровождаться снижением темпов производства научного знания при возвращении на родину (Gao, Liu, 2020). При этом формальная результативность – это лишь внешний след внутренних процессов, которые происходят с ученым в связи с переездом. В обзоре мы отслеживаем, в каких условиях транснациональная академическая мобильность приводит не только к росту (или снижению) опубликованных работ, но и к качественным сдвигам в научном мировоззрении и исследовательской практике.

В-пятых, уже более года наука функционирует в условиях глобальной пандемии коронавируса – резко сократилась мобильность ученых, особенно краткосрочные визиты и посещения конференций (Viglione, 2020), снизился объем личных взаимодействий при

возросшей интенсивности удаленной коммуникации (Shelley-Egan, 2020). Наша статья позволяет лучше понять, какое влияние эти изменения способны оказать на производство знания, насколько критична мобильность для «жизнеобеспечения» науки.

Методология

Ключевые понятия

Мы ставили целью охватить российские и зарубежные исследовательские работы, в которых рассматриваются какие-либо аспекты связи транснациональной мобильности ученых с производством знания. Мы используем понятие «транснациональная академическая мобильность» (для краткости в тексте употребляется просто «мобильность») для обозначения любых трансграничных перемещений, связанных с работой ученых с целью научных исследований и преподавания, от краткосрочных выездов на конференции и прочие мероприятия, временной работы или обучения за рубежом до миграции в другую страну. Традиционно академическая мобильность понимается как временное перемещение ученых и студентов в принимающую страну в противовес академической миграции как переезду на постоянное место жительства. Однако развивается понимание академической миграции и мобильности как тесно связанных и трудно различимых процессов (Tremblay, 2005; Hoffman, 2009), где постоянство становится все более иллюзорным и трудно фиксируемым. Мы продолжаем эту линию понимания и рассматриваем краткосрочные и длительные, временные и условно постоянные перемещения ученых через национальные границы как явления одного спектра, объединяя их в понятии «транснациональная академическая мобильность». «Транснациональный» обозначает перемещения между странами, а также указывает на формирование транснационального как культуры и пространства взаимодействия над и вне национальных государств (Kim, 2008).

Используя понятие «производство знания» (knowledge production), мы осознаем, что оно отражает процессы неолиберализации науки и распространение логики академиче-

ского капитализма в системе высшей школы, когда знание становится продуктом, оцениваемым по его количеству, востребованности, приносимой «прибыли». Это обедняет представление о науке как о глубоко творческой и социально укорененной практике, поэтому некоторые ученые предлагают говорить о «создании знания» (knowledge creation – Moir, 2012). В нашей работе мы употребляем «производство знания» и «создание знания» как взаимозаменяемые понятия, чтобы охватить многообразие форм и проявлений научного знания. Нас интересуют как формальные и количественные индикаторы (количество публикаций, цитирований, патентов, коллабораторов и проч.), так и качественные показатели знаниевых процессов (смена научной картины мира, исследовательских интересов, идентичности и проч.).

Процедура отбора

Мы ставили целью выявить публикации в изданиях, наиболее «видимых» зарубежным и российским исследователям, поэтому производили поиск в авторитетных академических базах данных Web of Science (WoS) и Scopus. Использовали следующий запрос (поиск по названиям, аннотациям, ключевым словам публикаций): «research mobil*» OR «scientific mobil*» OR «academic mobil*» OR «mobile researcher» OR «research migration» OR «scientific migration» OR «academic migration»¹. В результате было найдено 856 документов в базе Web of Science и 936 документов в базе Scopus, частично пересекающихся. Объединенный массив составил 1304 наименования, в который попали как релевантные, так и нерелевантные публикации.

На основании названий, аннотаций и полных текстов публикаций мы определяли релевантные работы для дальнейшего анализа, опираясь на следующие критерии:

1. Исследование рассматривает влияние мобильности ученых на любые аспекты производства знания.

2. Исследование основано на анализе эмпирического материала.

3. Исследование написано на английском или русском языке.

4. Без ограничений по формату текста (монография, статья, доклад на конференции) и году публикации.

Таким образом, в обзор не вошли публикации по различным аспектам академической мобильности, не относящимся к вопросам производства научного знания, включая мотивацию и принятие решений, проживание опыта миграции, особенности адаптации и построения карьеры в принимающей стране и т. д. По этой логике за рамками обзора осталось большинство работ, посвященных мобильности студентов. Хотя студенты все чаще рассматриваются как участники процесса циркуляции и создания знания (Madge et al., 2015), в нашей выборке лишь немногие публикации обсуждают практики и результаты их исследовательской работы. Были исключены теоретические работы или другие обзоры (Netz et al., 2020; Gureyev et al., 2020 и др. – при этом мы учитывали их в постановке проблемы), а также исследования на испанском, португальском и других языках.

В результате отбора было отсеяно большинство публикаций, не имеющих отношения к академической мобильности (705), также мы исключили нерелевантные работы по академической мобильности (458). Полученный массив англоязычных и русскоязычных публикаций 1994–2021 гг. (141 наименование) составил основу для последующего анализа, который проходил в несколько этапов: 1) кодирование аннотаций и полных текстов публикаций по основному механизму влияния мобильности на производство знания; 2) составление таблицы публикаций по каждому основному механизму с занесением основной информации (аннотация, методы, основные результаты); 3) составление электронного конспекта публикаций и кодирование выделенных фрагментов; 4) группировка кодов, обобщение и описание результатов исследований по выделенным механизмам влияния.

В итоге мы выделили три основных взаимосвязанных и пересекающихся механизма: налаживание профессиональных связей и установление отношений научного

¹ Мы использовали набор ключевых слов, применяемых для отбора работ о мобильности ученых в обзоре (Gureyev et al., 2020).

сотрудничества (далее для краткости научное сотрудничество – 62 работы), приобретение или трансфер знаний (трансфер знаний – 43 работы), интеграция в научное сообщество (интеграция – 50 работ). Также мы обнаружили работы, которые исследуют связь между академической мобильностью и производством знания в целом или отдельные опосредующие эффекты (19 работ). Так, наиболее часто упоминается изменение научного видения и способов мышления, сомнение в своих прежних убеждениях, трансформация эпистемологических установок, профессиональной идентичности в результате обучения или работы за рубежом (Munoz-Garcia, Chiappa, 2017; Kim, 2017; Rapple, 2020; Manzon 2020). Ввиду большого объема статей и ограниченности текста мы сосредоточили свое внимание на основных механизмах, опустив анализ дополнительных механизмов как неключевых и частично обусловленных основными. В следующем разделе мы анализируем публикации по каждому механизму отдельно и во взаимосвязи.

Результаты

Академическая мобильность и научное сотрудничество

В последние десятилетия отмечается повсеместное повышение роли научного сотрудничества, в том числе международного, в процессе производства знания (Sonnenwald, 2007). Научные разработки становятся все более коллективным делом и «командной работой» (Posner, 2003: 54) – неуклонно растет количество публикаций, созданных в соавторстве, их доля в общем количестве публикаций, количество соавторов у каждого ученого, также увеличивается число соавторов на одну работу, причем это общая тенденция, которая проявляется в разных дисциплинах, от математики (Grossman, 2002) и компьютерных наук (Franceschet, 2011) до социальных наук (Henriksen, 2016; Victor et al., 2017). Наблюдается также рост, расширение и повышение значимости международного сотрудничества (Luukkonen et al., 1992; Wagner, Leydesdorff, 2005). Международное сотрудничество видится важнейшей движущей силой передовых научных открытий (Adams, Loach,

2015) и перестройки глобального ландшафта научного знания (Adams, 2012). Публикации, написанные в международном соавторстве, чаще цитируются по сравнению с другими совместными работами (Narin et al., 1991; Glänzel, Schubert, 2001; Persson et al., 2004), т. е. отличаются большей видимостью в научном сообществе и влиянием на производимое знание.

Параллельно отмечается рост транснациональной академической мобильности (Bilecen, Van Mol, 2017). Сформировалось представление, что перемещения ученых между странами желательны и полезны именно потому, что они способствуют установлению новых профессиональных контактов и отношений научного сотрудничества. Это представление настолько устойчиво, что некоторые работы воспринимают его очевидным, само собой разумеющимся, и академическая мобильность приравнивается к развитию сети сотрудничества (Civera et al., 2020). Однако результаты существующих исследований противоречивы и многозначны, они говорят о том, что связь между академической мобильностью и производством знания нелинейная, не возникает автоматически, но сложно устроена и опосредована различными факторами. Также следует отметить, что транснациональная мобильность выступает лишь одним из механизмов развития и поддержания научных контактов; существуют другие пути их культивации, например, не выезжающий за рубеж молодой ученый может получить доступ к транснациональным академическим сетям через мобильных коллег более высокого статуса (Schaer et al., 2021).

Во-первых, выделяются несколько видов мобильности, которые имеют свои особенности влияния на производство знания: краткосрочная мобильность (посещение конференций, семинаров, проектные встречи и др.), как правило, противопоставляется долгосрочной (обучение на программе PhD, постдокторантура и др.), возвратная миграция и ученые, возвратившиеся в свою страну после обучения и/или работы за рубежом, противопоставляются эмиграции на (условно) постоянное место жительства и ученым-

мигрантам, проживающим в другой стране, научной диаспоре.

Во-вторых, научное знание и его проявления разнородны: выделяется кодифицируемое, явное и частично артикулируемое, некодифицированное или неявное знание (Collins, 1974; Aman, 2018). Часто исследования фокусируются на публикациях как на конкретном, материальном, доступном для анализа воплощении научного знания. Патенты выступают удобным объектом для изучения по тем же причинам. Сложнее обстоит дело с другими формами научного знания, которые менее кодифицируемы и трудно фиксируемы, например, внутренняя трансформация ученых как «производителей знания», включая освоение новых методов и теорий, изменение научного мировоззрения и переход к другой эпистемологической парадигме. Следует отметить, что многие аспекты влияния мобильности на научное знание в принципе невозможно отследить и проанализировать, например, эффект неформальной беседы мобильного выпускника вуза со студентами (Leung, 2011). Мы осознаем, что любые исследования будут неполными, но основываемся на допущении, что они обнаруживают и характеризуют наиболее распространенные и важные закономерности.

В-третьих, научное сотрудничество включает в себя различные формы взаимодействий и отношений, которые в разной степени могут быть подвергнуты фиксации и анализу. Соавторство и совместные публикации используются как наиболее достоверный и доступный для анализа индикатор состоявшегося сотрудничества (Glänzel, Schubert, 2004), хотя известно, что взаимодействия между учеными в течение исследовательского процесса не всегда отображаются в соавторстве (Katz, Martin, 1997; Laudel, 2002). Совместные проекты и мероприятия (конференции, семинары), субавторство (раздел «Благодарности»), совместное руководство студентами, просьба о рецензировании, обращение за консультацией редко становятся объектами внимания как форма взаимодействия ученых, и влияние этой деятельности на производство знания остается недостаточно изученным на данный момент.

В-четвертых, исследования обсуждают ряд факторов и условий, которые опосредуют влияние академической мобильности: от глобальной системы неравенства между странами, национальных систем регуляции транснациональных перемещений до климата в принимающей организации и индивидуальных атрибутов ученых. Эти факторы образуют конstellации, которые не только влияют на величину и направление потоков мобильности, но во многом определяют возможности развития научного сотрудничества, а также воздействуют на количественные и качественные характеристики формирующихся профессиональных сетей.

Таким образом, механизм «научное сотрудничество» имеет особую внутреннюю структуру и функционирует по-разному в зависимости от ряда факторов.

Положительное влияние

Большинство работ обнаруживает положительный эффект: академическая мобильность способствует формированию транснациональных профессиональных контактов и стимулирует установление, поддержание и развитие научного сотрудничества. Этот эффект проявляется в публикационной и другой научной активности, прослеживается в нарративах, мнениях и опыте ученых. Так, мобильные ученые публикуют больше статей в международном соавторстве и имеют более обширные сети международных коллабораций, чем немобильные исследователи (Fontes et al., 2013; Rostan, Höhle, 2014; Franzoni et al., 2015; Zdrakovic et al., 2016; Kato, Ando, 2017; Paraskevopoulos et al., 2020). Ученые, возвратившиеся в свою страну после обучения на программе получения степени PhD или работы в другой стране, поддерживают тесные связи с научными руководителями и коллегами в бывшей стране пребывания, продолжая сотрудничество и публикуя совместные работы (Jonkers, 2010; Jonkers, Cruz-Castro, 2013; Horta et al., 2013; Cao et al., 2020; Martinez, Sá, 2020; Lei, Guo, 2020; Guo, Lei, 2020). Отдельные стипендиальные программы – Humboldt Foundation fellowship (Jöns, 2007; Chepurensko, 2015; Jöns et al., 2015), Marie Curie fellowship (Ackers, 2005),

China Scholarship Council fellowship (Shen, 2018; Fang et al., 2019) – показали, что они эффективно стимулируют развитие связей сотрудничества исследователей с коллегами принимающей организации и принимающей страны. В ряде случаев образуются устойчивые контакты между отдельными учеными и университетами, которые стимулируют постоянную циркуляцию (mobility chains) исследователей, особенно молодых, между странами (Leung, 2011; Cherpurenko, 2015). Хотя результативность и устойчивость установившихся связей неодинакова для индивидуальных ученых и целых дисциплин в зависимости от различных факторов (Jöns, 2007; Jöns et al., 2015), в целом ученые ценят международный опыт для общения с другими исследователями, расширение сети своих контактов и включение в научные сети (Guo, Liu, 2020; Han, 2021; Nevra Seggie, Calikoglu, 2021), рассматривая это как форму капитала, обеспечивающего доступ к важным ресурсам (Paul, 2018).

Почему возникает положительный эффект? Мобильность обеспечивает возможность непосредственного личного взаимодействия в условиях физического соприсутствия, которое остается «фундаментальным и исключительно важным» для установления связей и поддержания взаимоотношений между учеными (Higham et al., 2019: 621). Взаимодействие лицом к лицу (face-to-face) в режиме интенсивного соприсутствия (thick co-presence – Urqu, 2002), когда ученые могут наблюдать и делиться невербальными сигналами, эмоциями друг с другом, открывает возможности для построения доверия и взаимопонимания, создания общих смыслов, формирования чувства общности (Storme et al., 2017)². Такой режим личного общения обеспечивается только физическим (телесным) перемещением в пространстве (corporeal mobility), его невозможно полностью заменить виртуальной или другими формами дистанционной коммуникации (Ibid, Aceituno-Aceituno et al., 2019). При этом различные средства дистанционной связи

(от электронной почты до социальных сетей и мессенджеров) позволяют поддерживать транснациональные научные контакты, которые уже сложились в результате длительного взаимодействия в режиме соприсутствия (Lei, Guo, 2020).

Как академическая мобильность влияет на знание, стимулируя научное сотрудничество? Во-первых, она повышает количественные показатели исследовательского труда – результативность научной работы и видимость производимого знания. Так, доказано «выраженное позитивное воздействие» международного опыта на публикационную активность ученых-ботаников, вернувшихся работать в Китай, в зависимости от их «вовлеченности в международные сети коллабораций» (Jonkers, Tijssen, 2008: 329). Взаимосвязь между транснациональным сотрудничеством и продуктивностью также обнаружена в исследовании мобильных ученых нескольких университетов Африки (Zdravkovic et al., 2016) и научных стажировок аспирантов из Китая (Shen, 2018). Возвратные ученые-мигранты используют связи, сформированные во время обучения или работы в другой стране, для поддержания продуктивности, когда сотрудничество с соотечественниками проблематично (Chen, 2015). Ученые-мигранты, работающие в Сингапуре, обращаются к коллегам в стране происхождения, чтобы найти аспирантов и постдоков для исследовательских проектов и таким образом достичь необходимого уровня продуктивности (Ortiga et al., 2020). Рост размера и разнообразия международной сети соавторов приносит мобильным исследователям «дивиденды» в виде увеличения цитируемости (Petersen, 2018; Cao et al., 2020), т. е. создаваемое ими знание более видимо, значимо и признаваемо в научном сообществе.

Во-вторых, расширение, налаживание контактов и сотрудничества ученых в результате академической мобильности приводит к качественным изменениям ландшафта знания. На индивидуальном уровне оно запускает интеллектуальную трансформацию внутреннего мира ученого, его профессиональной позиции и научного мировоззрения. Взаимодействие с коллегами за рубежом

² Об особенностях микросоциальной динамики взаимодействий и ее эффектах смотрите работу Collins, R. (2014). *Interaction ritual chains*. Princeton university press.

позволяет мобильным ученым по-другому взглянуть на свои аргументы и убеждения (Carlson, Martin-Rovet, 1995), освоить «новые способы мыслить» и познавать (Munoz-Garcia, Chiappa, 2017: 641), видеть научные задачи в глобальном масштабе (Leung, 2013; Holtz, 2014), совместный исследовательский опыт провоцирует «парадигмальные сдвиги» в научном видении (Lohan et al., 2017: 326). На национальном уровне эти процессы могут приводить к развитию новых теоретических направлений (случай марксизма в Латинской Америке – Holtz, 2014) и даже к формированию новых дисциплин, когда внедрение новой системы знания кардинально преобразует национальную науку (случай социально-экономической географии в Китае (1910–1940 гг.), затем ликвидированной при установлении социалистической доктрины (Zhang, 2020)). Научное сообщество также перестраивается в результате транснационального взаимодействия мобильных и немобильных ученых – формируются «транснациональные сообщества практик», объединенные общим набором (*communal repertoire*) теоретических ориентаций, методологических решений и культурных установок (Guo, Lei, 2020). Другие исследования говорят о транснациональных «мыслительных коллективах»³ – так, в результате академического обмена между Кубой и Восточной Германией в 1960–1990-е гг. возникла неформальная сеть ученых-марксистов, придерживающихся общих теоретических и методологических установок и опирающихся на работы друг друга (Holtz, 2014: 470). На глобальном уровне академическая мобильность, как правило, вносит вклад в поддержание эпистемологического превосходства развитых стран Америки и Европы и способствует укреплению их доминирующей позиции как центров производства знания (Ortiga et al., 2018; Hoang, Turner, 2020).

Негативное воздействие

Весомая часть работ (около трети) выявляет не только положительное, но и отрицательное воздействие мобильности на научное

сотрудничество. Во-первых, она приводит к разрыву и утрате социальных связей. Хотя в целом наблюдается рост сети коллабораций, большая часть связей с прошлого места учебы или работы не сохраняется при переезде: лишь около трети старых связей переносится в новую сеть (Paraskevopoulos et al., 2020). Практика прерывания старых связей была обнаружена также в исследовании мобильных физиков и получила название «механизм дезинтеграции», который помогает освободиться от старых, возможно, непродуктивных коллабораций для поиска новых контактов и исследовательских полей (Peterson, 2018: 8). Разрыв отношений, потеря или ослабление связей на родине – одна из наиболее часто встречающихся проблем для возвратных академических мигрантов (Chen, 2015; Leung, 2013; Gao, Liu, 2020). Возвратные мигранты также сталкиваются с трудностями возобновления контактов и включения в научное сообщество (Chen, 2015; Guo, Lei, 2020; Gao, Liu, 2020). Кроме того, мобильные ученые часто утрачивают семейные и дружеские связи при переезде, компенсируя эту нехватку близкими доверительными квазиродственными отношениями (*fictive kinship*) на работе (Pettersson, 2016). Во-вторых, опыт взаимодействия в принимающей стране может быть неуспешным и непродуктивным, когда между сторонами возникают конфликты, несовпадение ожиданий, нарушение профессиональных стандартов. Так, конфликты между аспирантами и их руководителями в принимающей организации из-за авторства статей, обращения с данными, неуважительного и потребительского отношения к аспирантам подрывают научное сотрудничество (Cantwell et al., 2018; Shen, 2018; Wang, Chen, 2020). Негативный опыт постдокторантов связан с отсутствующим или недружелюбным руководителем, конфликтами между лидерами проекта, бесперспективным исследованием (Paul, 2018). В-третьих, академическая мобильность бывает неэффективной для выстраивания новых профессиональных связей и отношений научного сотрудничества по неопределенным причинам. Так, мобильность молодых европейских ученых

³ Термин уходит корнями в работу Л. Флека «Возникновение и развитие научного факта» (1935).

не всегда сопровождается ростом академического социального капитала (Schaer et al., 2021). Мобильность признанных исследователей также может не приводить к развитию связей сотрудничества: так, иностранные ученые, приглашенные в РФ, публикуют незначительное число работ с российскими коллегами или не сотрудничают с ними вообще (Kosyakov, Guskov, 2019). В то же время большая часть представителей российской научной диаспоры поддерживает тесные контакты с соотечественниками (Malakhov, Erkina, 2020).

Другое влияние мобильности

Небольшая часть публикаций (3) освещает другие варианты связи между мобильностью и сотрудничеством. Так, иногда мобильность автоматически подразумевает наращивание профессиональных связей, таким образом становясь практически неотделимой от научного сотрудничества (Civera et al., 2020). В других работах мобильность и сотрудничество рассматриваются как достаточно независимые феномены, которые отличаются по своим характеристикам и закономерностям. Так, сети международных коллабораций охватывают в три раза больше стран, чем сети академической мобильности, последние характеризуются большей плотностью (Chinchilla-Rodríguez et al., 2017). Также, коллаборации могут поддерживаться и развиваться несмотря на невозможность мобильности по политическим причинам – случай США и запрета на въезд для граждан некоторых мусульманских стран (Chinchilla-Rodríguez et al., 2018).

Факторы

Влияние академической мобильности на научное сотрудничество и производство знания различается по степени выраженности и интенсивности в зависимости от ряда факторов. Длительность пребывания в стране назначения имеет ключевое значение. Именно долгосрочная мобильность⁴ позволяет

ученым создать устойчивые, длительные и значимые сети научных контактов (Fontes et al., 2013; Zdravkovich et al., 2016; Gao, Liu, 2020). Короткие визиты за границу скорее формируют «культуру мобильности», развивают навыки коммуникации, сотрудничества, способствуют открытости и интересу к получению международного опыта (Llera et al., 2017: 355). Однако они редко позволяют сформировать долгосрочные отношения, такие профессиональные связи быстро ослабевают (Gao, Liu, 2020). Существуют отличия между эмиграцией и возвратной миграцией: ученые-мигранты (foreign-born) более вовлечены в международное сотрудничество, чем возвратные мигранты (returnees), их сети международных контактов крупнее (Franzoni et al., 2015). Однако для отдельных регионов международные сети сотрудничества мигрантов и возвратных мигрантов примерно могут быть сопоставимыми (Gibson, McKenzie, 2014).

На индивидуальном уровне эффекты академической мобильности зависят от этнической принадлежности, гендера, академической позиции. На данных обширного опроса GlobSci было показано, что мобильные ученые предпочитают сотрудничать со своими соотечественниками в родной стране или другой стране назначения (Franzoni et al., 2015). Общая этническая и культурная принадлежность, профессиональная социализация способствуют установлению отношений сотрудничества, так как позволяют легче достичь взаимопонимания и доверия (Chen, Koyama, 2013; Lei, Guo, 2020; Guo, Lei, 2020)⁵, хотя за диаспоральными контактами стоят и прагматические интересы – доступ к ресурсам, выгоды для карьеры и т. д. (Chen, Koyama, 2013; Antoshchuk, Ledeneva, 2019 и проч.). Мобильные женщины меньше вовлекаются в международное сотрудниче-

Gayardon, A., & Rudt, Y. (2016). The long-term mobility of international faculty: A literature review. *International Faculty in Higher Education*, 25–41.

⁵ Подробнее о роли и значении этнических (диаспоральных) контактов в академии смотрите работу одного из авторов этого текста: Antoshchuk, I. (2018). The notion of diaspora knowledge network revisited: Highly skilled migrants forming a new invisible college. *Centre for German and European Studies (CGES) Working Paper WP 2018, 10*.

⁴ Долгосрочная академическая мобильность определяется по-разному, в основном от года за границей страны происхождения. Дискуссию о понимании и роли долгосрочной мобильности ученых смотрите в работе: Mihut, G., de

ство, чем мужчины (Rostan, Höhle, 2014; Jöns, 2017). Ученые, работающие в университетах и занимающие более высокие позиции, больше коллаборируют с коллегами за рубежом (Rostan, Höhle, 2014). Аспиранты и постдокторанты отличаются своими стратегиями выстраивания сотрудничества (Wang, Shen, 2020). Если ученый уже имел опыт общения с коллегами в другой стране до эпизода мобильности, это намного повышает шансы на установление долгосрочного и плодотворного сотрудничества (Yang, Welch, 2011; Liu et al., 2021).

На организационном уровне сотрудничеству препятствует недружественный климат и недостаток административной поддержки мобильных ученых (Nevra Seggie, Calikoglu, 2021). Напротив, грамотное руководство, постановка общих целей, создание малых групп помогают выстраивать продуктивное взаимодействие (Lohan et al., 2017). Организационная культура, внутренние формальные и неформальные правила оказывают влияние на стратегии сотрудничества, которые выстраивают мобильные ученые (Chen, Li, 2019; Ortiga et al., 2020). Например, акцент на продуктивности стимулирует ученых-мигрантов мобилизовать транснациональные связи в стране происхождения (Ortiga et al., 2020).

На национальном уровне возможности академической мобильности и развития сотрудничества зависят от политических приоритетов, миграционной политики и визовых правил, специальных грантовых программ и других финансовых возможностей, поддерживающих мобильность (Orazbayev, 2017; Nagornaia, 2018; Leung, 2011; Jöns et al., 2015; Fang et al., 2019)⁶. Национальный контекст во многом определяет, насколько эффективно будут использованы транснациональные контакты и возможности научного сотрудничества, установленного во время визита/обучения/ работы за рубежом (Zhang, 2020; Gao, Liu, 2020).

⁶ Подробное исследование роли государственной политики и программ в стране отправления и назначения в создании китайской научной диаспоры: Leung, M. W. (2015). Engaging a temporal-spatial stretch: An inquiry into the role of the state in cultivating and claiming the Chinese knowledge diaspora. *Geoforum*, 59, 187–196.

Академическая мобильность и освоение / трансфер знаний

Виды знания, мобильность и взаимодействие

Важнейшей функцией академической мобильности является то, что она дает ученым возможность общаться с другими исследователями не опосредованно, через публикации, а лично в режиме соприсутствия. Воздействие мобильности на трансфер знаний связано в основном с возможностями для непосредственного взаимодействия ученых между собой, т. е. механизм «трансфер знания» тесно сцеплен с механизмом «сотрудничество». Дискуссия о роли личного общения и взаимодействия ученых связана с вопросом о формах научного знания и механизмах его распространения. Еще полвека назад социолог Гарри Коллинз писал о том, что изучение научных сообществ и производства знания невозможно на основе анализа одних лишь публикаций, поскольку в них кодифицирована только часть знания (Collins, 1974). Развивая понятие Майкла Поланьи «неявное знание», Коллинз показывает, что часть необходимой информации ученые получают только в непосредственном взаимодействии или наблюдая, как работает оборудование или устроен эксперимент (Collins, 1974; Collins, 2001).

Йохан Глейзер предлагает следующую классификацию: знание, распространяемое через публикации; знание, распространяемое через неформальную коммуникацию; неявное (неартикулируемое) знание (Aman, 2018). Подразумевается, что некоторые знания в принципе кодифицируемы, но обычно не оформляются в публикации и передаются неформально, например, результаты неудачных экспериментов или неподтвержденные гипотезы (Agrawal et al., 2006). Есть и другие классификации типов научного знания на основе его кодифицируемости или артикулируемости, все они рассматривают знание не как абстрактно-однородные «пакеты с информацией», а как информацию, существующую в разных формах и по-разному встроенную в социальный контекст (Coe, 2018; Aman, 2020).

Знание также характеризуется географичностью или локализацией: оно распределено в пространстве неравномерно, его появление локально, его циркуляция имеет определенные маршруты (Jöns, 2007; Agrawal et al., 2006; Breschi, Lissoni, 2009). Мобильность ученых помогает преодолевать расстояния, обеспечивает движение знания в новые локации и способствует появлению инноваций (Coeu, 2018; Kim, 2010; Breschi, Lissoni 2009). Ключевую роль играет взаимодействие ученого с коллегами, отличающимися в плане знаниевой базы (связь с механизмом «сотрудничество»), в условиях физического соприсутствия, когда есть шанс содержательного общения с новыми людьми. Кроме того, мобильные ученые могут не только сами порождать инновации, но и увеличивать вероятность инноваций принимающей и отправляющей их сторон, так как они могут передавать знания в разных направлениях. Этот процесс называется переносом или трансфером знаний, а для роли мобильных ученых иногда используется метафора «брокеров», так как они выступают посредниками, соединяющими ранее разрозненное знание. Таким образом, на смену концепции мобильности ученых как перемещения некоторых неизменных единиц производящей интеллектуальной силы пришла концепция трансформирующей мобильности – мобильности, меняющей ученых как производителей (Coeu, 2018; Kim, 2010; Kim, 2017; Le Na, Mohamad, 2020). Международная мобильность может увеличивать инновационный потенциал самого переезжающего ученого или превращать его в «брокера», переносащего знания. Подчеркнем, что эти роли различны, о каждой из них выдвигаются свои научные гипотезы и используются свои методы изучения.

«Знаниевые эффекты» мобильности

Выделяется три вида «знаниевых эффектов» мобильности – освоение мобильными учеными нового кодифицируемого знания, освоение неартикулированных практик и способов работы и появление новой космополитичной профессиональной идентичности (Coeu, 2018). Все три вида эффектов обнаруживаются в реальном опыте мобильных ученых, хотя

сочетание этих эффектов индивидуально для каждого. Роль мобильности в приобретении кодифицированного знания в до-цифровое время была очевидно значительна, но даже и сейчас она не исчезла. Мобильные ученые не только получают доступ к локальным источникам, таким как неоцифрованные архивные документы. Мобильность может сокращать путь к знанию, релевантному для конкретного ученого, даже если оно доступно в онлайн всем, ведь чтобы прочитать нужную работу, надо от кого-то узнать, что именно эта работа полезна. Если говорить о социогуманитарных ученых, изучающих культуру и общество, мобильность дает неоценимую возможность погружения в другую языковую среду и в другой жизненный мир (Heffernan, Jöns 2013). «Гуманитарии» исторически одними из первых стали пользоваться этой возможностью, но со временем смыслы в мобильности стали находить и представители других областей, причем для каждой области они были свои (Heffernan, Jöns 2013).

Что касается освоения неявного знания, это необязательно прикладные инструментальные ноу-хау. Мобильность может способствовать развитию у ученых сравнительной оптики, которая становится их базовой компетенцией (Chen, 2017; Coeu, 2018). Мобильные ученые получают возможность видеть своими глазами, как проводятся исследования в разных ресурсных условиях, при разной организации социальных взаимодействий в командах, в условиях разных эпистемических установок, в рамках разных систем стимулов (Davies, 2020). Возможность почувствовать разные способы работы приводит их к более рефлексивному взгляду на себя, на свою работу в глобальном контексте. В одном из немногих исследований российских авторов о связи мобильности и трансфера знаний на историческом материале рассматривается, как в XIX веке происходил перенос образовательных концепций и элементов профессиональной культуры ученых из Германии в США, который привел к реформированию американского высшего образования, способов производства знания и способов «производства» ученых (Zemliakova, 2019). В частности, описан перенос практики, в рамках

которой ученые сами ставят задачи научного поиска, а не только делают исследования, ориентируясь на внешний запрос.

Ученый, получивший опыт работы в разных средах, может приобретать транснациональную/космополитичную идентичность. Некоторые исследователи находят подкрепление существованию этой особой идентичности мобильных ученых в данных интервью и даже могут выделять ее в особую форму знания (Chen, 2017; Coey, 2018; Kim, 2010; Kim, 2017; Kirpitchenko, 2011; Torres-Olave, Lee, 2020). Это знание индивидуально, невоспроизводимо – фактически, это личные психосоциальные компетенции, которые позволяют ученому легко взаимодействовать с инаковостью («engage with otherness»), стоять на позиции критической отстраненности по отношению к любому контексту, видеть в новом знании и задачах потенциал инноваций.

Трансфер знаний – количественные исследования

Одна из немногих попыток зарегистрировать объективными методами изменение знаниевой базы ученых в связи с их перемещениями предпринята в работе В. Аман (Aman, 2018). Автор предлагает метод на основе анализа данных о научных публикациях, а именно используемых в них ссылках и терминах. В качестве характеристик знаниевой базы ученого применяются: 1) лексический профиль – вектор, рассчитанный на данных о терминах в аннотациях публикаций; 2) профиль использованной литературы – вектор, рассчитанный на данных о цитируемых источниках. Проанализировав данные о публикациях выборки немецких исследователей, автор установила, что знаниевая база в среднем растет как у ученых с опытом международной мобильности, так и без него, но мобильность сопровождается более выраженным ростом. Также была обнаружена тенденция сближения знаниевой базы мобильных и немобильных ученых с базами их соавторов (Aman, 2018). При этом в группе мобильных ученых конвергенция с соавторами из принимающей страны заметно увеличивается после опыта мобильности в эту

страну. Если принять сближение знаниевой базы соавторов за свидетельство трансфера знаний, результаты показывают положительное влияние мобильности на трансфер. В более позднем исследовании этот же автор развивает предложенные методы, показывая, как анализ цитируемой литературы и терминов, используемых в публикациях, может быть задействован уже не в косвенной, а в прямой детекции трансфера знаний, в том числе некодифицируемых (Aman, 2020). А именно, в массивах публикаций предлагается регистрировать редко цитируемые работы и редко используемые термины и, отслеживая их миграцию по сетям соавторства, фиксировать трансфер знаний. Используя этот метод, автор измеряет интенсивность трансфера между соавторами научных публикаций, сравнивает разные научные области, а также демонстрирует, насколько мобильность ученых увеличивает интенсивность трансфера. Хотя этот метод также позволяет фиксировать лишь часть передаваемого знания, эта методологическая линия представляется нам перспективной.

Другой метод исследования движения знания в связи с перемещениями ученых основан на учете цитирований. Он также позволяет регистрировать только «надводную» часть айсберга – кодифицированное знание. Известное исследование (данные патентов) показало, что после переезда новые патенты ученого цитируют в его прежнем регионе проживания на 50 % чаще, чем если бы он там никогда не работал (Agrawal et al., 2006). В основном эта «премия» обеспечена цитированиями от авторов, ранее работавших в одной организации с мобильным ученым. Результат доказывает существование обратного потока знания от мобильного ученого и, возможно, указывает на работу механизма «сотрудничество», когда благодаря длительному взаимодействию между учеными сформировались устойчивые связи, продолжающие работать на трансфер знания, даже когда коллеги перестали существовать в режиме соприсутствия.

Об освоении знаний мобильными учеными говорят также результаты опросов. Так, опрос шведских ученых, работавших

на постдок-позиции за границей, показал, что в среднем они на 4.3 балла из 5 согласны, что этот опыт значительно повысил их знания, на 3.6 из 5 – что они приобрели «невные знания» (tacit knowledge), на 3.7 – что они распространяют это полученное знание по возвращении в Швецию (Melin, 2005). Среди прочего на основе данных опроса автор выдвигает гипотезу о том, что ученые-женщины сталкиваются с большими трудностями, связанными с трансфером полученных знаний, чем мужчины.

Что касается исследований, сфокусированных на роли мобильных ученых в трансфере знаний, то многих авторов интересуют механизмы трансфера. Исследование «звездных» ученых показывает, что многие из них переезжали, мигрируя ближе к центрам научного мира (Tripple, 2013). При этом большинство из них взаимодействуют не только с коллегами на новом месте, но и поддерживают связи с прежними коллегами, хотя бы время от времени. Опрос ученых о формах этого взаимодействия позволяет понять, в какие форматы трансфера знаний они вовлечены реже или чаще. Например, в создание совместных публикаций с коллегами на прежнем месте регулярно вовлечены около 20 % ученых, более «легкие» формы – участие в мероприятиях, визитах – распространены чаще. В исследовании эффектов мобильности ученых, работающих в Японии (Norta, Yonezawa 2013), анализируются опросные данные, где зависимыми переменными выступают публикационная продуктивность ученых и их вовлечение в коммуникацию с коллегами из других организаций, местных и зарубежных. Одним из интересных результатов является разная форма зависимости между количеством перемен мест работы и интенсивностью коммуникации с коллегами из других организаций.

Факторы и барьеры

В литературе обсуждаются барьеры, препятствующие мобильным ученым и, в частности, возвратным мигрантам становиться «посредниками», передающими знание между кластерами научного сообщества. Готовности вернувшегося ученого делиться знани-

ями с коллегами на родине недостаточно, важным фактором является поглощающая способность принимающей среды (absorptive capacity). Некоторые возвращающиеся ученые находят на родине такую воспринимающую среду и, взаимодействуя с ней, могут чувствовать себя «агентами изменений» (Chen, 2017). Другие ученые не находят точек соприкосновения со средой, испытывают сложности в установлении контактов с местными коллегами, в результате могут испытывать разочарование и изоляцию (Chen, 2015; Le Ha, Mohamad, 2020; Chen, Li, 2019; Guo, Lei, 2020). Несколько парадоксально, но сама мобильность, предоставляя ученым возможность получить новые знания, может уменьшать стимулы передавать это знание коллегам на родине. Исследование ученых из азиатских стран, получивших PhD в западных странах и приехавших работать в Сингапур, показало, что многие из них готовы сотрудничать с учеными из родных стран в образовательных проектах, но не в исследовательских (Ortiga et al., 2018). Отчасти это вызвано эпистемологическими различиями – по словам мобильных ученых, их коллеги на родине привержены проблемно-ориентированным исследованиям, а теоретический вклад в развитие науки их интересует меньше. Сами же мобильные ученые в большей мере ориентируются на глобальную науку, на то, чтобы внести вклад в продвижение области в целом, а не в решение проблем конкретного региона. Другие исследования также обнаруживают эпистемологические различия между возвратными мигрантами и немобильными учеными, которые препятствуют продуктивному взаимодействию и передаче знаний (Munoz-Garcia, Chiappa 2017; Guo, Lei, 2020). К числу важных ограничений, которые мешают реализовать потенциал вернувшимся на родину ученым, авторы относят консерватизм академической среды, традиции инбридинга, инструментальный подход к науке и неолиберальную логику академии.

На историческом материале исследования барьеров трансфера знаний проводятся, например, о советской или китайской науке (Гришина, 2018; Zhang, 2020). Так, социально-экономическая география в Китае в начале 20

века активно развивалась при лидирующей роли китайских ученых, получивших западное образование. Однако вместо трансфера знаний на родину и расцвета инноваций скорее можно говорить о соперничестве «локальной» и «западной» школ, завершившемся разгромом последней во время культурной революции (Zhang, 2020). Было бы упрощением думать, что эти сюжеты не имеют отношения к сегодняшнему дню или касаются только стран с ультраконсервативной идеологией. В любой стране наука существует в институциональных рамках, законодательных и культурных, то есть ученые ограничены в выборе исследовательских вопросов и методов, в трактовке результатов. Мобильные ученые, вероятно, должны особенно явственно ощущать эти локальные рамки, ограничивающие их познавательные интересы.

Иногда трудности транснационального переноса и применения знаний мобильными учеными обсуждаются через другие понятия, а не через оценочную призму барьеров. В работе, описывающей траекторию исследователя ислама, получившего степень в Великобритании и вернувшегося работать на родину в Бруней, процесс реадaptации описывается через категорию «отлучения», «выключения» части полученных за границей знаний (Le Na, Mohamad, 2020). Работа в консервативной стране с артикулированной религиозно определяемой идеологией входит в противоречие с парадигмой, усвоенной в европейской стране, предполагающей, в частности, отстраненность гуманитарного исследователя от изучаемого объекта. Позитивный дискурс об инновациях, возникающих на пересечении «старого» и «нового» знаний, в описанном случае уступает место теме кризиса идентичности и стратегий выживания в профессии. В целом, можно заключить, что необходимо больше исследований о противоречиях международного академического опыта ученых и локальной культуры, религии и идеологии.

Эпистемологическое доминирование

Озабоченность и вопросы в литературе вызывает современная гегемония англо-американской или американо-европейской науки (Jöns, 2018; Bauder, 2018). Авторы ис-

следований в постколониальной критической традиции говорят о мобильных ученых как о посредниках-«брокерах», глубоко встроенных в иерархичный ландшафт знания. Ученые говорят о рисках образования «центров экспертизы» в тех или иных областях, задающих стандарты для выбора исследовательских вопросов, методов, форм представления результатов (Carlson, Martin-Rovet, 1995). В парадигме критической традиции важно понять, насколько мобильность способствует разнообразию знания и подходов к его производству или, наоборот, усиливает конвергенцию. В какой мере, например, мобильность ученых разных стран в Европу или США приводит к соединению локального и американо-европейского знания, а в какой – к замещению одного на другое? Исследования молодых ученых-аспирантов и постдокторантов показывают, что мобильность в «центры экспертизы» приводит к интернализации идеалов, доминирующих парадигм и методологических ориентаций западной науки, а затем к неприятию взглядов, подходов своих соотечественников при возвращении на родину (Ortiga et al., 2018; Guo, Lei, 2020). Исследования в 1990-х гг. показывали, что мобильность действует в обоих направлениях, способствуя как централизации научной жизни в США, так и усилению менее центральных локальностей (Франция) (Carlson, Martin-Rovet, 1995). Однако в последние годы ученые фиксируют однонаправленные тенденции, когда образованные на Западе граждане развивающихся стран интериоризируют идею эпистемологического превосходства западных концепций и способов мысли и распространяют эпистемологическое влияние американо-европейской науки при дальнейших перемещениях (Burford et al., 2021, Hoang, Turner, 2020).

Другой пример – работа о поддерживаемых Европой программах наращивания исследовательского потенциала в странах Африки (Adriansen, 2020). Описывая два кейса – исследовательского центра в Сенегале и лаборатории в Гане, – автор рассказывает, как улучшение технического оснащения и повышение квалификации исследователей, получивших опыт работы в Европе, позво-

лили проводить в этих странах новые исследования. Участники программы говорят о том, что мобильность дала возможность соединить полученные в Европе «универсальные» знания о методах исследования с локальными знаниями о проблематике. Однако с точки зрения постколониальной перспективы эти успешные инициативы выглядят как проблематичные, ведь программа местных исследований формируется под значительным влиянием западного понимания важных вопросов и релевантных методов. Заметим, что дискуссия о проблематичности американо-европейской гегемонии в науке ведется не только в исследованиях мобильности. Она также заметна в обсуждениях вопросов измерения результативности ученых, применения наукометрических индикаторов, развития национальных научных журналов и др.

Интеграция ученых в научное сообщество

Когнитивную карьеру исследователя и, в частности, его публикационную траекторию (видимый «след» когнитивной карьеры) можно рассматривать через призму интеграции исследователя в научное сообщество, которая выделяется в литературе как третий механизм воздействия мобильности на производство знания. Концепция интеграции в сообщество была предложена немецкими социологами науки, которые понимают ее как разворачивающийся на протяжении всей карьеры процесс достижения ученым членства в сообществе и движения внутри него (Gläser & Laudel, 2001). Речь идет не об абстрактном сообществе как множестве всех ученых мира, но о производящем сообществе, состоящем из тех, кто работает в одной специальности. Члены каждого сообщества объединены прежде всего знанием, на которое опираются и которое производят. Сообщество также скреплено связями ученых в разных измерениях – это и совместная работа, и личное общение, и использование знания, произведенного друг другом, и определение «правил игры», по которым будут играть все в сообществе. Интеграция предполагает освоение общей знаниевой базы и профессиональную

социализацию в процессе взаимодействия с другими учеными, т. е. оказывается тесно связанной с механизмом «сотрудничество» и «трансфер», выступая продуктом их действия.

Каждое сообщество имеет свою структуру, довольно сложную, в которой можно выделить ядро, одно или несколько, и периферию. Членство исследователя в сообществе в пределе основано на самовосприятии как члена той или иной специальности, но позиция в сообществе – на восприятии коллегами вклада ученого в коллективно производимое знание (Gläser, 2001). Траектория интеграции в определенную специальность зависит и от структуры сообщества, и от отправной точки исследователя. Например, важнейшим фактором является то, входит ли его/ее локальное национальное сообщество в «ядро» специальности или находится на периферии. Географическая мобильность сопряжена с мобильностью внутри своего сообщества. За перемещением в пространстве может следовать перемещение к ядру специальности – ученые могут переориентироваться на другие исследовательские проблемы, более «центральные» для своего сообщества, интересные большему кругу коллег (Jung et al., 2014; Ortiga et al., 2018; Adriansen, 2020; Hoang, Turner 2020), они могут начать публиковать результаты в более известных журналах, могут переориентироваться с национального языка на «главный» для сообщества, обычно английский (Anderson, 2013), вступить в коммуникацию и сотрудничество с более «центральными» членами сообщества, получить широкое признание своего вклада (Guo, Lei, 2020). Часть аспектов интеграции мы уже затронули в других разделах статьи (эпистемологические различия и эпистемологическое превосходство). Исследования по этому механизму достаточно противоречивы, поэтому ниже мы ограничимся указанием на основные тренды и аспекты этих противоречий.

Множественные сообщества и (не)успешная интеграция?

Во-первых, в то время как по отношению к механизмам «сотрудничество»

и «трансфер» существует установка на документирование положительных случаев, в отношении интеграции работает обратное правило. Несостоявшееся включение в научное сообщество при переезде в другую страну вызывает больше исследовательского и практического интереса, а также более доступно для изучения. Однако мало работ по градиентам и модусам интеграции, в том числе потому, что их труднее выделить, зафиксировать и разграничить. Таким образом, исследования интеграции характеризуются дисбалансом в сторону неуспешных случаев. Это расходится с оригинальной концепцией, которая предполагает, что невозможно оценить интеграцию в терминах больше или меньше, что интеграция имеет много измерений (Gläser & Laudel, 2001: 415). Во-вторых, существует смешение на уровне концепций и, соответственно, эмпирического материала. Так, в литературе зыбкая граница проходит между интеграцией ученых как мигрантов в принимающую среду и интеграцией ученых как производителей знания в научное сообщество, а подчас эти процессы рассматриваются как взаимосвязанные. Так, адаптация и преодоление сложностей на новом рабочем месте отражаются на исследовательских практиках и профессиональной идентичности ученых-мигрантов (Balasooriya et al., 2014). Культурные и языковые различия мешают вести активную академическую жизнь и взаимодействовать с немобильными учеными (Greek, Jonsmoen 2021). Расовая дискриминация на рабочем месте или трудности с поиском работы для супруга/супруги могут сделать проблематичным встраивание в «ядро» научного сообщества и способствовать перемещению на его периферию (Paul, 2018). В-третьих, неясностей добавляет ситуация, когда неуспешная интеграция соседствует с успешной и во многом вызвана ею. Так, после аспирантуры в Европе и Америке молодым ученым трудно включиться в местное научное сообщество по возвращении домой (Chen, 2015; Chen, Li, 2019; Guo, Lei, 2020). Они остаются погруженными в транснациональное исследовательское сообщество, в которое влились в течение длительного обучения за рубежом, поэтому отторгают

научное видение и практики своих соотечественников. Более того, исследования фиксируют случаи пересечения, сочетания разных академических идентичностей и принадлежности к различным научным сообществам. Например, возвратные мигранты в Китае принимают активное участие в транснациональных сетях коллабораций и считают себя транснациональными учеными, одновременно тесно взаимодействуя и идентифицируя себя с китайской интеллектуальной диаспорой (Lei, Guo, 2020). Частичная включенность в разные научные сообщества и национальные контексты неизбежно предполагает частичную исключенность и осмысливается как когнитивная позиция иммигранта, странника или изгнанника, которая культивируется как плодотворная в интеллектуальном плане (Kim, 2017; Manzoni, 2020; Rappleye, 2020). С другой стороны, обилие перемещений, дискурс транснационализма и подвижность позиций в глобальном ландшафте знания приводят к тому, что вокруг движения или мобильности выстраивается профессиональная идентичность ученого (Chen, Koyama, 2013; Hou et al., 2021).

Таким образом, мы видим, что на данный момент поле исследований интеграции остается разрозненным, результаты исследований неоднозначны, и неясно, каким образом изменение форм, способов и степени включенности в научные сообщества в процессе мобильности воздействуют на создание знания.

Заключение

В статье представлен систематический аналитический обзор англоязычных и русскоязычных публикаций 1994–2021 гг. (базы данных Web of Science и Scopus), выявляющий механизмы и факторы влияния транснациональной академической мобильности на производство научного знания. Было подтверждено преобладающее позитивное влияние на создание знания посредством трех основных взаимосвязанных механизмов: установления научных связей и отношений научного сотрудничества, приобретения и трансфера новых знаний и интеграции в научное сообщество. Наиболее разработанными оказались исследования научного

сотрудничества, работы по интеграции отличаются наибольшей противоречивостью, и этот механизм нуждается в более глубокой теоретической и эмпирической проработке. Мы показали, что мобильность имеет фундаментальное значение для налаживания взаимодействия и формирования продуктивного сотрудничества ученых, способствует трансферу знания, что в результате приводит к интеграции исследователей в научное сообщество(а). При этом мы продемонстрировали, что положительные эффекты мобильности не возникают автоматически и не развиваются линейно, так как механизмы, генерирующие их, сложносоставные

и обусловлены конфигурацией факторов разных уровней, от индивидуального до национального и глобального. Мы выявили также негативные эффекты и проблемные точки каждого из механизмов, таким образом объясняя неоднозначные последствия мобильности. В обзоре мы уделили внимание неcodифицируемому знанию, способам его передачи и актуализации, выявили качественные трансформации знания в результате действия трех механизмов, а также проблематизировали эпистемологическое доминирование США и Европы как глобального контекста реализации академической мобильности.

Список литературы / References

- Aceituno–Aceituno, P., Casero–Ripollés, A., Danvila–Del–Valle, J., & Bousoño–Calzón, C. (2019). *Communication systems for scientific collaboration and mobility*. Evidence from Spain. *El profesional de la información*, Vol. 28, No. 6, e280617.
- Ackers, L. (2005). Promoting scientific mobility and balanced growth in the European research area. *Innovation*, 18(3), 301–317.
- Adams, J. (2012). The rise of research networks. *Nature*, 490(7420), 335–336.
- Adams, J., & Loach, T. (2015). Comment: A well-connected world. *Nature*, 527(7577), 58–59.
- Adriansen, H. K. (2020). Materialities and mobilities in transnational capacity building projects: Uneven geographies of knowledge production. *Population, Space and Place*, 26(3), e2294.
- Agrawal, A., Cockburn, I., & McHale, J. (2006). Gone but not forgotten: knowledge flows, labor mobility, and enduring social relationships. *Journal of Economic Geography*, 6(5), 571–591.
- Aksnes, D. W., Rørstad, K., Piro, F. N., & Sivertsen, G. (2013). Are mobile researchers more productive and cited than non-mobile researchers? A large-scale study of Norwegian scientists. *Research Evaluation*, 22(4), 215–223.
- Aman, V. (2018). A new bibliometric approach to measure knowledge transfer of internationally mobile scientists. *Scientometrics*, 117(1), 227–247.
- Aman, V. (2020). Transfer of knowledge through international scientific mobility: Introduction of a network-based bibliometric approach to study different knowledge types. *Quantitative Science Studies*, 1(2), 565–581.
- Anderson, L. (2013). Publishing strategies of young, highly mobile academics: The question of language in the European context. *Language Policy*, 12(3), 273–288.
- Antoshchuk, I. (2018). The notion of diaspora knowledge network revisited: Highly skilled migrants forming a new invisible college. Centre for German and European Studies (CGES) Working Paper WP 2018, 10.
- Antoshchuk, I., Ledeneva, V. Y. (2019). From Russia to the UK. On Migration Mechanism of Young Russian Computer Scientists. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), 108–118.
- Balasoorya, C., Asante, A., Jayasinha, R., & Razee, H. (2014). Academic mobility and migration: Reflections of international academics in Australia. In N. Maadad, M. Tight, M. (Eds.) *Academic mobility* (pp.117-136). Emerald Group Publishing Limited, London
- Bauder, H., Hannan, C. A., & Lujan, O. (2017). International experience in the academic field: knowledge production, symbolic capital, and mobility fetishism. *Population, Space and Place*, 23(6), e2040.
- Bauder, H., Lujan, O., & Hannan, C. A. (2018). Internationally mobile academics: Hierarchies, hegemony, and the geo-scientific imagination. *Geoforum*, 89, 52–59.

- Bilecen, B., Van Mol, C. Introduction: international academic mobility and inequalities. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 43(8), 1241–1255
- Breschi, S., & Lissoni, F. (2009). Mobility of skilled workers and co-invention networks: an anatomy of localized knowledge flows. *Journal of economic geography*, 9(4), 439–468.
- Cantwell, B., Lee, J. J., & Mlambo, Y. A. (2018). International graduate student labor as mergers and acquisitions. *Journal of International Students*, 8(4), 1483–1498.
- Cao, C., Baas, J., Wagner, C. S., & Jonkers, K. (2020). Returning scientists and the emergence of China's science system. *Science and Public Policy*, 47(2), 172–183.
- Carlson, T., & Martin-Rovet, D. (1995). The implications of scientific mobility between France and the United States. *Minerva*, 33(3), 211–250.
- Chen, Q. (2015). Globalization and transnational academic mobility: The experiences of Chinese academic returnees. State University of New York at Buffalo.
- Chen, Q. (2017). Globalization and Transnational Academic Mobility: The Experiences of Chinese Academic Returnees. Singapore: Springer Singapore.
- Chen, Q., & Koyama, J. P. (2013). Reconceptualising diasporic intellectual networks: Mobile scholars in transnational space. *Globalisation, Societies and Education*, 11(1), 23–38.
- Chen, Q., & Li, Y. (2019). Mobility, knowledge transfer, and innovation: An empirical study on returned Chinese academics at two research universities. *Sustainability*, 11(22), 6454.
- Chepurensko, A. (2015). The role of foreign scientific foundations' role in the cross-border mobility of Russian academics. *International Journal of Manpower*, 36 (4), 562–584.
- Chinchilla-Rodríguez, Z., Bu, Y., Robinson-García, N., Costas, R., & Sugimoto, C. R. (2018). Travel bans and scientific mobility: utility of asymmetry and affinity indexes to inform science policy. *Scientometrics*, 116(1), 569–590.
- Chinchilla-Rodríguez, Zaida; Miao, Lili, Murray, Dakota, Robinson-García, Nicolás, Costas, Rodrigo and Sugimoto, Cassidy Rose. (2017). Networks of international collaboration and mobility: a comparative study. In *16th International Conference on Scientometrics & Informetrics, ISSI 2017*. Wuhan, China, 16–20 October 2017, pp.270–280.
- Civera, A., Donina, D., Meoli, M., & Vismara, S. (2020). Fostering the creation of academic spinoffs: does the international mobility of the academic leader matter? *International Entrepreneurship and Management Journal*, 16(2), 439–465.
- Coey, C. (2018). International researcher mobility and knowledge transfer in the social sciences and humanities. *Globalisation, Societies and Education*, 16(2), 208–223.
- Collins, H. M. (1974). The TEA set: Tacit knowledge and scientific networks. *Science studies*, 4(2), 165–185.
- Collins, H. M. (2001). Tacit knowledge, trust and the Q of sapphire. *Social studies of science*, 31(1), 71–85.
- Collins, R. (2014). Interaction Ritual Chains. Princeton University Press.
- Davies, S. R. (2020). Epistemic Living Spaces, International Mobility, and Local Variation in Scientific Practice. *Minerva*, 58(1), 97–114.
- Fang, Z., Lamers, W., & Costas, R. (2019). Studying the Scientific Mobility and International Collaboration Funded by the China Scholarship Council. In *17th International Conference on Scientometrics & Informetrics (ISSI2019) Proceedings*, Rome, Italy, pp. 861–872.
- Fontes, M., Videira, P., & Calapez, T. (2013). The impact of long-term scientific mobility on the creation of persistent knowledge networks. *Mobilities*, 8(3), 440–465.
- Franceschet, M. (2011). Collaboration in computer science: A network science approach. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 62(10), 1992–2012.
- Franzoni, C., Scellato, G., & Stephan, P. (2015). International mobility of research scientists: Lessons from GlobSci. In A.Geuna (Eds.) *Global mobility of research scientists: the economics of who goes where and why* (pp. 35–65). Elsevier, Boston.
- Gao, Y., & Liu, J. (2020). Capitalising on academics' transnational experiences in the domestic research environment. *Journal of Higher Education Policy and Management*, Vol. 43, No. 4, 400–414.

- Gibson, J., & McKenzie, D. (2014). Scientific mobility and knowledge networks in high emigration countries: Evidence from the Pacific. *Research policy*, 43(9), 1486–1495.
- Glänzel, W., & Schubert, A. (2001). Double effort= double impact? A critical view at international co-authorship in chemistry. *Scientometrics*, 50(2), 199–214.
- Glänzel, W., & Schubert, A. (2004). Analysing scientific networks through co-authorship. In *Handbook of quantitative science and technology research* (pp. 257–276). Springer, Dordrecht.
- Gläser J., Laudel G. (2001). Integrating scientometric indicators into sociological studies: methodical and methodological problems. *Scientometrics*. 52(3). 411–434.
- Gläser, J. (2001). Scientific specialties as the (currently missing) link between scientometrics and the sociology of science. In *Proceedings of the 8th International Conference on Scientometrics & Informetrics*. Sydney, Australia, July. pp.191–210.
- Greek, M., & Jonsmoen, K. M. (2021). Transnational academic mobility in universities: the impact on a departmental and an interpersonal level. *Higher Education*, 81, 591–606.
- Grishina, N.V. (2018). «... возможность проехаться и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере заграничных командировок в 1920-е гг. [The relationship between science and government in the field of foreign business trips in 1920s] *Vestnik Tom. gos. un-ta. Istoriia*, (51) [*Bulletin of Tomsk state University*, 51]. Гришина, Н. В. (2018). «... возможность проехаться и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере заграничных командировок в 1920-е гг. Вестн. Том. гос. ун-та. История, (51).
- Grossman, J. W. (2002). The evolution of the mathematical research collaboration graph. *Congressus Numerantium*, 201–212.
- Guo, S., & Lei, L. (2020). Toward transnational communities of practice: An inquiry into the experiences of transnational academic mobility. *Adult Education Quarterly*, 70(1), 26–43.
- Gureyev, V. N., Mazov, N. A., Kosyakov, D. V., & Guskov, A. E. (2020). Review and analysis of publications on scientific mobility: assessment of influence, motivation, and trends. *Scientometrics*, 124, 1599–1630.
- Halevi, G., Moed, H. F., & Bar-Ilan, J. (2016). Researchers' mobility, productivity and impact: Case of top producing authors in seven disciplines. *Publishing Research Quarterly*, 32(1), 22–37.
- Hallett, F., & Eryaman, M. Y. (2014). Beyond diaspora: The lived experiences of academic mobility for educational researchers in the European higher education area. In N. Maadad, M. Tight, M. (Eds.) *Academic mobility* (pp.61-78). Emerald Group Publishing Limited, London
- Heffernan, M., & Jöns, H. (2013). Research travel and disciplinary identities in the University of Cambridge, 1885–1955. *The British Journal for the History of Science*, 46(2), 255–286.
- Henriksen, D. (2016). The rise in co-authorship in the social sciences (1980–2013). *Scientometrics*, 107(2), 455–476.
- Higham, J. E., Hopkins, D., & Orchiston, C. (2019). The work-sociology of academic aeromobility at remote institutions. *Mobilities*, 14(5), 612–631.
- Hoang, C. H., & Turner, M. (2020). Framing Vietnamese scholars' negotiation of knowledge production: a positioning perspective. *Comparative Education*, 56(4), 565–582.
- Hoffman, D. M. (2009). Changing academic mobility patterns and international migration: What will academic mobility mean in the 21st century? *Journal of studies in international education*, 13(3), 347–364.
- Holtz, M. (2014). The Cuban Experience in East Germany: Academic Migration from 1960 to 2000. *Bulletin of Latin American Research*, 33(4), 468–483.
- Horta, H., & Yonezawa, A. (2013). Going places: exploring the impact of intrasectoral mobility on research productivity and communication behaviors in Japanese academia. *Asia Pacific Education Review*, 14(4), 537–547.
- Hou, M., Cruz, N., Glass, C. R., & Lee, S. (2021). Transnational postgraduates: navigating academic trajectories in the globalized university. *International Studies in Sociology of Education*, 30(3), 306–324.
- Jonkers, K., & Cruz-Castro, L. (2013). Research upon return: The effect of international mobility on scientific ties, production and impact. *Research Policy*, 42(8), 1366–1377.
- Jonkers, K. 2010. *Mobility, Migration and the Chinese Scientific Research System*. New York: Routledge Contemporary China Series

- Jonkers, K., & Tijssen, R. (2008). Chinese researchers returning home: Impacts of international mobility on research collaboration and scientific productivity. *Scientometrics*, 77(2), 309–333.
- Jöns, H. (2017). Feminizing the university: The mobilities, careers, and contributions of early female academics in the University of Cambridge, 1926–1955. *The Professional Geographer*, 69(4), 670–682.
- Jöns, H. (2007). Transnational mobility and the spaces of knowledge production: a comparison of global patterns, motivations and collaborations in different academic fields. *Social geography*, 2(2), 97–114.
- Jöns, H. (2018). The international transfer of human geographical knowledge in the context of shifting academic hegemonies. *Geographische Zeitschrift*, 106(1), 27–37.
- Jöns, H., Mavroudi, E., & Heffernan, M. (2015). Mobilising the elective diaspora: US–German academic exchanges since 1945. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 40(1), 113–127.
- Jung, J., Kooij, R., & Teichler, U. (2014). Internationalization and the new generation of academics. In F. Huang, M. Finkelstein, M. Rostan (Eds.) *The Internationalization of the Academy. Changes, Realities and Prospects* (pp. 207–236). Springer, Dordrecht (2014)
- Kato, M., & Ando, A. (2017). National ties of international scientific collaboration and researcher mobility found in Nature and Science. *Scientometrics*, 110(2), 673–694.
- Katz, J. S., & Martin, B. R. (1997). What is research collaboration? *Research policy*, 26(1), 1–18.
- Kim, T. (2008). *Transnational academic mobility in a global knowledge economy*. In D. Epstein, R. Boden and R. Deem et al. (Eds) *World Yearbook of Education: Geographies of Knowledge, Geometries of Power: Framing the Future of Higher Education* (pp.319–337). Routledge, London
- Kim, T. (2010). Transnational academic mobility, knowledge, and identity capital. *Discourse: Studies in the cultural politics of education*, 31(5), 577–591.
- Kim, T. (2017). Academic mobility, transnational identity capital, and stratification under conditions of academic capitalism. *Higher Education*, 73(6), 981–997.
- Kirpitchenko, L. (2011). Academic hyper-mobility and cosmopolitan dispositions. *Journal of Intercultural Communication*, 27, 1–14.
- Kosyakov, D., & Guskov, A. (2019). Synchronous scientific mobility and international collaboration: Case of Russia. In *17th International Conference on Scientometrics & Informetrics (ISSI2019) Proceedings*, Rome, Italy (pp. 1319–1328).
- Laudel, G. (2002). What do we measure by co-authorships? *Research evaluation*, 11(1), 3–15.
- Le Ha, P., & Mohamad, A. (2020). The making and transforming of a transnational in dialog: Confronting dichotomous thinking in knowledge production, identity formation, and pedagogy. *Research in Comparative and International Education*, 15(3), 197–216.
- Lei, L., & Guo, S. (2020). Conceptualizing virtual transnational diaspora: Returning to the ‘return’ of Chinese transnational academics. *Asian and Pacific Migration Journal*, 29(2), 227–253.
- Leung, M. (2011). Of corridors and chains: translocal developmental impacts of academic mobility between China and Germany. *International Development Planning Review*, 33(4), 475.
- Leung, M. W. (2013). ‘Read ten thousand books, walk ten thousand miles’: geographical mobility and capital accumulation among Chinese scholars. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 38(2), 311–324.
- Leung, M. W. (2015). Engaging a temporal–spatial stretch: An inquiry into the role of the state in cultivating and claiming the Chinese knowledge diaspora. *Geoforum*, 59, 187–196.
- Liu, J., Wang, R., & Xu, S. (2021). What academic mobility configurations contribute to high performance: an fsQCA analysis of CSCfunded visiting scholars. *Scientometrics*, 126(2), 1079–1100.
- Livingstone, D. N. (2003). *Putting Science in its Place: Geographies of Scientific Knowledge*, The University of Chicago Press, Chicago
- Llera, T., Moncrief, I., Isack, Y., Yeni, F., Cardon, V., Gilardi, G., ... & Gullino, M. L. (2017). Making the Most of International Opportunities and Experiences for Researchers’ Training Within a Large, Multinational EU Project: The Students’ Perspective. In: *Practical Tools for Plant and Food Biosecurity: Results from a European Network of Excellence*, Volume 8.
- Lohan, E. S., Nurmi, J., Seco-Granados, G., Wymeersch, H., & Nykänen, O. (2017). MULTI-POS: Lessons learnt from fellows and supervisors. In *MultiTechnology Positioning* (pp. 323–329). Springer, Cham.

- Luukkonen, T., Persson, O., & Sivertsen, G. (1992). Understanding patterns of international scientific collaboration. *Science, Technology, & Human Values*, 17(1), 101–126.
- Madge, C., Raghuram, P., & Noxolo, P. (2015). Conceptualizing international education: From international student to international study. *Progress in Human Geography*, 39(6), 681–701.
- Malakhov, V.A. & Erkina, D. S. Rossiiskie matematiki v mezhdunarodnoi tsirkulatsii nauchnykh kadrov [Russian mathematicians in the international circulation of scientific personnel: bibliometric analysis]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii [Sociology of Science and Technology]*, 11(1). Малахов, В. А., Еркина, Д. С. (2020). Российские математики в международной циркуляции научных кадров: библиометрический анализ. *Социология науки и технологий*, 11(1).
- Manzon, M. (2020). Towards a comparative history of comparative education: a personal journey. *Comparative Education*, 56(1), 96–110.
- Martinez, M., & Sá, C. (2020). Highly cited in the south: International collaboration and research recognition among Brazil's highly cited researchers. *Journal of Studies in International Education*, 24(1), 39–58.
- Melin, G. (2005). The dark side of mobility: negative experiences of doing a postdoc period abroad. *Research Evaluation*, 14(3), 229–237.
- Moir, J. (2012). *The Democratic Intellect Reconsidered*. In *Understanding Knowledge Creation* (pp. 17–31). Brill Rodopi.
- Munoz-García, A. L., & Chiappa, R. (2017). Stretching the academic harness: knowledge construction in the process of academic mobility in Chile. *Globalisation, Societies and Education*, 15(5), 635–647.
- Nagornaia, O. S. Nauchnoe sotrudnichestvo i obrazovatelnye kontakty v sisteme sovetskoi kulturnoi diplomatii epokhi «kholodnoi voiny» [Scientific cooperation and educational contacts in the system of Soviet cultural diplomacy of the Cold War era]. *Vestnik Perm. un-ta. Istorii* [Bulletin of Perm University. History], 3(42). Нагорная, О. С. (2018). Научное сотрудничество и образовательные контакты в системе советской культурной дипломатии эпохи «холодной войны» (1945–1990 гг.). *Вестн. Перм. ун-та. История*, 3 (42).
- Narin, F., Stevens, K., & Whitlow, E. S. (1991). Scientific co-operation in Europe and the citation of multinationally authored papers. *Scientometrics*, 21(3), 313–323.
- Nevra Seggie, F., & Calikoglu, A. (2021). Changing patterns of international academic mobility: the experiences of Western-origin faculty members in Turkey. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, 1–18.
- Netz, N., Hampel, S., & Aman, V. (2020). What effects does international mobility have on scientists' careers? A systematic review. *Research evaluation*, 29(3), 327–351.
- Orazbayev, S. (2017). International knowledge flows and the administrative barriers to mobility. *Research Policy*, 46(9), 1655–1665.
- Ortiga, Y. Y., Chou, M. H., & Wang, J. (2020). Competing for academic labor: Research and recruitment outside the academic center. *Minerva*, 58(4), 607–624.
- Ortiga, Y. Y., Chou, M. H., Sondhi, G., & Wang, J. (2018). Academic «centres,» epistemic differences and brain circulation. *International Migration*, 56(5), 90–105.
- Paraskevopoulos, P., Boldrini, C., Passarella, A., & Conti, M. (2020, October). Dynamics of Scientific Collaboration Networks Due to Academic Migrations. In International Conference on Social Informatics (pp. 283–296). Springer, Cham.
- Paul, A. M. (2018). Postdoctoral Destination Decisions: Advice from Asian-Born, Western-Trained Bioscientists. In M. Czaika (Eds) *High-Skilled Migration: Drivers and Policies* (pp.279-300). Oxford University Press, Oxford
- Persson, O., Glänzel, W., & Danell, R. (2004). Inflationary bibliometric values: The role of scientific collaboration and the need for relative indicators in evaluative studies. *Scientometrics*, 60(3), 421–432.
- Pettersson, H. (2016). Research Cooperation, Learning Processes, and Trust among Plant Scientists: Fictive Kinship, Academic Mobility, and Scientists' Careers. In *Domesticity in the Making of Modern Science* (pp. 241–258). Palgrave Macmillan, London.

- Posner, R. A. (2003). *Public intellectuals: A study of decline*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Rapplee, J. (2020). Comparative education as cultural critique. *Comparative Education*, 56(1), 39–56.
- Robertson, S. L. (2010). Critical response to special section: International academic mobility. *Discourse: Studies in the cultural politics of education*, 31(5), 641–647.
- Rostan, M., & Höhle, E. A. (2014). The international mobility of faculty. In F. Huang, M. Finkelstein, M. Rostan (Eds.) *The Internationalization of the Academy. Changes, Realities and Prospects* (pp. 79–104). Springer, Dordrecht.
- Schaer, M., Jacot, C., & Dahinden, J. (2021). Transnational mobility networks and academic social capital among early-career academics: beyond common-sense assumptions. *Global Networks*, 21(3), 585–607.
- Shelley-Egan, C. (2020). Testing the Obligations of Presence in Academia in the COVID19 Era. *Sustainability*, 12(16), 6350.
- Shen, W. (2018). Transnational research training: Chinese visiting doctoral students overseas and their host supervisors. *Higher Education Quarterly*, 72(3), 224–236.
- Siekierski, P., Lima, M.C., Borini, F.M., Pereira, R.M. (2018). International academic mobility and innovation: A literature review. *Journal of Global Mobility: The Home of Expatriate Management Research*, 6, 285–298.
- Sonnenwald, D. H. (2007). Scientific collaboration. *Annual review of information science and technology*, 41(1), 643–681.
- Storme, T., Faulconbridge, J. R., Beaverstock, J. V., Derudder, B., & Witlox, F. (2017). Mobility and professional networks in academia: An exploration of the obligations of presence. *Mobilities*, 12(3), 405–424.
- Torres-Olave, B., & Lee, J. J. (2020). Shifting positionalities across international locations: Embodied knowledge, time geography, and the polyvalence of privilege. *Higher Education Quarterly*, 74(2), 136–148.
- Tremblay, K. (2005). Academic mobility and immigration. *Journal of Studies in International Education*, 9(3), 196–228.
- Tripl, M. (2013). Scientific mobility and knowledge transfer at the interregional and intraregional level. *Regional studies*, 47(10), 1653–1667.
- Victor, B. G., Hodge, D. R., Perron, B. E., Vaughn, M. G., & Salas-Wright, C. P. (2017). The rise of co-authorship in social work scholarship: A longitudinal study of collaboration and article quality, 1989–2013. *British Journal of Social Work*, 47(8), 2201–2216.
- Viglione, G. (2020). A year without conferences? How the coronavirus pandemic could change research. *Nature*, 579(7798), 327–329.
- Wagner, C. S., & Leydesdorff, L. (2005). Mapping the network of global science: comparing international co-authorships from 1990 to 2000. *International journal of Technology and Globalisation*, 1(2), 185–208.
- Wang, X., & Shen, W. (2020). Studying Abroad, Social Capital, and Sino-Swiss Scientific Research Collaboration: A Study of Chinese Scholars Studying in Switzerland. *International Journal of Chinese Education*, 9(2), 219–242.
- Yang, R., & Welch, A. (2011). Belonging from afar? Transnational academic mobility and the Chinese knowledge diaspora: an Australian case study. In N. Bagnall (Eds) *Education and belonging*. Nova Press, Sydney.
- Zdravkovic, M., Chiwona-Karlton, L., & Zink, E. (2016). Experiences and perceptions of South-South and North-South scientific collaboration of mathematicians, physicists and chemists from five southern African universities. *Scientometrics*, 108(2), 717–743.
- Zemliakova, T. (2019). German-American Academic Migration and the Emergence of the American Research University, 1865–1910. *Voprosy obrazovaniia*, (1), 290–317.
- Zhang, L. (2020). Foreign ink: student mobility, overseas training and Chinese geography, 1912–1952. *Journal of Historical Geography*, 68, 44–54.

DOI: 10.17516/1997-1370-0806
УДК 303.442

Ethnocultural Dynamics of the Indigenous Peoples of Yenisei Siberia in Research Works of 2010s-2020s

Ekaterina A. Sertakova^a, Natalya M. Leshchinskaya^a,
Mariya A. Kolesnik^a and Anastasiya V. Kistova^{*b}

^a*Siberian Federal University*

Krasnoyarsk, Russian Federation

^b*Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov*

Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 22.05.2021, received in revised form 04.06.2021, accepted 06.07.2021

Abstract. The article presents the results of analytical work, during which works by domestic and foreign authors devoted to various aspects of the ethnocultural dynamics of indigenous peoples were studied. Particular attention was paid to publications that reveal the peculiarities of the ethnocultural dynamics of the indigenous peoples of Yenisei Siberia – the indigenous peoples living in the territory of the Republic of Tyva, the Republic of Khakassia, and the Krasnoyarsk Krai. As a result, it was found that the scientific community focuses on modern problems of indigenous peoples, such as ignoring their rights, losing traditional forms of management and elements of traditional culture, in particular, language and mentality, health and education problems. Based on the review of articles published in the period between 2011 and 2021 we make conclusions on the processes that determine the specifics of the ethnocultural dynamics of the peoples living on the territory of Yenisei Siberia.

Keywords: ethnocultural dynamics, indigenous peoples of the north of Siberia, Tuva, Khakassia, Krasnoyarsk Krai.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Krai and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20–49–240001.

Research area: culturology

Citation: Sertakova, E.A., Leshchinskaya, N.M., Kolesnik, M.A., Kistova, A.V. (2022). Ethnocultural dynamics of the indigenous peoples of Yenisei Siberia in research works of 2010s-2020s. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 15(5), 702–716. DOI: 10.17516/1997-1370-0806.

Этнокультурная динамика коренных народов Енисейской Сибири в исследованиях 2010–2020-х гг.

Е.А. Сертакова^а, Н.М. Лещинская^а,
М.А. Колесник^а, А.В. Кистова^б

^аСибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

^бКрасноярский художественный музей имени В.И. Сурикова

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье представлены результаты аналитической работы, в ходе которой были изучены исследования отечественных и зарубежных авторов, посвященные различным аспектам этнокультурной динамики коренных народов. Особое внимание было уделено публикациям, раскрывающим особенности этнокультурной динамики коренных народов Енисейской Сибири, проживающих на территории Республики Тыва, Республики Хакасия, Красноярского края. В результате было обнаружено, что в центре интересов научного сообщества находятся современные проблемы коренных народов, такие как игнорирование их прав, утрата традиционных форм хозяйствования и элементов традиционной культуры, в частности языка и менталитета, проблемы со здоровьем и образованием. На основе обзора статей, опубликованных в период с 2011 по 2021 гг., сделаны выводы о процессах, определяющих специфику этнокультурной динамики народов, проживающих на территории Енисейской Сибири.

Ключевые слова: этнокультурная динамика, коренные народы севера Сибири, Тува, Хакасия, Красноярский край.

Научная специальность: 24.00.00 – культурология.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20–49–240001.

Введение

Этнокультурная динамика – процесс, отражающий изменения в переживаниях своей этничности каждым представителем того или иного народа. Экстериоризируются данные переживания в различных формах культуры: в религии, языке, искусстве, быту, праве, образовании, здравоохранении и т. д. К изучению этнокультурной динамики как феномена, а также факторов, определяющих ее специфику, обращаются многие ученые, как отечественные, так и зарубежные.

Зарубежные исследователи в своих текстах описывают современное состояние коренных народов. В исследованиях такого рода можно выделить ряд направлений, рассмотрев содержание статей.

Статья L. Schaepli, A. Godlewska посвящена результатам комиссии Бушара-Тейлора в Квебеке. Авторы обращают внимание на то, какую роль играет неграмотность в укреплении колониального мышления и его следствий в отношениях коренных жителей с другими социальными группами (Schaepli, Godlewska, 2014).

Авторы T. Stonefish, C. T. Kwantes (2017) в своей статье приводят результаты изучения взаимосвязи между аккультурацией и ценностями коренных народов Канады, попавших под процессы колонизации. Приводятся данные эмпирического исследования взаимосвязи ценностей и аккультураций у коренных жителей, проживающих среди некоренного общества, преимущественно в городах.

Об опыте пребывания в городском пространстве коренных народов рассказывает статья S. Prout, N. Biddle. Авторы опираются на данные переписи населения в качестве базы для изучения мест проживания и неравномерности доступа к рынку жилья коренного населения Австралии. Предлагается рассматривать динамику изменений численности коренного населения в сравнении с другими группами городских жителей (Prout, Biddle, 2015).

Исследователь S. Pietikäinen рассматривает динамику языка и изменение идентичности коренных народов Финляндии. Он отмечает, что многоязычие представителей индигенных этносов может быть использовано для политического и экономического развития и при этом приводить к социальному расслоению (Pietikäinen, 2018).

Современные экологические, социальные и экономические проблемы, возникающие при взаимодействии коренных общин и добывающих компаний, описывают исследователи L. S. Horowitz, A. Keeling, F. Lévesque, T. Rodone, S. Schott, S. Thériault (2018). Авторы неоднозначно рассматривают приход промышленных групп на территории землепользования коренного населения. С одной стороны, под удар попадает традиционная деятельность народов, связанная с использованием природных ресурсов, но с другой – у них появляются перспективы, в частности, начать преодоление своего маргинального положения в социальном и экономическом планах благодаря выплатам компаний и обустройству территорий.

Обиды коренных жителей на представителей других культур рассматривает B. McElhinny (2016). Автор обращается к феномену «эпохи извинений» в Канаде – публичного признания ошибок правительством перед коренным населением. Данные события вписываются в направление государственной политики по мультикультурализму. Автор отмечает, что такие признания отражают политическую динамику по вопросам коренного населения.

Близкие проблемы, но уже в российском контексте, рассматривает M. M. Balzer.

Выбран довольно специфический ракурс проблемы бытования коренного населения в городах и деревнях, а именно то, как выстраивались их отношения с лагерной системой Советского государства, как это повлияло на их идентичность и культуру (Balzer, 2015).

Для отечественных ученых актуальным является обращение к истории народов Севера, рассмотрение тех периодов, когда наиболее ярко ими переживались изменения в социально-культурной жизни. В России таким знаковым периодом выступают первые годы существования Советского государства. В статье A. V. Akhmetova, S. V. Bobyshev исследуются глубинные изменения в быту коренных этносов Дальнего Востока, с одной стороны, явно поспособствовавшие повышению уровня жизни населения, но одновременно с этим и разрушившие их традиционную культуру (Akhmetova, Bobyshev, 2015).

Также исследователей интересует, как коренные народы Севера переживают утрату культурной самобытности в XX в., каким образом осуществляется попытка восстановить традиции сегодня. В качестве примера можно привести статью «Internationalisation with the use of Arctic indigeneity: the case of the Republic of Sakha (Yakutia), Russia» (Maj et al., 2012). Возрождение верований, существовавших издревле, хозяйственных практик в среде коренных жителей Севера может восприниматься как нечто, что способно разрешить проблемы в социальном, экономическом, политическом и даже психологическом планах.

Современная этническая ситуация среди коренных жителей Севера в разных регионах России анализирует I. A. Karapetova на основе полевых данных, собранных в начале 1980-х и в 2000-х гг. в ходе экспедиций к пуровским лесным ненцам (Karapetova, 2012). На основе сравнения данных исследований середины 1990-х гг. с данными начала XXI в. рассматривается современная этническая и демографическая ситуация у ненцев, проживающих в низовьях р. Таз, в статье Ю. Н. Квашнина (Kvashnin, 2012).

Не обходят вниманием отечественные ученые и проблемы коренных жителей Севера, связанные со здоровьем. Так, например, в статье «The social hygienic and medical demographic characteristics of families of indigenous population of Yakutia» (Semenova, Lapteva, 2015) обсуждается печальная динамика в области психических заболеваний, к которым относится в том числе и алкоголизм, среди коренных жителей в Якутии. А исследовательская группа в составе Т. А. Astahova, L. V. Rychkova, A. V. Pogodina, T. V. Mandzyak, Y. N. Klimkina (2018) изучила динамику здоровья подростков из числа коренного населения Сибири, выявив высокую степень гармоничного физического развития. С. Ю. Головина в своем исследовании анализирует традиционные методы и средства, используемые обскими уграми и самодийцами для сохранения здоровья и экологии (Golovina, 2011).

Важность экологических и климатических условий, оказывающих сильнейшее воздействие на изменения практик хозяйствования представителей КМНС, рассматривают К. V. Istomin и J. O. Nabeck (2016). Анализируя группы кочевников-оленьеводов в Коми и Ненецком автономном округе, исследователи увидели негативную динамику их жизни – быстрое разрушение вечной мерзлоты, что ставит под угрозу развитие оленеводства и сохранение традиционного образа жизни.

Ye. V. Kaduk (2017) изучает экономику коренного населения Анабарского района в Республике Саха. Несмотря на рыночные условия современного мира, здесь до сих пор активно встречается аутентичная форма хозяйствования предшествующих поколений.

N. I. Novikova (2016) рассматривает вопрос динамики коренного населения Российской Арктики через призму их политических прав на землепользование. Автор называет очевидными положительные тенденции, в которых северяне обретают голос, и их требования не могут быть просто проигнорированы.

Значительное внимание уделяется также языковым проблемам коренных мало-

численных народов Севера и образованию. Так, В. Н. Соловар, изучая языковую картину мира хантов, отмечает, что категория возраста человека является объектом оценки как в аспекте внешнего облика, так и в аспекте внутренних, духовных, умственных качеств человека в языке коренного народа (Solovar, 2011). Особенности языкового развития детей коренных малочисленных народов Севера посвящено исследование Н. Г. Айваровой. Автор раскрывает противоречия между языковым развитием ребенка-дошкольника в бытовой культуре и организацией учебного процесса в современной школе, предлагая варианты совершенствования учебного процесса (Ayvarova, 2011).

Методы

Эмпирической базой для настоящего исследования стали научные публикации отечественных и зарубежных ученых, посвященные различным аспектам этнокультурной динамики коренных народов, вышедшие в свет в период с 2010 по 2021 год, размещенные в международных библиографических базах Scopus и Web of Science.

Метод аналитического обзора научной литературы позволяет собрать и изучить экспертные мнения об этнокультурной динамике как феномене, а также обнаружить наиболее значимые факторы, определяющие этнокультурную динамику коренных народов Енисейской Сибири.

Обсуждение

На протяжении долгого времени жизнь коренных народов Енисейской Сибири изучалась отдельными учеными точно, задач, связанных с комплексным изучением их быта и культуры, не ставилось. Особенно это касалось этносов, проживающих на труднодоступных землях Сибирской Арктики. Однако в свете глобальных изменений некогда периферийные территории и малозначимые этносы приобрели повышенное внимание со стороны государства и научных сообществ. Как отмечает исследователь Sari Pietikäinen (2018), ключевые направления современных исследований

коренного населения Арктики связаны с тремя главными темами: изменением климата, растущим экономическим интересом к территориям коренных народов и культурными преобразованиями. В рамках последней темы большинство современных исследований посвящены изучению изменений границ языка, идентичности коренного населения в условиях современного мира и многих других показателей.

Для изучения того, в какой степени описана этнокультурная динамика коренных народов Енисейской Сибири, следует обратиться к научным трудам, посвященным таким аспектам современного состояния культуры народов, как духовная составляющая в форме современных верований, экономическое положение, проблемы этнической идентичности, вовлеченность в общественную и политическую деятельность, сохранение традиций, традиционного образа жизни и видов деятельности, уровень владения национальным языком, межэтнические взаимоотношения, уровень доступности различных социальных услуг (Avdeeva, & Degtyarenko, 2021; Koptseva, & Kirko, 2014; Leshchinskaya, 2021; Koptseva, Reznikova, & Razumovskaya, 2018; Pashova, 2021).

Здоровье этноса – один из показателей, влияющий на этнокультурную динамику. Многие исследователи обращаются к изучению течения ряда заболеваний у представителей коренных народов, обусловленных особенностями быта, культурными традициями (Shadrina, Sivtseva, Sivtseva, Donskaya, Ivanova, 2019; Mulerova, Uchasova, Ogarkov & Barbarash, 2020).

В то же время отношение к заболеваниям, практики поддержания здоровья коренятся в глубинах традиционной культуры народов Енисейской Сибири. Данная грань вопросов здравоохранения имеет непосредственное отношение к пониманию этнокультурной динамики. В связи с этим одним из имеющих большое значение является вопрос о соотношении официальной медицины и практик традиционного врачевания (неконвенциональной медицины). Е.И. Кириленко обнаружила в ходе исследова-

тельской работы со студентами из Республики Тыва, проживающими в г. Томске, ситуацию синкретизма: успешное совмещение практик конвенциональной и неконвенциональной медицины для поддержания здоровья (Kirilenko, 2020).

В современном обществе не существует единого мнения относительно медицинских практик, основанных на древних культурных традициях. Исследователи В.Н. Давыдов, В.А. Беляева-Сачук, Е.А. Давыдова нашли невероятный потенциал в распространенных среди чукчей, эвенков, бурят и сойотов медицинских стратегиях, позволяющих минимизировать возможные риски распространения заболеваний, а также оказания медицинской помощи в условиях автономности тундры, тайги и степей (Davydov, Belyayeva-Sachuk, Davydova, 2021).

В.А. Бацевич, Е.Ю. Пермякова, Д.А. Машина, О.В. Ясина, О.В. Хрусталева проводят сравнительный анализ двух групп тувинских школьников – городских и сельских, в результате которого было обнаружено влияние урбанизации, отхода от традиционной формы хозяйствования (скотоводства) на изменение физических характеристик детей (массы тела, роста) (Batsevich, Permyakova, Mashina, Yasina, Khrustaleva, 2020).

Одним из важнейших факторов, влияющих на этнокультурную динамику, является религия.

О современных верованиях чириндинских эвенков написана статья D. V. Vorob'ev. Автора исследования интересует, насколько на современном этапе можно говорить о следах архаических верований среди эвенков-охотников, в особенности тех, что связаны с диким оленем (Vorob'ev, 2013).

Часть исследователей предлагают изучить существующие обряды и ритуалы с целью определения того, что может быть актуально и востребовано в современном контексте существования этноса. Например, в статье E. V. Aiyzhy, A. V. Chalbak рассматривается система запретов и обрядов, связанных с беременностью в среде хакасов и тувинцев (Aiyzhy, Chalbak, 2015).

Процесс трансформации религиозности под влиянием «больших культур» – один из ключевых вопросов, ответы на которые позволяют определить вектор этнокультурной динамики. Специфической чертой тувинской культуры является уникальный синтез древних шаманских традиций и буддизма. Изучению особенностей этого синтеза посвящено исследование А.А. Бурюкина. Автор обращается к анализу эпических текстов и сказок тувинцев, указывает на примеры, подтверждающие синтез разных мировоззренческих компонентов: шаманских и буддийских мотивов (Burykin, 2020). Анализу процесса распространения и укрепления буддизма на территории Тувы посвящены исследования Ч.К.О. Ламажаа (Lamazhaa, 2019; Lamazhaa, Bicheldey & Mongush, 2020).

Современные исследователи уделяют значительное внимание изучению советского периода в истории религии народов Енисейской Сибири.

Так, П.К. Дашковский и Н.С. Гончарова на основе анализа документов из Национального архива Республики Хакасия раскрывают особенности взаимодействия государства в лице комиссий содействия исполкомам по контролю соблюдения законодательства о религиозных культах с верующими. Авторы отмечают, что представители комиссий работали в соответствии с официальными установками в вопросах религии, следовательно, это влекло за собой скорее пропаганду атеизма, чем сохранение религиозных традиций хакасов (Dashkovskiy, Goncharova, 2021).

Речь – древнейший социальный институт, оказывающий определяющее воздействие на этнокультурную динамику. Сохранение языка как ядра культуры является ключевым фактором для поддержания ее целостности и позитивной динамики (Zamaraeva, 2021; Shpak, & Pchelkina, 2021).

Т. Borgoiaikova обращается к проблеме сокращения числа носителей национального языка среди хакасов на фоне высокой языковой лояльности, наблюдаемой в данном регионе (Borgoiaikova, 2015). В этом же ключе и работа А.Л. Арефьева, где обсужда-

ется проблема сокращения образовательных учреждений, в которых изучение национальных языков было возможно (Arefiev, 2015).

Е.Д. Артеменко и А.С. Буб обращаются к анализу несбалансированности языковой ситуации среди билингвов, владеющих хакасским и русским языками. Исследователи называют факторы, способствующие вытеснению хакасского языка в пространство бытового общения и эстетически обусловленной коммуникации, в частности, к таким относится утверждение русского языка во всех официальных сферах и на всех уровнях образования, а также миграция молодежи в русскоязычные регионы. Но в то же время политика Республики Хакасия направлена на всевозможное поддержание национального языка (Artomenko, Bub, 2019).

Аналогичная ситуация складывается с билингвами, владеющими тувинским и русским языками. Г.А. Дырхеева, Ч.С. Цыбенова отмечают, что русский язык является функционально доминирующим, но имеет инструментальное значение, тогда как родной язык символизируется (Tsybenova, 2019; Dyrkheyeva, Tsybenova, 2020).

Н.А. Мамонтова обращает внимание на взаимосвязь идентичности с языком и организацией клана у илимпийских эвенков. Она рассматривает динамику отношений между данными составляющими на протяжении XX столетия, обращая внимание на то, какие изменения происходили при реализации советской программы национальной политики на территориях проживания этносов и изменения местных дискурсивных практик. Опираясь на материалы внушительных полевых исследований в Эвенкии Красноярского края (с 2007 по 2012 г.) и работу с архивами Туры, Красноярска, Москвы и Санкт-Петербурга, автор выяснила, что причиной связи административных кланов и языковых сообществ является региональная политика 1920-х гг., которая в рамках национальной политики государства формировала территориальное разделение, опираясь на «клановую» орга-

низацию эвенков. Также она способствовала появлению эвенкийского литературного языка (Mamontova, 2016).

В другой статье Н. А. Мамонтова исследует отношение к родному языку эвенков, проживающих в урбанизированном пространстве (поселок городского типа Тура). Автор отмечает сосуществование двух противоположных позиций: отношение к родному языку как к «лишнему в городе» и в то же время использование эвенкийского языка в общении. Переход от русского к эвенкийскому Н. А. Мамонтова связывает с контекстом, в котором происходит общение, и личными установками говорящего. Она опровергает стереотипное утверждение, что общение на родном языке так или иначе связано только с традиционной культурой (Mamontova, 2019).

В качестве интересного инструмента изучения этнокультурной динамики коренных народов Сибири и, в частности Енисейского региона, рассматривает гидронимы «Енисей», «Лена», «Ангара» в своих исследованиях А. А. Бuryкин. Так, автор, учитывая данные письменных источников XIII–XVII вв., а также сведения об этническом составе народов, живущих в бассейнах рек Енисей и Ангара в районе озера Байкал, принимая во внимание миграции этих народов и последовательность их первых контактов с русскими, делает вывод о том, что происхождение названия реки Енисей восходит к ненецкому языку, а название реки Ангара происходит не из бурятского, а из эвенкийского языка (Burykin, 2011a; Burykin, 2011b).

Сохранность традиционных форм хозяйствования (скотоводство, охота, рыбная ловля, собирательство) выступает своеобразным маркером, указывающим на наличие преемственности культурных традиций в целом. Для эвенков, коренного малочисленного народа Севера Красноярского края, ключевой формой традиционного хозяйствования является оленеводство. В. Владимирова обращается к изучению трансформации оленеводческих практик под влиянием сельскохозяйственной науки в советское время, селекции, а также опи-

сывает современные технологии в оленеводстве (Vladimirova, 2020).

Помимо домашнего оленеводства охота на дикого северного оленя также относится к традиционным занятиям, значимым для северных коренных народов. Активное освоение Арктики промышленниками зачастую влечет за собой необратимые изменения в экосистеме (Burtseva, Sleptsov, Bysyina, Fedorova, Dyachkovskii, 2020; Bogdanova, Andronov, Soromotin, Detter, Sizov, Hossain, & Lobanov, 2021). Меняются миграционные пути северного оленя, и, как следствие, возможно снижение популяции данного животного. Миграция северного оленя, сохранность его как вида, значение оленеводства для экономики являются предметом исследования многих ученых (Kharzinova, Deniskova, Dotsev, Solov'yeva, Romanenko, Layshev, Zinov'yeva, 2019; Soukhovolsky, Savchenko, Muravyov, 2020; Laishev, Sleptsov, Fogle, Kisil, Veretennikov, 2020).

Для коренных народов Енисейской Сибири природный ландшафт имеет важное культурное значение. Мировоззрение, основанное на этнических традициях, предопределяет тесное взаимодействие человека и природы. Современные исследователи вводят понятие «этнокультурный ландшафт» – социально-экологические системы, которые возникли в результате взаимодействия этнических групп с их естественной и социальной средой и находятся в постоянном процессе трансформации (Dirin, Fryer, 2020).

Статья Y. V. Popkov и E. A. Tiugashev (2018) посвящена рассмотрению экономики тувинцев как неотъемлемого элемента жизни. Изучив в рамках социокультурного подхода экономику тувинского этноса, исследователи выявили ряд важных нюансов. Во-первых, помимо кочевой культуры как доминанты коренного населения Тувы, существуют иные экономические культуры, которые позволили приобрести этносу новые навыки – охота, занятия сельским хозяйством, ремеслами. Если кочевой образ жизни формировал неторопливый ритм жизни и прививал тувинцам созерцатель-

ность, то охота заставляла их быть более быстрыми в решениях и деле, ремесла и работа на земле и с животными научили скрупулезности и усидчивости. Таким образом, авторы приходят к выводу, что тувинский этнос имеет устойчивую экономическую культуру, в которой есть разные варианты развития. Такой полиморфизм становится важным элементом дополнительных направлений развития этноса, которые не совсем очевидны, но способны дать новые варианты развития помимо традиционного пути.

Для понимания этнокультурной динамики того или иного народа необходимо также рассмотреть вопрос миграции. Одним из распространенных вариантов миграции является переезд из сельской местности в города. О.Л. Лушникова (Lushnikova 2020) изучает вопросы адаптации хакасов к городской жизни. На основе анализа интервью автор делает выводы о корреляции уровня адаптированности с рядом условий: возраста, семейного положения, наличия детей, уровня образования, характером трудовой деятельности и жилищными условиями. В качестве фактора, негативно влияющего на адаптацию, О.Л. Лушникова называет осознание себя коренным народом в качестве этнического меньшинства. Также анализу влияния городской жизни на этническую идентичность хакасов посвящено исследование Е.Е. Тиниковой (Tinikova 2020).

Историческому влиянию средневекового племени туматов на этногенез народов Южной Сибири, в частности бурятов, тувинцев, хакасов, посвящена статья В.В. Ушницкого. Автор рассматривает исторические сведения, документы и фольклор в качестве источников, раскрывающих особенности межэтнического взаимодействия и культурного влияния, следы которого прослеживаются и в современной культуре коренных жителей Южной Сибири (Ushnitskiy, 2011).

Проблеме современного состояния межэтнических отношений на территории Республики Тыва посвящена статья «Dynamics of interethnic relations and ethnic

stereotypes in the Republic of Tuva» (Balakina, 2015). Авторы исследования с помощью опроса жителей и экспертов фиксируют, что ситуация в регионе достаточно стабильна, но давняя напряженность в отношениях между тувинцами и русскими существует в скрытом виде.

Про альтруистические социальные нормы долган и нганасанов Таймыра статья J.P. Ziker (Ziker, 2015). В своем исследовании автор также рассматривает неформальную систему собственности, которая характерна для жителей Усть-Авама. Для выявления и описания специфики существующих социальных норм среди долган и нганасанов исследователь использовал методы в рамках экспериментальной теории игр и семиотики. В итоге автор указывает на то, что проведенный эксперимент позволяет говорить о высокой степени альтруизма в сообществе, ведущем натуральное хозяйство, но одновременно с этим низким оказывается показатель ожидаемой справедливости.

Этнокультурная динамика коренного населения Сибири сегодня во многом связана с мерами поддержки государства и региона. Так, I.S. Tarbastayeva (2016) сосредотачивает внимание на рассмотрении этнической политики в Туве в постсоветскую эпоху. Автор выделяет три периода: 1991–1996 гг., 1996–2013 гг. и время с 2013 г.. Такие временные рамки определены благодаря активности федеральных и региональных властей в вопросах национальной политики. Первый период – самый позитивный для Тувы – был связан с выделением роли титульной нации и объединения иных этносов вокруг него. В это время активно разрабатывались законы и постановления на уровне регионов. Второй период был связан с согласованием программ этнической политики в регионе с федеральным законодательством. Власти Тувы, выделив тувинцев в качестве приоритетного этноса, проводили достаточно гибкую политику по отношению к нуждам других народов. Третий этап связан с политикой сохранения и развития этнокультурного разнообразия в Туве, в нем важная задача связана с под-

держкой русского языка и русского этноса. Этнокультурная политика сегодня реализуется в качестве большого количества мероприятий, которые направлены на установление комфортной среды для разных этносов.

V. S. Kan (2016) установил ряд характерных черт этносоциальной динамики в Туве: в регионе наблюдается естественный прирост коренного населения, тувинцы проживают преимущественно в моноэтнической среде с низким уровнем этнокультурного и языкового разнообразия и снижением доли других народов. Это обусловлено тем, что район Тувы до сих пор социально и экономически неблагоприятный, а межэтнические отношения проявляют некоторую напряженность. При этом автор отмечает, что самосознание тувинцев очень меняется, наблюдается положительная динамика в восприятии тувинцев себя. Благодаря местной политике, региональной системе образования, работе СМИ сформировалось позитивное восприятие тувинской культуры и языка – примерно 98 % тувинцев говорят на родном языке и считают его первым языком (Kan, 2016).

Культурную политику современной Тувы рассматривает Е. К. Karelina (2018). Автор акцентирует внимание на текущих проблемах, с которыми сталкиваются жители региона. Применяя методы историко-сравнительного, структурно-типологического и включенного наблюдения, Е. К. Karelina обнаруживает торможение развития в явлении самоизоляции ценностей, планомерно сформированной в порядке смены государственной политики в целом. Автор предлагает развитие кластерной формы культуры и ставку на эко-экзо-этнокультурный брендинг территории, в котором будет увеличена доля ориентации на национальную идентичность и ее ценности.

В условиях глобальных трансформаций, когда культуры коренных народов зачастую испытывают давление «больших культур», искусство, основанное на древних традициях, предстает в качестве одной

из форм сохранения этнической самобытности. Исследователи В. Дмитриева и К. Федорова подчеркивают важность сохранения эвенкийского культурного наследия. Авторы обращаются к изучению декоративно-прикладного искусства эвенков, описывают формы и содержание традиционных орнаментов, а также указывают на необходимость и перспективность теоретического осмысления художественных образов традиционного декоративно-прикладного искусства и использование данного теоретического фундамента для создания современных произведений ювелирного искусства и дизайна (Dmitrieva, Fedorova, 2021). Схожая проблематика в центре интересов современных исследователей Ж. Э. Айжы, Я. А. Нан-Хоо. Авторы обращаются к изучению особенностей ювелирного искусства, анализируют традиционные образы и мотивы и их переосмысление современными мастерами-ювелирами (Ayzhy, Nan-Khoo, 2021).

Коллектив авторов (Amosova, Koptseva, Sitnikova, Seredkina, Zamaraeva, Kistova, Reznikova, Kolesnik, Pimenova, 2019) обращаются к произведениям искусства художников Красноярского края. Результатом их исследования является обнаружение особенностей осмысления и представления этнокультурной идентичности коренных народов Севера в искусстве.

Особенности интерпретации темы «Север» в классических и современных произведениях изобразительного искусства рассматривают А. А. Семенова и А. В. Бралкова. Авторы исследуют произведения искусства и в качестве способа переосмысления и рефлексии современных художников над особенностями географического и природного пространства Севера, и как особый взгляд на быт и культуру коренных малочисленных народов Севера. В частности, в статье рассматриваются произведения красноярских авторов, фиксирующие традиционный образ жизни нганасан, ненцев, эвенков, долган как ценный источник в том числе и этнографических данных (Semyonova, Bralkova, 2011).

Результаты

Обзор источников, размещенных в Scopus и Web of Science, показал, что за последние десять лет интенсифицировались исследования, связанные с изучением аборигенного населения в мире, и Россия не является исключением. С начала 2010-х гг. широкое распространение приобретают междисциплинарные исследования. Преимущественно речь идет о качественных исследованиях – непосредственной работе с представителями коренных этносов: опросах, интервьюировании, контент-анализе материалов о них, сборе и анализе социологических данных.

В целом изучение публикаций зарубежных и отечественных ученых показало, что современных исследователей в большей степени интересует тема изменений в культуре коренных народов, которая связана с их современным образом жизни в городе, кардинально отличающимся от традиционного. Исследования отечественных ученых по преимуществу фокусируются на том, какова этнокультурная динамика коренных малочисленных народов в местах их компактного проживания или же в условиях кочевья. Особо стоит отметить и тот факт, что обычно рассматривается этнокультурная динамика отдельных народов без их связи с другими этносами, проживающими в том или ином регионе. Также чаще отслеживается именно негативная динамика в сохранении языка и традиционных элементов культуры.

В описании этнокультурной динамики народов Енисейской Сибири в основном сохраняются те же тенденции. Согласно наблюдениям исследователей, для тувинского этноса характерны следующие основные изменения: традиционная религиозность упрочивает свои позиции, что свидетельствует о возрождении культуры народа, но при этом значительные изменения про-

исходят в образе жизни и даже физическом состоянии представителей этноса в связи с урбанизацией и ведением нетипичных для него видов хозяйственной деятельности. В Республике Тыва, благодаря очень активной региональной политике в области сохранения языка и идентичности, можно наблюдать во многом позитивную динамику. В то же время для соседнего хакасского этноса выявляется большое количество проблем: почти полная утрата традиционной религии как следствие политики Советского государства, постоянное сокращение носителей языка при том, что существуют региональные программы и законы, направленные на его поддержку. Что же касается народов, проживающих на севере Енисейской Сибири, то в основном ученых интересует степень сохранности традиционных верований, существования традиционных видов хозяйствования в столкновении с современными технологиями и производствами, соотнесения народного менталитета, норм и моделей поведения с контекстом современных отношений людей в бытовых ситуациях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что специфику этнокультурной динамики определяет развитие ряда процессов: религиозных, лингвистических, правовых, экономических, этических, художественных, общекультурных. В целом, при указании на существующие сложности и проблемы, связанные с сохранением ценностей традиционных культур, можно заключить, что коренным народам, проживающим на территории Енисейской Сибири, свойственно диалектическое переживание своей этничности. С одной стороны, присутствует стремление подчеркнуть этническую идентичность с помощью различных маркеров, с другой – в определенных ситуациях значимость этнической идентичности не важна и нивелируется.

Список литературы / References

Aiyzhy, E. V., Chalbak, A. V. (2015). Rituals and customs connected with woman's pregnancy among the peoples of the Sayan-Altai Region (the case study of the Tuvans and the Khakass). *In Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*, 3, 84–92.

- Akhmetova, A. V., Bobyshev, S. V. (2015). Modernization of Ethnocultural Processes in the National Areas of the Far East (1920s-1930s years). In *Bylye Gody*, 37(3), 766–774.
- Amosova Maria A., Koptseva Natalia P., Sitnikova Alexandra A., Seredkina Natalia N., Zamaraeva Yulia S., Kistova Anastasia V., Reznikova Ksenia V., Kolesnik Maria A., & Pimenova Natalia N. (2019). Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists. In *Journal of the Siberian Federal University. Humanitarian sciences*, 12 (8), 1524–1551.
- Arefiev, A. L. (2015). O yazykakh korennykh malochislennykh narodov Rossii [On the languages of the Russia small-numbered indigenous peoples], In *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*, 8 (8), 75–84.
- Artomenko, Ye. D., Bub, A. S. (2019). Dinamika sotsiolingvisticheskoy situatsii khakassko-russkogo yazykovogo vzaimodeystviya na territorii Yuzhnoy Sibiri [Dynamics of the sociolinguistic situation of the Khakassian-Russian language interaction in the territory of Southern Siberia]. In *Rusin [Rusin]*, (56), 294–311.
- Astahova, T.A., Rychkova, L.V., Pogodina, A.V., Mandzyak, T.V., Klimkina, Y.N. (2018). Status of health of adolescents of main ethnic groups of eastern siberia, In *Medical News of North Caucasus*, 13(1), 14–17.
- Avdeeva, Y.N., & Degtyarenko, K.A. (2021) Vizualizatsiya obraza ketov kak sovremennaya kul'turnaya praktika [Visualization of the image of the Kets as a modern cultural practice], In *Severnye arhivy i ekspeditsii [Northern archives and expeditions]*, 5(2), 16–31.
- Ayvarova, N.G. (2011). K voprosu yazykovogo razvitiya detey korennykh malochislennykh narodov Severa [On the issue of linguistic development of children of indigenous small peoples of the North]. In *Vestnik ugrovedeniya. Pedagogika, psikhologiya [Bulletin of Ugric Studies. Pedagogy, psychology]*, 4 (7), 67–72.
- Ayzhy, Zh. E., & Nan-Khoo, YA. A. (2021). Skifskiye syuzhety i motivy v traditsionnom i sovremen-nom yuvelirnom iskusstve Tuvy [Scythian subjects and motives in traditional and modern jewelry art of Tuva]. In *Novyye issledovaniya Tuvy [New studies of Tuva]*, (1), 73–90.
- Balakina G. F. et al. (2015). Dynamics of interethnic relations and ethnic stereotypes in the Republic of Tuva. In *Sociological Studies*, 8 (8), 93–99.
- Balzer M. M. (2015). Local legacies of the GULag in Siberia: Anthropological reflections. In *Focaal*, 73, 99–113.
- Bandyopadhyay, R., Yuwanond, P. (2018). Representation, resistance and cultural hybridity of the Naga Indigenous people in India, In *Tourism Management Perspectives*,
- Batsevich, V. A., Permyakova, Ye. YU., Mashina, D. A., Yasina, O. V., Khrustaleva, O. V. (2020). Sravneniye gorodskoy i sel'skoy grupp detey shkol'nogo vozrasta respubliki Tyva po dannym bioimpedans-nogo analiza v usloviyakh «transformatsii» traditsionnogo obraza zhizni [Comparison of urban and rural groups of school-age children in the Republic of Tyva according to bioimpedance analysis in the context of the «transformation» of the traditional way of life]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]*, 4 (51), 148–160.
- Bogdanova, E., Andronov, S., Soromotin, A., Detter, G., Sizov, O., Hossain, K., ... & Lobanov, A. (2021). The Impact of Climate Change on the Food (In) security of the Siberian Indigenous Peoples in the Arctic: Environmental and Health Risks. In *Sustainability*, 13(5), 2561.
- Borgoiakova T. (2015). Language policies and language loyalties after twenty years in post-Soviet Russia: The case of Khakassia. In *Language Empires in Comparative Perspective*. De Gruyter, 141–152.
- Burtseva, E., Sleptsov, A., Bysyina, A., Fedorova, A., & Dyachkovskii, G. (2020). Mining and Indige-nous Peoples of the North: Assessment and Development Prospects. In *Resources*, 9(8), 95.
- Burykin, A. A. (2020). Buddiyskiye motivy v fol'klore (na materiale kalmytskikh, tuvinskikh i bury-atiskikh epicheskikh proizvedeniy i bogatyrskikh skazok) [Buddhist motives in folklore (based on Kalmyk, Tuvan and Buryat epics and heroic tales)]. In *Novyye issledovaniya Tuvy [New studies of Tuva]*, (3), 189–209.
- Burykin, A.A. (2011a). Yenisey i Angara. K istorii i etimologii nazvaniy gidronimov i izucheniyu perspektiv formirovaniya geograficheskikh predstavleniy o basseynakh rek Yuzhnoy Sibiri [Yenisei and

Angara. On the history and etymology of the names of hydronyms and the study of the prospects for the formation of geographical ideas about the river basins of Southern Siberia]. In *Novyye issledovaniya Tuvy* [New explorations of Tuva], 2–3, 279–304.

Burykin, A.A. (2011b). Yenisey. Istoricheskiye, etnograficheskiye i lingvisticheskiye zagadki gidronima [Yenisei. Historical, ethnographic and linguistic riddles of hydronym]. In *Vestnik ugrovedeniya. Istoriya, arkheologiya, etnografiya* [Bulletin of Ugric Studies. History, archeology, ethnography], 3 (6), 43–51.

Dashkovskiy, P. K., Goncharova, N. S. (2021). Deyatel'nost' komissiy sodeystviya po kontrolyu soblyudeniya zakonodatel'stva o religioznykh kul'takh v seredine 1970-nachale 1980 gg. v Khakasii (Yuzhnaya Sibir') [Activities of the Commissions for Assistance to Control Compliance with Legislation on Religious Cults in the mid-1970s and early 1980s. in Khakassia (Southern Siberia).], In *Religiovedeniye* [Religious Studies], (1), 51–63.

Davis, J. L. (2016). Language affiliation and ethnolinguistic identity in Chickasaw language revitalization, In *Language & Communication*, 47 (2016), 100–111. DOI: 10.1016/j.langcom.2015.04.005

Davydov, V. N., Belyayeva-Sachuk, V. A., Davydova, Ye. A. (2021). Rezhim avtonomnosti v Vostochnoy Sibiri: meditsinskiye praktiki v usloviyakh tundry, taygi i stepey [Autonomy modes in Eastern Siberia: medical practices in tundra, taiga and steppes] In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], 1(70), 60–69.

Dirin, D. A., Fryer, P. (2020). The Sayan borderlands: Tuva's ethnocultural landscapes in changing natural and sociocultural environments. In *Geography, Environment, Sustainability*, 13(1), 29–36.

Dmitrieva, V., Fedorova, K. (2021). Making a set of jewelry «Northern Sun» in Evenki style. In *E3S Web of Conferences* (Vol. 244), 05035. EDP Sciences.

Dyrkheyeva, G. A., Tsybenova, CH. S. (2020). Yazykovyye ustanovki i yazykovaya loy'al'nost' nositeley malykh yazykov v usloviyakh natsional'no-russkogo dvuyazychiya (na primere buryat i tuvintsev) [Linguistic attitudes and linguistic loyalty of speakers of small languages in the conditions of national-Russian bilingualism (on the example of Buryats and Tuvans)]. In *Novyye issledovaniya Tuvy* [New studies of Tuva], (1), 62–74.

Golovina, S. Yu. (2011). Igrovaya i ekologicheskaya kul'tura – na strazhe zdorov'ya korennykh malochislennykh narodov Tyumenskogo Severa po dannym fol'klora [Play and ecological culture – guarding the health of the indigenous small-numbered peoples of the Tyumen North according to folklore]. In *Bulletin of Ugric Studies. History, archeology, ethnography* [Bulletin of Ugric Studies. History, archeology, ethnography], 3 (6), 52–54.

Horowitz, L.S., Keeling, A., Lévesque, F., Rodone, T., Schott, S., Thériault, S. (2018). Indigenous peoples' relationships to large-scale mining in post/colonial contexts: Toward multidisciplinary comparative perspectives, In *The Extractive Industries and Society*,

Istomin, K.V., Habeck, J. O. (2016). Permafrost and indigenous land use in the northern Urals: Komi and Nenets reindeer husbandry, In *Polar Science*, 10 (2016), 278–287. DOI: 10.1016/j.polar.2016.07.002

Kaduk, Ye. V. (2017). Rynochnyy obmen i praktika delezha v anabarskom rayone respubliki Sakha (Yakutiya) [Market exchange and the practice of division in the Anabar region of the Republic of Sakha (Yakutia)], In *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 6, 111–127.

Kan, V. S. (2016). Ethnosocial profile of Tuvans, In *New Research of Tuva*, 2 (2016), 52–72.

Karapetova, I.A. (2012). Purovskiy lesnyy nentsy: nekotoryye aspekty khozyaystvenno-kul'turnoy i sotsial'noy adaptatsii [Purovsky forest Nenets: some aspects of economic, cultural and social adaptation]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography], 1 (16), 92–101.

Karelin, E. K. (2018). The problematic aspects of cultural policy in modern Tuva, In *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*, 11 (2), 218–226.

Kharzinova, V. R., Deniskova, T. Ye., Dotsev, A. V., Solov'yeva, A. D., Romanenko, T. M., Layshev, K. A., ... & Zinov'yeva, N. A. (2019). Razrabotka i validatsiya snp-paneli nizkoy plotnosti dlya kharakteristik geneticheskogo raznoobraziya populyatsiy severnogo olenya (rangifer tarandus) [Development and valida-

tion of a low density snp panel for characterizing the genetic diversity of populations of reindeer (*rangifer tarandus*)). In *Sel'skokhozyaystvennaya biologiya [Agricultural Biology]*, 54 (6).

Kirilenko, Ye. I. (2020). Nit' na zapyast'ye: tuvinskiy opyt zdorov'ya (po materialam interv'yuu so studentami tuvinskoy diaspory Tomska) [Thread on the wrist: Tuvan experience of health (based on interviews with students of the Tuvan diaspora of Tomsk)]. In *Novyye issledovaniya Tuvy [New studies of Tuva]*, (1).

Kirko, V.I., Koptseva, N.P., Malakhova, E.V., Razumovskaya, V.A., Yanova, M.G. (2018). Characteristics of economic socialization of high school students in the northern territories of Krasnoyarsk krai and the Sakha (Yakutiya) Republic, In *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 8 (2), 209–221.

Koptseva, N. P., & Kirko, V. I. (2014). Modern specificity of legal regulation of Cultural Development of the Indigenous Peoples of the Arctic Siberia (the Altay Region, the Zabaikalsky Region, Republic of Buryatia, Russia). *Life Science Journal*, 11(9), 314–319.

Koptseva, N. P., Reznikova, K. V., & Razumovskaya, V. A. (2018). The construction of cultural and religious identities in the temple architecture, In *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*, 2018, 11(7), 1021–1082.

Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Kirko, V.I. (2017). The political struggle for Evenkia's «special status» within Krasnoyarsk krai (Central Siberia), In *Asian Politics and Policy*, 9 (1), 99–121.

Kvashnin, Yu.N. (2012). Ethnic and demographic processes among the Taz Nenets at the beginning of the XXI century [Ethnic and demographic processes among the Taz Nenets at the beginning of the XXI century]. In *Bulletin of archeology, anthropology and ethnography [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]*, 3 (18), 141–152.

Laishev, K., Sleptsov, E., FogeL, L., Kisil, A., & Veretennikov, V. (2020). Concept development to optimize the reindeer brucellosis prevention. In *Advances in Animal and Veterinary Sciences*, 8(s2), 18–23.

Lamazhaa, CH. K. O. (2019). Geokul'turnyye obrazy buddiyskogo mira tuvintsev: istoricheskiy kontekst i sovremennost' [Geocultural images of the Buddhist world of Tuvans: historical context and modernity]. In *Novyye issledovaniya Tuvy [New studies of Tuva]*, (3), 27–40.

Lamazhaa, CH. K. O., Bicheldey, U. P., & Mongush, A. V. (2020). Tuvinskoye buddiyskoye palomnichestvo: ot traditsii k vere. [Tuvan Buddhist Pilgrimage: From Tradition to Faith]. In *Novyye issledovaniya Tuvy [New studies of Tuva]*, (4), 135–155.

Leshchinskaya, N.M. (2021) Kul'turologicheskie podhody k analizu proizvedenij dekorativno-prikladnogo iskusstva [Cultural approaches to the analysis of works of decorative and applied art], In *Severnyye arhivy i ekspeditsii [Northern archives and expeditions]*, 5(2), 9–15.

Leshchinskaya, N.M., Sertakova, E.A., & Pashova, E.V.(2021) Traditsionnaya ekonomika korennykh narodov Severnoy Azii, prozhivayushchih v zonah s ekstremal'nym klimatom [Traditional economy of the indigenous peoples of North Asia living in zones with extreme climates], In *Sibirskiy antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 5(1), 20–29.

Lushnikova, O. L. (2020). Faktory adaptatsii migrantov iz sel'skoy mestnosti (na primere odnogo iz narodov Sibiri – khakasov) [Factors of adaptation of migrants from rural areas (on the example of one of the peoples of Siberia, the Khakass)], In *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring) [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)]* (2), 106–122.

Maj, E. et al. (2012). Internationalisation with the use of Arctic indigeneity: the case of the Republic of Sakha(Yakutia), Russia. In *Polar Record*, 48 (3), 210–214.

Mamontova, N. (2016). From «Clan» to Speech Community: Administrative Reforms, Territory, and Language as Factors of Identity Development among the Ilimpii Evenki in the Twentieth Century, In *Sibirica*, 15 (2), 40–72.

Mamontova, N. A. (2019). «Priyekhali by vy v proshlom veke»: otnosheniye k yazyku i kodovyye pereklyucheniya sredi evenkov v urbanizirovannom prostranstve PGT Tura [You would have come in the last century»: attitude to language and code switching among the Evenks in the urbanized space of the urbanized urbanization of Tura.]. In *Antropologicheskij forum [Anthropological Forum]*, (42).

- McElhinny, B. (2016). Reparations and racism, discourse and diversity: Neoliberal multiculturalism and the Canadian age of apologies, *In Language & Communication*, 51 (2016), 50–68.
- Mulerova, T., Uchasova, E., Ogarkov, M., & Barbarash, O. (2020). Genetic forms and pathophysiology of essential arterial hypertension in minor indigenous peoples of Russia. *In BMC cardiovascular disorders*, 20, 1–7.
- Novikova, N. I. (2016). Who is responsible for the Russian Arctic?: Co-operation between indigenous peoples and industrial companies in the context of legal pluralism, *In Energy Research & Social Science*, 16 (2016), 98–110. DOI: 10.1016/j.erss.2016.03.017
- Pashova, E.V. (2021) Mirovyie tendentsii i praktiki vzaimodejstviya s korennyimi narodami v oblasti obrazovaniya [World trends and practices of interaction with indigenous peoples in the field of education], *In Severnyie arhivy i ekspeditsii [Northern archives and expeditions]*, 5(1), 112–126.
- Pietikäinen, S. (2018). Investing in indigenous multilingualism in the Arctic, *In Language & Communication*, 62 (2018), 184–195.
- Popkov, Y. V., Tiugashev, E. A. (2018). Economic culture of the tuvans within the scope of the socio-cultural approach, *In New Research of Tuva*, 2 (2018), 22–39.
- Prout, S., Biddle, N. (2015). The Social Geographies of Indigenous Population and Housing in Australia's Regional Urban Centres. *In Australian Geographer*, 46 (1), 51–71.
- Reznikova, K.V., Seredkina, N.N., Zamaraeva, Y.S., Koptseva, N. (2017). The traditional economy of indigenous peoples of Central Siberia (the case of the selkups), *In International Journal of Economic Research*, 14 (15), 261–270.
- Rumsey, A. (2018). The sociocultural dynamics of indigenous multilingualism in northwestern Australia, *In Language & Communication*, 62 (2018), 91–101. DOI: 10.1016/j.langcom.2018.04.011
- Schæfli L., Godlewska A. (2014). Social ignorance and Indigenous exclusion: public voices in the province of Quebec, Canada. *In Settler Colonial Studies*, 4 (3), 227–244.
- Semenova, N. B., Lapteva, L. V. (2015). The social hygienic and medical demographic characteristics of families of indigenous population of Yakutia. *In Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, 23 (5), 12–16.
- Semyonova, A. A., Bralkova, A. V. (2011). Title of the Article: Visualization of the Concept of «the North» in Fine Arts, *In Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 4, 476–491.
- Seredkina, N.N., Koptseva, N.P. (2018). International and russian practices of preserving and reproducing the languages of the small-numbered indigenous peoples of the North, *In Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11 (12), 2056–2077.
- Shadrina, S. S., Sivtseva, A. I., Sivtseva, E. N., Donskaya, A. A., Ivanova, O. N. (2019). Behavioural risk factors of arterial hypertension in the Evenk population of the Russian Arctic. *In International journal of circumpolar health*, 78(1).
- Shpak, A.A., & Pchelkina, D.S. (2021) Formirovanie slozhnykh identichnostej i processy etnicheskoi samoidentifikatsii (na materiale analiza regionov sibirskogo federal'nogo okruga) [The formation of complex identities and the processes of ethnic self-identification (based on the analysis of the regions of the Siberian Federal District)], *In Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 5(2), 86–96.
- Solovar, V.N. (2011). Vozrast v semanticheskom prostranstve obraza cheloveka kak komponent yazykovoy kartiny mira khantov (na materiale kazym'skogo dialekta) [Age in the semantic space of a person's image as a component of the Khanty linguistic picture of the world (based on the Kazym dialect)]. *In Vestnik ugrovedeniya. Filologiya. [Bulletin of Ugric Studies. Philology]*, 4 (7), 56–60.
- Soukhovolsky, V. G., Savchenko, A. P., & Muravyov, A. N. (2020). On the modeling of wild reindeer Rangifer tarandus sibiricus Murrey, 1886 migration processes using the example of the Taimyr-Evenki population. *In Journal of Physics: Conference Series* (Vol. 1515, No. 3, p. 032068). IOP Publishing.
- Stonefish, T., Kwantes, C. T. (2017). Values and acculturation: A Native Canadian exploration, *In International Journal of Intercultural Relations*, 61 (2017), 63–76.
- Tarbastayeva, I.S. (2016). The legal field of ethnic policy in the republic of Tyva since 1991, *In New Research of Tuva*, 2 (2016), 116–140.

Tinikova, E. Y. (2020). Osobennosti etnichnosti i mezhetnicheskikh otnosheniy v gorodskoy i sotsial'noy srede Khakasii. [Features of ethnicity and interethnic relations in the urban and social environment of Khakassia]. In *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes.], (4), 533–548.

Tisdell, C. (2018). The sustainability and desirability of the traditional economies of Australian Aborigines: Controversial issues, In *Economic Analysis and Policy*, 57 (2018), 1–8.

Tsybenova, CH. S. (2019). Sotsial'naya kharakteristika yazykovoy situatsii v Respublike Tyva [Social characteristics of the language situation in the Republic of Tuva]. In *Oriental Studies*, (3 (43)), 460–477.

Ushnitskiy, V.V. (2011). Mify i svedeniya o plemeni tumatov: Khakasiya, Tuva, Pribaykal'ye, Lenskiy kray [Myths and information about the Tumat tribe: Khakassia, Tuva, Pribaikalye, Lensky Krai]. In *Novyye issledovaniya Tuvy* [New studies of Tuva], 2–3, 248–260.

Vladimirova, V. (2020). Technologies of Modern Reindeer. In *Norsk antropologisk tidsskrift*, 31(04), 249–267.

Vorob'ev D. V. (2013). Contemporary Beliefs of Northern Wild Deer Hunters: (The Case of the Chirinda Evenki). In *Anthropology & archeology of Eurasia*, 52 (3), 34–58.

Zamaraeva, Y.S. (2021) Slozhnye formy etnicheskoj identichnosti [Complex forms of ethnic identity], In *Severnye arhivy i ekspedicii* [Northern archives and expedition], 4(2), 75–89.

Ziker, J. P. (2105). Linking disparate approaches to the study of social norms: an example from northern Siberia. In *Sibirica*, 14 (1), 68–101.

DOI: 10.17516/1997-1370-0814
УДК 392

Stages of the Tungus-Manchu Wedding Ceremony of the 19th-early 20th Centuries as an Indicator of the Ethnocultural Mentality

Tatiana Iu. Sem*

*Russian Museum of Ethnography
St. Petersburg, Russian Federation*

Received 10.07.2021, received in revised form 02.08.2021, accepted 10.08.2021

Abstract. The article is devoted to one of the traditional life cycle rituals, the wedding ceremony of the Tungus-Manchus, based on the materials of the late 19th-early 20th century. Ritual practice is an up-to-date issue in today's ethnography and cultural studies. The main semantic meaning of the Tungus-Manchu wedding ceremony is the union of a man and a woman of two exogamous genera. The article reveals the mental features of the main Tungus-Manchu wedding ceremony stages at three levels: action, folklore and material. The paper employs the hermeneutical method of analysing the material that studies the ritual, the material world and folklore associated with the wedding from the cultural text point of view. In general, the study relies upon the analysis of the symbolism and semantics of the Tungus-Manchu wedding ceremony. Based on the analysis of the main stages of the Tungus-Manchu wedding ceremony, the author concludes that the mental principle of the Tungus-Manchu wedding ceremony is the union of a man and a woman in marriage, perceived as the unity of the male and female elements associated with the cult of fertility, as well as their transition to a new status of married people, and the cosmic aspect of the unity of heaven and earth, the sun and the moon, the material component of the ritual.

Keywords: wedding ceremony, Tungus-Manchus, semantics, mental features.

The article was written with the support of the Project of the RFBR and the National Centre for Scientific Research of France (NCNIA) No. 21–59–15002 «The mentality of the Tungus-Manchus and Paleoasiates of Eastern Siberia and the south of the Far East as a worldview basis and an indicator of the features of the life system».

Research area: ethnography; history.

Citation: Sem, T. Iu. (2022). Stages of the tungus-manchu wedding ceremony of the 19th-early 20th centuries as an indicator of the ethnocultural mentality. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(5), 717–726. DOI: 10.17516/1997-1370-0814.

Этапы свадебной обрядности тунгусо-маньчжуров XIX – начала XX в. как показатель этнокультурного менталитета

Т.Ю. Сем

Российский этнографический музей

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена одному из традиционных ритуалов жизненного цикла – свадебной обрядности тунгусо-маньчжуров по материалам конца XIX – начала XX века. Изучение ритуальной практики является актуальной проблемой в этнографии и культурологии. Главный семантический смысл свадебной обрядности тунгусо-маньчжуров заключался в единении мужчин и женщин двух экзогамных родов. Статья раскрывает ментальные особенности главных этапов свадебной обрядности тунгусо-маньчжурских народов в сравнительном плане на трех уровнях: акциональном, фольклорном и материальном. В статье использован герменевтический метод анализа материала, изучающего ритуал, вещный мир и фольклор, связанные со свадьбой, с позиции текста культуры. В целом материал статьи рассмотрен с позиции анализа символики и семантики свадебной обрядности тунгусо-маньчжуров. На основании анализа основных этапов свадебной обрядности тунгусо-маньчжуров автор пришел к выводу о том, что ментальные основания свадебной обрядности тунгусо-маньчжуров состояли в соединении мужчин и женщин в браке и воспринимались как единение мужского и женского начала природы, связанного с культом плодородия, а также перехода их в новый статус замужних и женатых людей, и космический аспект единения неба и земли, солнца и луны, вещной составляющей ритуала.

Ключевые слова: свадебная обрядность, тунгусо-маньчжуры, семантика, ментальные особенности.

Статья написана при поддержке Проекта РФФИ и Национального центра научных исследований Франции (NCN1a) № 21–59–15002 «Менталитет тунгусо-маньчжур и палеоазиатов Восточной Сибири и юга Дальнего Востока как мировоззренческая основа и показатель особенностей жизнедеятельности».

Научная специальность: 07.00.07 – этнография, 07.00.02 – история.

Introduction

The problem of studying the ethnocultural mentality is one of the most popular in Russian historiography. The mental features of any ritual practice are manifested in its structure: behavioural ritual, material objects, and folklore narratives. Thus, the ethnocultural mentality is characterised by disclosing the way of thinking (what and how people think) at the level of the worldview, archetypes of behaviour, ways of life, cultural symbols and values, and cultural artefacts. It becomes visible in the models

of rituals, narratives' formulas, material world objects, and their decor.

There are well-known published papers devoted to the studies of Tunguso-Manchu mentality (S. M. Shirokogorov, G. I. Varlamova, A. A. Sirina, N. V. Ermolova, S. V. Bereznitsky, L. I. Missonova, V. N. Davydov, A. N. Varlamov, T. D. Bulgakova, A. F. Startsev, V. V. Podmaskin, T. Iu. Sem). Among foreign works, there are articles and books by A. Lavrillier, D. Brondishauskas, A. Dumont and others on

political history, ruler's status, natural phenomena, economic activity, technology, beliefs, rituals, and artistic culture. These works deal with material culture, economic activity, individual elements of ritual practice (commercial, calendar), the pantheon, and shamanism. They reveal the specifics of the relationship between nature and economy, beliefs, and the sacred landscape.

A wedding ceremony characterises the relationship between two social groups (genera), men and women, who unite in marriage and create a family as a social, economic and spiritual unit of society. Wedding rites include a complex behavioural set of rituals, taboos, exchange of gifts, locality of their conduct, the role of the male and female halves of the genus-linearity, associated with particular material objects of the wedding and folklore. The primary meaning of the wedding ceremony is the unity of the male and female elements of the two genera based on the cult of fertility.

The Tungus-Manchu wedding rite studies of the 19th-early 20th centuries usually focused on a general description of the people's culture as a whole. They are associated with the names of P.P. Shimkevich, I.A. Lopatin, S.M. Shirokogorov, B.O. Pilsudsky, A.M. Zolotarev. In more detail, the action aspect of the wedding was studied in the mid-late twentieth century by such famous scientists as G.M. Vasilevich, Iu.A. Sem, E.A. Gaer, A.V. Smoliak, V.S. Starikov, A.V. Romanova and A.N. Myreeva, U.G. Popova, A.F. Startsev. These works also contained separate elements of the analysis of the wedding folklore (good wishes) and material items (clothing, jewellery). In the subsequent period of the 21st century, the problems of wedding and family rites of individual Tungus-Manchu tribes, e.g. Nanai, Udege, and Negidal people were studied by A.F. Startsev, S.V. Bereznitsky, and E.V. Fadeeva. The main focus of these works was the action aspect of the wedding rituals of the Tungus-Manchus. Questions of folklore and the materiality of the wedding ritual are poorly studied. A comparative study on the wedding rites of all the Tungus-Manchu peoples has not been conducted before.

Problem statement

and theoretical framework

In this regard, the purpose of this article is to study the main mental features of the wedding ceremony of all the Tungus-Manchu peoples in comparative terms in the process of its main stages at three levels, i. e. action, folklore and material items. The objectives of the study are laid down in its goals: to consider the different statuses of the ritual behaviour of the wedding ceremony: art, games, ceremony, space arrangement; to investigate the features of the material objects employed in the wedding ceremony; to characterise wedding wishes as an element of folklore. The scientific novelty of the article lies in the fact that this is the first time the wedding ceremony is described in comparative terms from the position of the ethnocultural mentality on three levels: actional, material and folklore.

Method

The primary methodological approach to the study of the designated topic, i. e. the wedding rites of the Tungus-Manchus as an indicator of the ethnocultural mentality-involves a hermeneutic analysis of the material, i. e., the study of ritual, material objects and folklore from the perspective of the cultural text.

Discussion

The problem of wedding rite studies is identifying its symbolism and semantics at the ritual and material levels. This aspect has been poorly studied in the papers published so far. This study focuses on this problem from the perspective of a comparative analysis of the main stages of the wedding ceremony of all groups of Tungus-Manchus. The paper relies upon the principal works of scientists who describe the wedding rituals of the Tungus-Manchus.

The main stages of the Tungus-Manchu wedding ceremony are: 1. Matchmaking, agreement about marriage and bride price, *kalym*. 2. Delivery of *kalym* to the bride's father's house. 3. Feast at the bride's house. 4. Re-entry of the bride to the groom's house. 5. Customs and rituals in the groom's house. 6. Marriage. 7. Wed-

ding feast at the groom's house. 8. Departure of relatives.

The Tungus-Manchu peoples sought wives in other families, mostly from their mother's side, strictly observing the principles of exogamy, as they were afraid of evil spirits. Marriage between siblings was a taboo (Gaer, 1991: 64; Bereznitsky, 1993: 143; 2000: 23; Tugolukov, 1980: 54; Lindenau, 1983: 65). Therefore, for example, according to our field materials collected in Yakutia by P. Olenek in 1988–1990 and P. Iengra in 1994, the Evenki would often go far away to find a bride in another district or region from Yakutia to Evenkia, from the north to the south of Yakutia, up to the Khabarovsk Territory. And the Nanai and other peoples of the Amur would travel from one village to another. There were also known interethnic marriages of Nanai people with Ulchi, Nivkhs, Udege people, Negidals (Sternberg, 1933: 21, 286–289).

Before matchmaking, after the end of the fur hunting season, the young Udege men would come to visit their maternal relatives to look for a bride for themselves or their sons. There, they would spend time around the campfire with dances, games, and treats (Startsev, 2005: 211).

During matchmaking, matchmakers from other families would come to the bride's house to do various well-being rituals. According to the Evenk tradition, a whistling arrow would be shot into the air to protect all the ritual participants from the evil spirits and notify them of the groom's intentions (Vasilevich, 1969: 160). The Nanai also shot an arrow into the sky during matchmaking in the groom's house. The Orochons of Transbaikal had a tradition of installing two freshly cut trees at the bride's father's house: the matchmaker with an icon in his hands had to walk between the trees. After that, he bowed to the household idols and the bride's father. Then he delivered three deer as part of the *kalym* (Tugolukov, 1980: 58). The Sim Evenks have another interesting custom: the matchmaker must come to the bride's father's house with a staff decorated with red cloth rags (Vasilevich, 1969: 160). The staff symbolised the rod of happiness, the ancestral tree of life and fertility. According to our field

materials of 1988, collected from the Evenks of Olenek by Benchik V. A., the matchmaker used a female deer staff from the bride's dowry with an L-shaped silver pommel with a protective zigzag carving and three circles on the shaft, symbolising the three suns of the three worlds. According to the tradition of the Yakutian Evens, the matchmaker would lay some firewood in the bride's ancestral hearth, wishing her well on the part of the groom and making a pass at the bride's ancestral hearth (Alekseeva, 2008:162). Among the Udege people, if the bride's parents agreed to the marriage, the matchmaker would give them a silver one-rouble coin, a bracelet, and a pair of earrings (Startsev, 2005: 216). In the 18th century, in the tradition of the Tungus of the Chapagir living by the Angara River, the matchmaker had to bring a deer bridle and an iron palm tree to the house of the bride's father (Tugolukov, 1980: 55). Among the Okhotsk and Yakut Evens, the presentation of a tobacco pouch to the bride's father by the matchmaker was also a meaningful ceremony. It was a woman's pouch embroidered with blue, white, and black beads. Usually, the embroidery pattern on the pouch was an equilateral cross or a spider. It symbolised a talisman against evil spirits, while a spider, according to our field materials of 1982 from the northeast of Yakutia, the village of Kolymskoye, was the zoomorphic hypostasis of the progenitor goddess, patroness of women and home. If the father took the tobacco pouch and a pipe in his hands, it meant that he approved the marriage of his daughter (Popova, 1981:153–154; Alekseeva, 2008: 162). Among the Nanai people, it was customary to present the bride's family with vessels of rice vodka, quite an expensive item the Amur peoples bought from the Chinese or Japanese (Lopatin, 1922: 151). A drink offered to the spirits of the hearth, vodka was considered to be more than an alcoholic beverage, but a sacred substance bringing happiness to the future family.

Agreement in matchmaking was usually concluded when the young people reached the reproductive age of 14–16 years. But the Nanais, Evenks, Manchus could make matches for children who were not yet born or were in the mother's womb; for the Evenks, Evens,

Nanais, it was quite common to match young children. Based on the levirate principles, the wife could be sometimes much older than her husband (Shirokogorov, 2017: 371, 376–377; Lopatin, 1922: 149–150; Shimkevich, 1896: 98; Startsev, 2005: 213, 215; Gaer, 1991: 65). The most common method of marriage was through paying the bride price, *kalym*, or *tori* in Tunguska. In addition, sometimes the matches were made by exchanging sisters, rarely by kidnapping or as a result of military clashes during family feuds before the arrival of the Russians (Vasilevich, 1969: 156–157; Shimkevich, 1896: 92; Bereznitsky, Fadeeva, 2014: 200; Startsev, 2005: 214). At the end of the 19th – early 20th century, *kalym* was already more than a dowry. It was a half or a third more than it (Shirokogorov, 2017: 37; Tugolukov, 1980: 54–55). Interestingly, in ancient times, marriages required equal exchange, with the *kalym* equal to the dowry (Vasilevich, 1969: 157).

According to the Tungus-Manchu folklore, the groom's wedding test played an important role in the matchmaking process. The Evens, Nanais, and Evenks would make such a test in the form of an archery competition: usually, it required to make a shot through iron or wooden things, hit the eye of a needle, or lift a heavy stone (Lindenau, 1983: 65; Chadaeva, 1986: 66–67; Shimkevich, 1896: 70; Romanova, Myreeva, 1971: 286–287). Also, in folklore, the bride chose her groom by throwing her hat on him (Shimkevich, 1896: 106). The Nanai folklore said that if a girl breaks the bowstring of a young man, she will become his wife (Chadaeva, 1986: 66).

During the matchmaking process, the matchmakers and the bride's father negotiated the composition and size of the *kalym*. In the late 19th – early 20th centuries, for the Transbaikalian Evenks it could be around 20–60 deer (Shirokogorov, 2017: 375); the Sakhalin Evenks requested various furs, Chinese silk, 20–30 deer and 50–300 rubles (Tugolukov, 1980: 59); the Manchus preferred cattle (pigs, sheep, geese), fabrics, clothing, vodka, and money as an essential part (Starikov, 1965: 681); the middle-class Nanais offered money, 2 cast-iron cauldrons, 10 pieces of Chinese silk, 3 buckets of vodka, clothing including a Chinese robe,

as well as some pigs (Lopatin, 1922: 149), the rich Nanai *kalym* could include 100 robes and 40 pairs of shoes, several dozens of *nogovits*, dishes, tools (Gaer, 1991: 69). At one of the Sakhalin excavation sites, a boat, a cauldron, *toli* jewellery, a Manchurian robe, etc. were found (Pilsudsky, 1989: 19). The Udege people requested the *kalym* of 50–100 roubles in cash, sables or different goods, and some clothing.

In the bride's house, special attention was paid to sacrificial rites. For example, the Evens smeared the hearth in the yurt with the blood of the sacrificial she-deer, sprinkled it around the hearth, and sacrificed the carcass to the patron spirit of the family (Popova, 1981: 155).

In some groups of the Evenks, as well as Negidals, Udege, and Nanai, the first feast was held in the house of the bride's father. The young couple spent their wedding night, concluding the marriage, which testified to the matrilocality of the marriage (Sternberg, 1933: 532; Lopatin, 1922: 152–153; Shirokogorov, 2017: 382; Gaer, 1991: 69; Startsev, 2005: 217; Gaer, Bereznitsky, 2003: 204). According to the tradition of the horse breeding Tunguses, the first wedding night was spent in the groom's house (Shirokogorov, 2017: 395–396).

In the house of the bride's father, the young girl dressed in festive and wedding clothes. For the reindeer-breeder Evenks, it was typical to dress the bride in 3–4 of her best dresses with a shawl over her shoulders and a special scarf attached to her belt (Shirokogorov, 2017: 386). Judging by the REM collections, the Nanai bride's clothing also included a festive fishskin or cotton robe decorated with a curved ornament on the back with the image of dragons or bears, figures of fertility deities, and the tree of life (REM Col. 1871–22, 1524–3, 10018–68, 4218–1). A bib with bronze plaques was a mandatory element of wedding clothing (Gaer, 1991: 71).

The main element of the wedding outfit for the Transbaikalian Evenks was a kaftan and a *yoji* vest, for the Nanai, Ulchi, and Negidal people, it was a sleeveless *sike* robe worn over a festive robe. *Shike* was a top similar to the Turkic *chigidek* (Shirokogorov, 2017: 393; Sem, 1973: 215–225; Melnikova, 2005: 169–191; Titoreva, 2016: 217–220; Sem, 2016: 210–216; REM

Col. 2566–21,22; MAE Col. 1837–104, 107; 3656–1). The shirtless *sike* robe was usually made from the red deer's fur and embroidered with deer hair and silk or from silk or cotton bought from Chinese or Russian merchants. On the back of the women's *shike*, two family trees with birds symbolising the souls of unborn children were embroidered together with some images of animals, often a dragon, the Koori bird, a tiger, which were believed to protect the young couple and bring them happiness. The symbolism of the robe was aimed at ensuring the fertility of the young wife and expressing her desire to have many healthy children. The REM museum collections contain many festive robes with a double left-hand hem, sewn from fish skin and decorated with an applique depicting the gods of fertility (Sem, 2016: 210–216; REM col. 1871–22, 1524–3, 1545–1, 10018–68, 4218–1). Most of the museum collections present women's wedding gowns, but there are several Ulchi, Nanai and Negidal men's outfits. The ornaments on the men's gowns differ for depicting birds and one family tree with birds. Besides the *sike* robe, there are other wedding clothing items in the museum collection (Melnikova, 2005: 181–184).

Among them, there are bibs with metal ornaments, bronze plaques and an eight-shaped pattern on the collar as a symbol of the goddess of fire and home; a Manchu multi-petalled bib symbolising the sun, the universe; a cap with spiral embroidery on the temples and decorated with buttons in the form of a cross on the forehead, symbols of the sun, transition to a new status; a wide belt with a cross-shaped, zigzag and spiral pattern; wedding mittens and armbands with a spiral ornament with the image of the fertility deities. For the Udege, it was common to keep the bride's attire in the bride's house. On the back of the wedding women's gown, there was a cross being a symbol of the four directions representing happiness and well-being. The shoes were embroidered on the tops and front. The groom was dressed in festive clothes as well (Startsev, 2005: 217).

During the wedding ceremony, the Nanai and Ulchi brides wore a silver breast ornament and a generic jade ring of green or white colour

with long chalcedony beads, which, touching each other, symbolised the union of the male and female principles, and fertilisation (Sem, 1973: 230–234; Chadaeva, 1986: 66–69; Gaer, 1991: 72). For this purpose, the Evenk brides wore multicoloured beaded crescent-shaped breast decorations and three long low beads ending in silver coins at the ends. This was associated with the cult of the moon and the ancestor goddess. The Amur Evenks, Manegras made ritual tribal shamanic complex of wooden idols, which included the image of a crescent moon with a woman's figure, on which the family tree was drawn (REM Col. 4216–470ab; On the edge of the worlds, 2006: 58).

The bride's wedding hairstyle was different from that of an unmarried girl's. The Nanai girls wore their hair in two braids, folded in several rows and tied with a string; the bride's hair was plaited in two braids, placed around the head with the ends hanging freely back (Gaer, Bereznitsky, 2003: 204). The horse breeding Tungus of Transbaikalia intertwined seven maiden's hair with two braids of the bride (Vasilevich, 1969: 165).

The most important stage of the Tungus-Manchu wedding ceremony was considered the bride's arrival at the groom's house. According to the tradition of Evenks and Evens, the bride would move to her groom's dwelling on horseback, covered with a red veil. The red colour symbolised the magic of fertility. The reindeer wore a wedding halter made of red cloth with three branches and decorated with beadwork and metal plaques. The number three characterised the three worlds of the universe. Together with the bride sitting astride the wedding deer, the matchmaker made three circles in the sun's direction around the groom's *chum*. The triple circumnavigation of the sun symbolised the cosmic aspect of the universe and the world order. Men shot arrows into the air or, later, fire their guns to ward off the evil spirits (Vasilevich, 1969: 162; Popova, 1981: 156–157). In the early 20th century, according to the Sakhalin Evenk tradition, the bride rode a reindeer to the groom's house, holding a staff with a silk handkerchief and an icon tied to it (Tugolukov, 1980: 60). Judging by the fact that the Manchu bride stepped over the threshold of her groom's

house in a saddle, she was sitting in a palanquin (Starikov, 1965: 681).

The Nanai, Ulchi, and Negidal people transported their brides by boat during summer or by dog sledges during winter. According to the ancient custom, the groom had to meet the bride and tear her veil off (Lopatin, 1922: 154; Bereznitsky, Fadeeva, 2014: 204; Smoliak, 1994: 130). The Ulchi had a well-known custom of keeping the bride in a boat (Zolotarev, 1939: 57–58). The Nanai people had a fascinating tradition of grabbing the bride (Lopatin, 1922: 161). The horse breeding Tunguses of Transbaikalia would play a fight for a pillow in the groom's house and make the ceremony of catching happiness (corresponding to the ancient rite of kidnapping the bride), as well as the ritual of galloping on horsebacks around the fire near the bride's house (Shirokogorov, 2017: 392). In this ritual, the bride symbolised the progenitor goddess, the patroness of the tree of life.

Special rites were performed at the entrance to the groom's house. The Evenki brides crossed the threshold by standing on a carpet made of reindeer head skins (Shirokogorov, 2017: 387–388), the Evens did that on a snow shovel or a seal carpet (Popova, 1981: 156–157), the Manchus would ride in the house in a saddle (Starikov, 1965: 681), while the Nanai, Ulchi, Negidal people performed the rite of stepping into the cauldron of the bride and groom, or kneeling on a fur carpet (Zolotarev, 1939: 57; Sternberg, 1933: 533; Lopatin, 1922: 154; Smoliak, 1994: 130). After crossing the threshold, the groom's mother treated the bride and the women who arrived with her to some meat, wine, and tea (Shirokogorov, 2017: 387–388). In the nomadic Tungus tribes of Transbaikalia, the mother met the bride with a cup of milk (Shirokogorov, 2017: 393). The Nanais organised the procession to the groom's house with a special wedding staff with a red cloth on top (Lopatin, 1922: 154). The Evens offered a sacrifice to the supreme deity Havki at their camp. They would slaughter a she-deer and hang its skin on a pole on the eastern side of the chum (Popova, 1981: 156). When the bride moved to the groom's house, the Ulchi performed the rite of offering a sacrifice to the pa-

tron spirit of Edeni land. The newlyweds were girdled with shavings in front of a trough with porridge, berries and *yukkola* (dry meat), and then this offering was taken to the taiga (Smoliak, 1994: 130). Before entering the groom's house, the Udege people prayed to the sun for the bright and happy life of the new family. After entering the house, the prayer was repeated (Startsev, 2005: 219).

It was customary for all Tungus-Manchu brides to make an offering to the spirit of the fire as soon as she entered the groom's house after the ritual of stepping over the threshold; it meant that she joined the groom's family (Shirokogorov, 2017: 387–388; Popova, 1981: 156–157; Lopatin, 1922: 154–155; Arsenyev, Archive of the OIAK PFRGO f. 1, op. 1, d. 5, 324; Startsev, 2005: 219). Leaving her house, the young woman carried a flint, steel and tinder to make a fire in the new home (Gaer, Bereznitsky, 2003: 205). According to the custom of the horse breeding Tungus, when the bride arrived at the groom's house, one of the groom's relatives would strike a fire and pass it to the father-in-law and other relatives of the bride and ask for the well-being of the fire (Tugolukov, 1980: 57).

Around the hearth, the bride and the women who came with her would hang and arrange the items from her dowry. Usually, it consisted of birch bark and wooden utensils, reindeer saddlebags, festive clothing, bed linen, jewellery including bronze *tol*i mirrors, bronze plaques, earrings, rings and feathers, and so on. Among the dowry items, the Nanai people had a rare exhibit, a carved spoon with a figurine symbolising wealth (REM Col. 1524–28). The carvings and ornaments on the figurine carried a symbolic meaning associated with the magic of fertility. When the mother gave the bride this spoon as a dowry, she wished her long happy life and many children. More complex was the rite of sacrifice adopted by the Manchus from the Sungari Nanai. Entering the house of the groom, the bride and other women bowed three times and lit some incense for the heaven and the earth, while the men shot arrows to ward off evil spirits, then bowed to the ancestors and the ancestral fire (Lin Chun Shen, 1934: 220; Starikov, 1965: 681). Among the Udege people,

the newlyweds prayed to the hearth, asking the spirits for a prosperous life (Bereznitsky, 2000: 23). Orochi prayed in front of the groom's house, at noon – in the sun, then prayed in front of the hearth (Bereznitsky, 2001: 25).

The dowry of the reindeer Tungus consisted of two parts: reindeer, horses or cattle, as well as money, tools, clothing, boilers and other utensils (Shirokogorov, 2017: 378). The dowry of the horse breeding Tunguses was somewhat different. It included pillows, two large chests with dishes and utensils, women's and men's clothes and shoes, some sweets, wine, milk vodka, nuts, some money, several handkerchiefs, sheep and goat skins (Shirokogorov, 2017: 391). The Udege dowry consisted of two festive robes, utensils, household items, tools, and 50 silver rubles (Startsev, 2005: 213, 218). Among the Ulchi, the dowry consisted of a bed, wooden and birch-bark utensils, dressing gowns, fur coats and other clothing, pieces of cloth; the rich would give a horse with a harness (Smoliak, 1994:129). The Orochi dowry consisted of a Chinese silk robe with dragons, a Chinese white sheep fur coat, Chinese cast-iron cauldrons, a bear spear with inlay, 5–7 Orochi robes, a set of household items and utensils, jewellery, bronze plaques (Bereznitsky, 2001: 24).

The second wedding feast was held at the groom's house, after the feast at the bride's house. It usually lasted for 2–3 days (Gaer, Bereznitsky, 2003: 206). The Manchus ate millet soup and mutton on this day (Starikov, 1965: 681), the Evenks preferred venison, pies, wine and tea (Shirokogorov, 2017: 388–389), the Evens arranged a tea party with flatbread, meat of ritual reindeer, dish of fish and berries with fat (Popova, 1981: 157–158). The Evenks would dance the *yohor* roundelay dance during the celebration (Vasilevich, 1969: 162, 164).

An important place at this time was occupied by the benevolence of the bride and groom. Usually, the Amur Nanai people prayed to their ancestors' spirits for long and happy life, and many children in the new family. They offered some porridge, fish, tobacco, and vodka to the family hearth, and fed the home spirits (Lopatin, 1922: 154–155). The Aldan Evenks sang a benevolent song to the

young so that the bride and groom keep their family fire, have children, breed cattle and glorify their name, become respected people (Myreeva, 1990: 327).

At the end of the wedding festivities, there was dancing and games, and the guests were given some presents (Startsev, 2005: 220).

This was usually the end of the wedding; the guests would go home, and the young wife would begin settling down in the new house. The groom's relatives made sure that she showed her skills as a young hostess. The Iengri Evenk brides would spend the wedding day trying to be a good hostess, which was a ritual of initiation, the transition to a new status of a married woman.

Conclusion

In the conclusion of the study of the Tungus-Manchu wedding rites, it should be noted that a comparative analysis of its ritual action part, material objects and well-wishes revealed their important role in the formation of a new social unit as a result of the marriage of two young people, the bride and the groom coming from different families. The union of a man and a woman is perceived as the union of the male and female elements of nature, which carries more than just the social aspect of the transition to the new status of adult married people forming the basis for the tribal society, but also the cosmic aspect as the unity of heaven and earth for the Manchus and Nanaia, the sun and moon for all the Tungus-Manchus. From the economic point of view, marriage was also important as a union of two families to improve their well-being. The artistic and game significance of marriage consisted in changing the status of the man and the woman at the level of material objects and folklore, i. e. changing clothes, wearing jewellery, presenting dowry and *kalym* items, participation of the match-maker in the marriage agreement, wishing good to the couple. The mental significance of the Tungus-Manchu wedding ceremony was the idea of fertility, the gender unity of two elements of nature, male and female, enshrined in the mythology of the cosmic foundations. In the ritual component of the wedding ceremony, an important role was played by ritual

gift exchange, rites, fertility magic, propitiatory magic, offerings to the ancestral fire and hearth, family patrons, heaven and earth, and ancestors.

References

- Arsen'ev, V.K. (1907) *Putevoy dnevnik po r. Kusun'. Orochi i r. Bikin udje* [Travel diary on the Kusun river. Orochi and R. Bikin Ude] In: *Archive of the Amur Region Studies Society of the Primorye Branch of the Russian Geographic Society (OIAK PFRGO)*. Fund.1, inventory.1, case .5. Vladivostok, 345.
- Alekseeva, S.A. (2008) *Traditsionnaia sem'ia u Evenov Iakutii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Traditional family among the Evens of Yakutia (late 19th-early 20th century)]. Novosibirsk, Nauka, 109.
- Bereznitskiy, S.V. (2001) *Verovaniia, obriady, obychai i prazdniki*. [Beliefs, rituals, customs and holidays] In: *Istoriia i kul'tura orochev. Istoriko-etnograficheskie ocherki*. St Petersburg: Nauka, 77–102.
- Bereznitskiy, S.V. (1993) *Verovaniia i obriady ul'ta (po materialam mezhdunarodnoy etnolingvisticheskoy ekspeditsii na o. Sakhalin v iul'e-avguste 1990 g.)* [Beliefs and rites of the Ulta (based on the materials of the international ethnolinguistic expedition to Sakhalin Island in July-August 1990)]. In: *Etnicheskie men'shinstva na Sakhaline* / ed. by K. Murasaki. Yokohama: Nat. Univ., 129–157.
- Bereznitskiy, S.V. (2000) *Semeynaia obriadnost' korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina* [Family ritual of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin] In: *Rossia i ATR*, 4, 23–32.
- Bereznitskiy, S.V., Fadeeva, E.V. (2014) *Bytovye obriady i obychai* [Household rites and customs] In: *Istoriia i kul'tura negidal'tsev. Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Vladivostok: Dal'nauka, 199–206.
- Vasilevich, G.M. (1969) *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII- nachalo XX v.)* [Evenki. Historical and ethnographic essays (18th-early 20th century)]. Leningrad: Nauka, 304.
- Gaer, E.A. (1991) *Traditsionnaia bytovaia obriadnost' nanaytsev v kontse XIX – nachale XX v.* [Traditional household rites of the Nanai people at the end of the 19th- 20th centuries.]. Moscow: Mysl', 128.
- Gaer, E.A., Bereznitskiy, S.V. (2003) *Bytovye obriady i obychai*. [Household rites and customs] In: *Istoriia i kul'tura Nanai. Istoriko-etnograficheskie ocherki*. St Petersburg: Nauka, 194–217.
- Zolotarev, A.M. (1939) *Rodovoy stroy i religiia ul'chey* [Patrimonial system and religion of the Ulchi] Khabarovsk: Dal'giz, 206.
- Lindenau, Ja.I. (1983) *Opisanie narodov Sibiri (pervaia polovina XVIII veka). Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (the first half of the 18th century). *Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East*]. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 176.
- Lopatin, I.A. (1922) *Gol'dy amurskie, ussuriyskie i sungariyskie. Opyt etnograficheskogo issledovaniia* [The Amur, Ussuri, and Sungari Golds. Experience of ethnographic research] In: *Zapiski Obshchestva izuchenii Amurskogo kraia Vladivostokskogo otdeleniia Priamurskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. Vol. XVII, Vladivostok, 366.
- Mel'nikova, T.V. (2005) *Traditsionnaia odezhda nanaytsev (XIX–XX vv.)* [Traditional clothing of the Nanai people (19th-20th centuries)]. Khabarovsk: Gosudarstvennyy muzey Dal'nego Vostoka im. N.I. Grodekova, 239.
- Myreeva, A.N. (1990) *Evenkiyskie geroicheskie skazaniia* [Evenki heroic tales]. Novosibirsk: Nauka, 390.
- Na grani mirov. (2006) *Shamanizm narodov Sibiri. (Iz sobraniia Rossiyskogo etnograficheskogo muzeia. SPb.)* [On the edge of worlds. Shamanism of the peoples of Siberia. (From the collection of the Russian Ethnographic Museum. St. Petersburg.)]. M.: Khudozhnik i kniga, 296.
- Pilsudskiy, B.O. (1989) *Iz poezdki k orokam o. Sakhalina v 1904 g.* [From a trip to the Oroks of Sakhalin Island in 1904]. Yuzhno-Sahalinsk: In-t morskoy geologii i geofiziki, 76.
- Popova, U.G. (1981) *Eveny Kamchatskoy oblasti. Ocherki istorii, hoziaystva i kul'tury evenov Okhotskogo poberezh'ia (1917–1977)*. [Evens of the Kamchatka region. Essays on the history, economy and culture of the Evens of the Okhotsk Coast (1917–1977)]. Moscow: Nauka, 304.
- Romanova, A.V., Myreeva, A.N. (1971) *Fol'klor evenkov Iakutii*. [Folklore of the Evenks of Yakutia]. Leningrad: Nauka, 330.

Sem, Iu.A. (1973) *Nanaytsy. Material'naia kul'tura. Vtoraia polovina XIX – seredina XX v.* [Nanai. Material culture. The second half of the 19th – mid 20th century]. Vladivostok: Dal'nevostochnyy filial Sibirskogo otdeleniia Akademii Nauk SSSR, 314.

Sem, T. Iu. (2016) *Obrazy bogov plodorodiia v ornamentakh na prazdnichnoy odezhde nanaytsev* [Images of the fertility deities in ornaments on the festive clothing of the Nanai people] In: *Ornamentika v artefaktakh traditsionnykh kul'tur. Materialy Piatnadtsatykh Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy.* St Petersburg: IPC SPGUTD, 210–216.

Smoliak, A.V. (1994) *Brak i svadebnye obriady* [Marriage and wedding rites] In: *Istoriia i kul'tura ul'chey v XVII–XX v. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of Ulchi in the 17th-20th centuries. Historical and ethnographic essays]. St Petersburg: Nauka, 127–133.

Starikov, V.S. (1965) *Tunguso-man'chzhurskie narody* [Tunguso-Manchurian peoples] In: *Narody Vostochnoy Azii.* Moscow, Leningrad: Nauka, 672–690.

Startsev, A.F. (2005) *Kul'tura i byt udegeytssev (vtoraia polovina XIX–XX v.).* [Culture and life of the Udege people (the second half of the 19th-20th centuries)]. Vladivostok: Dal'nauka, 443.

Titoreva, G.T. (2016) *Ornamentika svadebnogo kostiuma nanaytsev* [Ornamentika of the Nanai wedding costume] In: *Ornamentika v artefaktakh traditsionnykh kul'tur. Materialy Piatnadtsatykh Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy.* St Petersburg: IPC SPGUTD, 217–220.

Tugolukov, V.A. (1980) *Svadebnaia obriadnost'. Evenki i eveny* [Wedding ceremony. Evenki and Evens] In: *Semeynaia obriadnost' narodov Sibiri. Opyt sravnitel'nogo izucheniia.* Moscow: Nauka, pp. 54–60.

Chadaeva, A. Ia. (1986) *Natsional'naia igrushka. Ocherki o drevnikh predkakh detskoy igrushki narodnostey Chukotki i Priamur'ia.* [National toy. Essays on the ancient ancestors of children's toys of the peoples of Chukotka and the Amur region]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 96.

Shimkevich, P.P. (1896) *Materialy dlia izuchenija shamanstva u gol'dov* [Materials for the study of shamanism in the Golds] In: *Zapiski Priamurskogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, 2.,1. Khabarovsk: Tipografiia Kantseliarii Priamurskogo general-gubernatorstva, 133.

Shirokogorov, S.M. (2017) *Sotsial'naia organizatsiia severnykh tungusov (s vvodnymi glavami o geografii rasseleniia i istorii etikh grupp).* [Social organisation of the northern Tungus (with introductory chapters on the geography of settlement and the history of these groups)]. Moscow: Nauka-Vostochnaja literatura, 710.

Shternberg, L. Ia. (1933) *Giliaki, orochoi, gol'dy, negidal'tsy, ayny* [Gilyaks, Orochi, Golds, Negidals, Ainu]. Khabarovsk: Dal'giz, 740.

Lin' Chun' Shen'. (1934) *Sun-hua-czjan-sja-ju-dy-hje-chzhje-czu* (Ling. J. *The Goldi tribe on the lower Sungari river*). Academia Sinica the National research institute of history and philology. Monographs series. A. 14. Nanking, I-14.

DOI: 10.17516/1997-1370-0690
УДК 296.2; 296.6; 296.719; 296.8

Elements of Pejorative Wordplay and Language of Enmity in the Qumran Commentary on Nahum in Historical-Religious Context

Igor R. Tantlevskij*

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

Received 18.07.2020, received in revised form 01.05.2021, accepted 06.07.2021

Abstract. The article deals with the language of enmity and pejorative wordplay in the Qumran Commentary (*Pesher*) on Nahum (*4QpNah* = *4Q169*). According to the author's reconstruction, this sectarian work could be written in 88 B.C.E. after the defeat of the Judaean king and high priest Alexander Jannaeus' army inflicted by the Syrian king Demetrius III Eucerus, who was invited in Judaea by the rebellious Pharisees, near the city of Shechem: as a result, Alexander was forced to flee to the Ephraim Mountains (see: Josephus Flavius, *The Jewish War*, I, 95; *The Jewish Antiquities*, XIII, 379), in all probability to his mountain fortress Alexandrion. Taking advantage of this, the Pharisees temporarily came to power in Jerusalem – probably for some months in the same 88 B.C.E. In suppressing the rebellion, Alexander executed the Pharisees through crucifixion – hypothetically, more than once.

The author analyzes such pejorative designations and notions as the «interpreters/expounders of smooth things (slippery)» (דורשי חלקות), «false teaching (*talmûd*)», «Ephraim», the «House of Peleg» attested in *4QpNah* in correlation with the Pharisees, as well as the nicknames the «Furious Young Lion», the «Wicked Priest», the «Last Priest» with reference to Alexander Jannaeus. In particular, the high share of probability of the suggestion concerning the correlation of the pejorative designation דורשי חלקות («interpreters of smooth things») with the designation דורשי הלכות, the «interpreters/expounders of the *halakhoth* (laws)», which was used to refer to the teachers of the Law probably since the time of the first Tannaim (cf., e. g.: *M. Nedarim*, IV, 3; *B. T. Betzah*, 15b), allows one to assume that the latter designation was used in Judaea as a *terminus technicus* with reference to the Pharisees' *interpreters of the laws* already in the Hellenistic period.

Keywords: language of enmity, pejorative wordplay, Pharisees, Sadducees, Essenes, Qumranites, the Qumran Commentary on Nahum (*4QpNah*), the Qumran Commentary on Habakkuk (*1QpHab*).

Research area: history of Judaea, religious studies, philosophy, theology.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: tantigor@bk.ru

ORCID: 0000-0002-8738-2456

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project № 18-00-00628 (18-00-00727 (K)).

Citation: Tantlevskij I. R. (2022) Elements of pejorative wordplay and language of enmity in the Qumran Commentary on Nahum in historical-religious context. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 15(5), 727–740. DOI: 10.17516/1997-1370-0690.

Элементы пейоративной игры слов и языка вражды в кумранском Комментарии на Наума в историко-религиозном контексте

И. Р. Тантлевский

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Представлен анализ языка вражды и пейоративной игры слов в кумранском Комментарии (*Pesher*) на книгу пророка Наума (*4QpNah* = *4Q169*). Согласно реконструкции автора, это произведение членов Кумранской общины могло быть написано в 88 г. до н. э. (после поражения воинства иудейского царя и первосвященника Александра Янная, нанесенного ему сирийским царем Деметрием III Эвкером, приглашенным в Иудею восставшими фарисеями, под Сихемом: в результате Александр был вынужден бежать в Эфраимитские горы, по всей вероятности, в горную крепость Александрион). Используя данную ситуацию, фарисеи временно захватили власть в Иерусалиме – скорее всего на несколько месяцев 88 г. до н. э. В процессе подавления восстания Александр казнил фарисеев через распятие – вероятно, неоднократно.

Автор анализирует такие уничижительные обозначения и понятия в *4QpNah*, как «истолкователи скользкого (гладкого)», «ложное учение» (*talmūd*), «Эфраим», «Дом Пелега», засвидетельствованные в этом произведении в корреляции с фарисеями, а также прозвища «Яростный молодой лев», «Нечестивый священник», «Последний священник», употребляемые по отношению к Александру Яннаю. В частности, высокая доля вероятности предположения о корреляции пейоративного обозначения דורשי הלכות («истолкователи скользкого») с דורשי הלכות («истолкователи *халахот* (законов)»); оно использовалось для обозначения учителей Закона уже во времена первых таннаев) позволяет предположить, что последнее наименование использовалось в Иудее как *terminus technicus* для обозначения фарисеев в качестве *истолкователей законов* уже в эллинистический период.

Ключевые слова: язык вражды, пейоративная игра слов, фарисеи, саддукеи, ессеи, кумраниты, кумранский Комментарий на Наума (*4QpNah*), кумранский Комментарий на Аввакума (*1QpHab*).

Данное исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований, исследовательский проект № 18–00–00628 (18–00–00727 (k)).

Научные специальности: история Иудеи, религиоведение, теология, философия.

Introductory words: The radicalism of religious, ideologic, and socio-political views of the members of the Judaean Qumran community (probably of an Essene trend¹; 2nd century B.C.E.– 1st century C.E.) predetermined the esoteric nature of their works, inter alia for reasons of security. So, hints of historic events that took place in Judaea in the Hellenistic and early Roman periods, bear an allegoric and metaphoric character in the Qumran manuscripts, almost all of the figures mentioned here and all groups appear under symbols, nicknames, and sometimes ciphers, the absolute dates are absent, and some relative ones are usually of symbolic and eschatological character. In this regard, the Qumran Commentary on Prophet Nahum² (*Pesher Nahum*; *4QpNah* = *4Q169*) is no exception, whereby a broad discussion turned around its interpretation.

Statement of the problem: The Commentary on Nahum (*4QpNah*)³ is the only Qumran composition hitherto discovered in which two real names of Hellenistic historical characters to be found in a more or less coherent historical context⁴, *vid.* the «Kings of Greece (יון; lit. Ionia)», *i. e.* the Seleucids, Antiochus

(*4QpNah*, fr. 3–4, 1:3)⁵ and Demetrius. Of the latter is said that he «sought to enter Jerusalem on the counsel of the interpreters (or “expounders” – *I. T.*) of smooth things (בעצת דורשי חלקות)» (*4QpNah*, fr. 3–4, 1:2). By most scholars this passage is interpreted as an allusion to the Pharisees (= דורשי חלקות; see below)⁶, who assumed leadership of the insurrection against the Judaean Hasmonaeen king Alexander Jannaeus (Jonathan II; 103–76 B.C.E.) and invited the Syrian king Demetrius III Eucerus (97/96–88/87 B.C.E.) to fight on their side⁷, as it was described by Josephus Flavius in *The Jewish War*, I, 92, and *The Jewish Antiquities*, XIII, 376⁸. Based upon these facts it is normally assumed that the text of the first column and the first line of the second column of the Commentary on Nahum (*4QpNah*) provide evidence for some circumstances of this rebellion. According to a widely adopted opinion, the text of the

¹ See, *e. g.*: Tantlevskij, 2016: 61–75.

² The Book of Prophet Nahum the Elkoshite was composed between 663/662 and 612 (or 609) B.C.E., probably closer to 612 B.C.E.; see, *e. g.*: Diakonov, 1956: 15, 297, 303; Eissfeldt, 1964: 559–561; Amusin, 1971: 203f.; Pinker, 2005: 6; Richards, 2006: 1250; Coogan, 2009: 297f.

³ The *editio princeps* of the complete text: Allegro, 1968: 37–42, plates xii–xiv. See further: Strugnell, 1970: 204–210; García Martínez, Tigchelaar, 1997: 334–341; Doudna, 2001; Horgan, 2002: 144–155. Berrin, 2004. This Qumran work is orthographically and paleographically dated to the late Hasmonaeen or early Herodian periods (see, *e. g.*: Strugnell, 1970: 205; Doudna: 675–682; Berrin, 2004: 205; Chapman, Schnabel, 2015: 517).

⁴ In the fragments of *4QMishmaroth hak-Kohanim*, the names of Si[mon] (*sc.* Simon Hasmonaeus (?); C^a, fr. 3, 2), Johanan (*sc.* Johanan (John) Hyrcanus I; C^e, fr. 2, 4–5), Salome (*sc.* Alexandra Salome, Jannaeus' wife; C^a, fr. 2, 4; C^e, fr. 1, 5), Hyrcanus (*sc.* Hyrcanus II; C^a, fr. 2, 6), Ar[istobulus] (*sc.* Aristobulus II (?); C^b, fr. 3, 6), Aemilius (*sc.* Aemilius Scaurus, Roman governor in Syria in 62 B.C.E.; C^d, fr. 2, 4) are attested *out of context*. As to the text *4Q448* («A Prayer for King Jonathan and His Kingdom»), it was probably composed by one of King Jonathan's (*i. e.* most probably Alexander Jannaeus' [= Jonathan II]; less likely, Jonathan I the Hasmonaeen) followers and brought to Qumran by one of the sectarians (possibly, for the purpose of informing the Qumranites).

⁵ It is likely to refer to Antiochus III the Great (*cf.*, *e. g.*: Rowley, 1956: 188–193; Loewenstamm 1956: 1; Tantlevskij, 2012: 135). For the most part, scholars (to begin with J. M. Allegro; 1956: 89–93) identified Antiochus mentioned in *4QpNah* 1:3 with Antiochus IV Epiphanes (see also further, *e. g.*: Dupont-Sommer, 1980: 280f., n. 3; Amusin, 1971: 219, n. 10; and others). F. M. Cross accepted the identification of this person with Antiochus VII Sidetes (Cross, 1958: 92). I. Levy, on the other hand, was of the opinion that this passage deals with Antiochus, brother of the Syrian king Demetrius III Eucerus (Levy, 1956: 2). See further: Chapman, Schnabel, 2015: 518f.

⁶ See, *e. g.*: Doudna, 2001: 632–634; Charlesworth, 2002: 112–115; Wise, 2003: 70, n. 9; Dąbrowa 2010, 177ff. *Cf.*, on the other hand, doubts and objections in: Rowley 1956: 192; Saldarini 2001: 279–280; VanderKam 2003: 468–477.

⁷ See, *e. g.*: Allegro, 1959: 47–51; Cross, 1959: 91–94; Jeremias, 1963: 127–139; Dupont-Sommer, 1980: 280ff.; Amusin, 1971: 208–210; Stegemann, 1971: 120–128; Idem, 1993: 182–184; Callaway, 1988: 164–168; *cf.*: Schiffman, 1993: 272–290; Berrin, 2004, 87–130; Dąbrowa, 2010: 175–181. In H. H. Rowley's opinion, Demetrius of the text *4QpNah* 1:2 was the Seleucid king Demetrius I Soter (162–150 B.C.E.) who was provoked by an intrigue of the Judaean high priest Alcimus to dispatch in 161 B.C.E. his strategists Bacchides and Nicanor against Jerusalem. As to «the interpreters/expounders of smooth things», these are, according to Rowley, members of the Hellenising party of Alcimus (Rowley, 1956: 188–193; see also: Stauffer, 1957: 125f., 128–132; Rabinowitz, 1978: 394–399; Chapman, Schnabel, 2015: 218ff.).

⁸ As E. Dąbrowa notes, «it meant that the Pharisees agreed to the loss of Judean independence if only they could regain control of the Jerusalem temple» (Dąbrowa, 2010: 178; *cf.*: Doudna, 2001, 633).

Commentary on Nahum, fr. 3–4, col. 2 (first line excluded) – 4, reflects the events that took place during the reign of the queen Alexandra Salome (76–67 B.C.E.), Jannaeus' widow⁹. The advocates of this hypothesis at the same time consider 63 B.C.E., the year Judaea was conquered by Pompey the Great, the *terminus post quem* of the Commentary's composition. An alternative view is that in the Commentary on Nahum 4*QpNah*, fr. 3–4, 2:2–4:9, certain events of the reign of Salome's sons, Aristobulus II and Hyrcanus II, are depicted, particularly clashes in the course of their internecine war (60–50s B.C.E.)¹⁰.

Discussion; the author's proposals: It seems to us that the Commentary on Nahum (4*QpNah*) can only have been compiled in 88 B.C.E. – and, consequently, it is the only Qumran composition hitherto discovered which can be dated precisely to within a year: in its surviving coherent text – in all four columns of fr. 3–4 – the situation is reflected which had developed in Judaea in the very same year as a result of the defeat inflicted by Demetrius III on Alexander Jannaeus' troops near Shechem¹¹.

The vast majority of researchers is of the opinion that the king Alexander is mentioned twice in the text of 4*QpNah*, fr. 3–4, 1:4–8, designated as «the Furious Young Lion»¹², as he is also designated in the Qumran Commentary on Hosea (4*QpHos*^b), fr. 2, 2–3. The passage of the Commentary on Nahum (4*QpNah*), fr. 3–4, 1:4–8 reads as follows:

«The lion (ארי) tears enough for its cubs (and) it chokes prey for its lioness» (Nah. 2:13a) <...> [Its interpretation concerns] the Furious (or: the «Fierce». – I. T.) Young Lion (כפיר ההרון) who strikes (יכה); or «beats», «defeats». – I. T.) his great men and the men of his council ... [«And it fills] its cave [with prey] and its den with torn flesh» (Nah. 2:13b). Its interpretation concerns the Furious Young Lion [who has executed (or: «executes». – I. T.) reve]nge on the interpreters (or: «expounders». – I. T.) of smooth things and who hangs (יתלה) men alive [on the tree(s), as this is the law] in Israel as of old¹³ (or: «[a thing done] long since in Israel». – I. T.)...

This passage of the Qumran Commentary on Nahum is usually correlated with Josephus Flavius' account of «blasphemy» committed by Alexander Jannaeus (= Furious Young Lion in 4*QpNah*, fr. 3–4, 1:5–6) towards the end of the civil war, in 88 B.C.E., when, «booing» in Jerusalem «in a conspicuous place with his concubines, he ordered that some eight hundred (of «the most powerful» rebels, *i. e.*, apparently the Pharisees for the most part¹⁴. – I. T.) be crucified (ἀνασταυρωσα), and, while they were still alive, their wives and children be killed before their very eyes»¹⁵. That is why the Judaeen king Alexander Jannaeus was called a «wicked one by his nature» by the Judaeans (B. T. *Berachoth* 29a)¹⁶, a «Thracian» (Josephus Flavius, *The Jewish Antiquities*, XIII, 383), *i. e.*, a very cruel man (like a Thracian). It was the most cruel «complex» execution Jannaeus had ever subjected insurgents to¹⁷, but probably by no means the only case of the death penalty by crucifixion (or simply «hanging men alive») being imposed on insurgents during the 94/93–88

⁹ This idea was first suggested in: Flusser, 1961: 456–458, *Idem*, 1970: 133–168; Amusin, 1962: 101–110; *Idem*, 1963: 389–396; Yadin, 1971: 1–12. See also further, *e. g.*: Horgan, 1979: 7f.; Fröhlich, 1986: 391; cf., *e. g.*: Stegemann, 1971: 76–79, 120–128; Callaway, 1988: 164–171.

¹⁰ See, *e. g.*: Dupont-Sommer, 1963: 55–88; cf.: Stegemann, 1971: 182ff.

¹¹ Located some 2 km east of modern Nablus in the valley between the Ebal and the Gerizim Mountains.

¹² See, *e. g.*: Allegro, 1959: 47–51; Cross, 1959: 91–94; Jeremias, 1963: 127–139; Stegemann, 1971: 120–128; Dupont-Sommer, 1980: 280ff.; and others. H. H. Rowley supposed that the designation «Furious Young Lion» in 4*QpNah* is used either for the high priest Alcimus or the king Antiochus IV Epiphanes (Rowley, 1956: 192f.). H. J. Schonfield identifies this person with the Roman Emperor Titus (39–81 C.E.) (Schonfield, 1956: 96f.), while G. R. Driver identifies the «Furious Young Lion» with one of the leaders of the 66–74 Judaeen uprising against Roman domination Simon bar Giora (Driver, 1965: 291f.).

¹³ First reconstruction by Y. Yadin (Yadin, 1971: 12). Cf., *e. g.*: Hartog, 2017: 173ff.

¹⁴ The Pharisees, prior to the uprising, had occupied high posts in the state and had had a majority in the Sanhedrin (= «the interpreters/expounders of smooth things», «great men», «men of the council» in 4*QpNah*, fr. 3–4, 1:2–8).

¹⁵ Josephus Flavius, *The Jewish War*, I, 97, 113 and *Idem*, *The Jewish Antiquities*, X, III, 380; see also: X, III, 381–383.

¹⁶ Cf.: Josephus Flavius, *The Jewish Antiquities*, XIII, 376 and 399.

¹⁷ Cf.: Josephus Flavius, *The Jewish Antiquities*, X II, 256.

uprising, in the course of which – according to *The Jewish War*, I, 91, and *The Jewish Antiquities*, XIII, 376, – no less than 50,000 Jews were killed by the Judaeen king and high priest. (Cf. *4QpNah*, fr. 3–4, 1:7: «...The Furious Young Lion <...> hangs (יחלה); here, the imperfect indicates a *repeated* (or usual, habitual) action. – *I. T.*) men alive [on the trees...].») Besides, it should be noted that, judging from *4QpNah*, fr. 3–4, 1:7–8, the crucifixion of state criminals (and particularly traitors who had been in contact with foreigners) was not specifically Qumranic (cf.: *11QT^a* 64:6–13; cf. also: *Deut.* 21:22–33), but a law of the Judaeen state¹⁸.

Special attention should be given the verbs הכה («to strike»), «to beat», «to defeat») and תלה («to hang») used in the above-mentioned text of *4QpNah*, fr. 3–4, 1:4–8, in the imperfect that serves here to denote repeated actions (begun in the past and still occurring at the time the Commentary was compiled). Since the agent in this passage is the Furious Young Lion it may be concluded that this character was alive at the time of the composition of the Commentary on Nahum¹⁹. Moreover, this hypothesis is supported by the fact that the author of the text in his «interpretation» of *Nah.* 2:13 substituted the term כפיר («young lion») for the word ארי («lion»), probably to stress the youth of the cruel hero. It would hardly have been appropriate to do so, had the Commentary on Nahum been composed after the death of the «Furious Young Lion» (Alexander Jannaeus died in 76 B.C.E. at the age of 49).

As to the frightening allegory of this wicked Judaeen king – whom the Qumranites appears to consider Alexander Jannaeus²⁰ – it seems to have developed from Ezekiel 19:5–6, where the word כפיר («young lion») is probably used to describe young bloodthirsty and

impious Judaeen king of the pre-captivity period Jehoiaikim (609/608–598 B.C.E.; cf.: *2 Kg.* 24:4 and *2 Chr.* 36:5, 8; *Jer.* 26:20–23). Comparison of the royal rage with the «roar of young lion (הכפיר)» evidenced in *Prov.* 19:12 and 20:2.

In the Qumran Commentary on the Book of Prophet Hosea (*4QpHos^b*), fr. 2, 2–3, the «Furious Young Lion» is designated as the «Last Priest» (כֹּהֵן הָאַחֲרֹן) – *resp.* the last Hasmonaean high priest of Judaea – for, according to messianic-eschatological chronology of the Qumranites, the «End of Days» (אַחֲרִית הַיָּמִים) was to come in the nearest future; and the Qumran sectarians considered themselves as belonging to the «last generation (הַדּוֹר הָאַחֲרֹן)», living in the «last period (הַקֶּץ הָאַחֲרֹן)». At this one should bear in mind that the terms הַחֲרוֹן and הָאַחֲרוֹן are colloquially almost homonymous, so here is clearly can be seen a play on words.

In *4QpNah* 1:8–2:1 additional information about the «Furious Young Lion» is to be found:

«Behold I am against [you, says the Lord of Hosts. I will burn up] your [multitude in flames], and the sword shall devour your young lions. I will eradicate [from the land the p]illaging. And [the voice of your messengers] shall no [more be heard]» (*Nah.* 2:14). Its [interpretation is: «your multitude» – they are the bands of his (the Furious Young Lion's. – *I. T.*) army (גְּדוּדֵי הַיָּלֹד, tha[t he has lost in Shechem] (?). – *I. T.*); and «his young lions» – they are his great men («nobles». – *I. T.*), [...] and «his prey» – it is the wealth which the [Priests] of Jerusalem have accumulated], which they [have gi]ven away [... It is through the fault of E]phraim (*i. e.*, probably the Pharisees, since the designation «Ephraim» has been used in this Commentary as a synonym of «the interpreters of smooth things». – *I. T.*) that Israel shall be delivered [in the hand of foreigners]... And «his messengers» – they are his envoys whose voice shall no more be heard among the nations.

It seems plausible to assume that this text is an allusion to the shattering defeat of Alexander Jannaeus' army near Shechem (cf.: Jo-

¹⁸ Cf., *e. g.*: *Ezr.* 6:11; *4QAha* = *4QTestLevi^d*, fr. 24, I, II, 4–6, *Test. Levi* 4:4 (Greek, Armenian, and Slavonic versions) and *Test. Ben.* 9:2–5, *Wis. Sol.* 2:12–20; *Bereshit Rabba* 65:22; *M. Sanhedrin*, V I, 4, *J. T. Hagigah*, 77d–78a, *J. T. Sanhedrin*, 23c, *Sifre Devarim* 21:22; cf. also: *Jn.* 18:31–32, 19:7, 15–16. See further: Yadin, 1971: 1–12; Hartog, 2017: 173ff.

It should also be taken into consideration that in Republican Rome the death sentence by crucifixion was pronounced even on the Roman citizens who had taken an enemy's part in war.

¹⁹ Cf. also: *4QpHos^b*, fr. 2, 3.

²⁰ See, *e. g.*: Tantlevskij, 1995; *Idem*, 2012: 137f.

sephus Flavius, *The Jewish War*, I, 92–95; *The Jewish Antiquities*, XIII, 377–378). The Pharisees had taken the Seleucid's side in the battle. Jannaeus lost most of «the bands of his army», and, together with his remaining partisans, particularly with those representing the aristocratic, priestly «party» of the Sadducees, he was forced to flee to the Ephraim Mountains (see: Josephus Flavius, *The Jewish War*, I, 95; *The Jewish Antiquities*, XIII, 379), in all probability in his mountain fortress Alexandrion built by him (during excavations here were found fragments of fortifications and water supply system of the Hasmonaean period). In Jerusalem, the Pharisees temporarily came to power, supported by thousands of their adherents (cf.: Josephus Flavius, *The Jewish War*, I, 98; *The Jewish Antiquities*, XIII, 383).

In our opinion, it is those events that the next passage of the Commentary – 4*QpNah*, fr. 3–4, 2:2–6 – deals with:

«Woe to the city of blood (Nahum refers to Nineveh, capital of the Assyrian kingdom. – *I. T.*); it is full of [lies and rap]e» (*Nah.* 3:1). Its interpretation: it is the city of Ephraim (*i. e.*, probably Jerusalem captured by the Pharisees. – *I. T.*), the expounders of smooth things in the last days (lit.: «towards the End of Days». – *I. T.*) who walk in lies and falsehood. «The prowler does not want (in Nineveh. – *I. T.*), noise of whip and noise of rattling wheel, prancing horse and jolting chariot, horsemen, a blade and glittering spear, a multitude of slain and a heap of carcasses. There is no end to the dead» (*Nah.* 3:1–3). Its interpretation: this concerns the power (or: «rule», «dominion». – *I. T.*) of the interpreters of smooth things (ממשלת דורשי החלקות), from the midst of whose assembly the sword of Gentiles (or «foreigners». – *I. T.*) does not want (apparently this phrase hints at Demetrius III being invited by the rebellious Pharisees to help. – *I. T.*) captivity, looting, and starting (lit.: «enkindling». – *I. T.*) of internecine war (והרחור בינותם), and exile from the dread of the enemy (here, the commentator probably wants to remind the reader of the Pharisees' activities during the civil war. –

I. T.); a multitude of guilty corpses fall in their days (*i. e.*, at the time of their temporary victory. – *I. T.*); there is no end to them being slain. They even stumble upon their body of flesh because they are guilty due to their counsel (this seems to hint at the reprisals the Pharisees carried out in the capital and the territories under their control against their opponents who had failed to flee. – *I. T.*).

Before dealing with the next passage of 4*QpNah*, we want to point out the fact that it is the phrase «the power («rule», «dominion») of the interpreters of smooth things» (4*QpNah*, fr. 3–4, 2:4) that serves as principal argument of those scholars who are of the opinion that the text of the Commentary's second (first line excluded), third and fourth column refers to the events that took place in Judaea after Jannaeus' death, in the reign of Alexandra Salome or Hyrcanus II, since those rulers relied on the Pharisees for support. We will refer to this question below; here we want to stress that according to the above text the author of the Commentary cites verses 5–7 of chapter 3 of the Book of Nahum where the prophet has foretold Nineveh's ruin and devastation, and connects this prophecy with «Ephraim», «the expounders of smooth things», *i. e.*, the Pharisees. Additionally, from the 7th line of the 3rd column, fr. 3–4, to the end of the manuscript, the Commentary on Nahum deals with the fate of the «Manasseh» group which is opposed to the groups called «Ephraim» (*i. e.*, the Pharisees) and «Yehudah» (*i. e.*, the Qumranites (most probably, an Essene group)). Thus, in the Commentary on Nahum the members of the Qumran community are referred to as «Israel» (*sc.* the «true Israel») and «Yehudah» (*sc.* the «true Judaeans»), while the Pharisees appear under the designation of «Ephraim», and the Sadducees – as «Manasseh», *i. e.*, they bear names of the northern tribes rose in revolt and separated from the southern tribe of Yehudah and the Temple of Jerusalem after the death of king Solomon²¹. (Cf. also, *e. g.*: 4*QpPs* 37 2:18–20.)

Indeed, most scholars believe that the «Manasseh» sectarians characterized as «the great men» and «honourable men» in

²¹ Cf.: *Isa.* 9:18–20; cf. also: *Judg.* 8:1–3, 12:1–6.

4QpNah, fr. 3–4, 3:9, are those representing the aristocratic, priestly sect of the Sadducees whom Alexander Jannaeus relied upon for support and who fought on his side against the Pharisees. Commenting on Nah. 3:8, where the prophet speaks of No-Amon (*i. e.*, Thebes) having been captured by the Assyrians in 663 B.C.E. the author of 4QpNah likens this Egyptian city and its defenders to the «mighty men of war» (גבורי מלחמה) of «Manasseh», *i. e.*, to the Sadducean warriors, and goes on to «interpret» this verse as being related to the defeat of the Sadducean «army» (חיל). As to «Ephraim», *i. e.*, the Pharisees who took sides with Demetrius III in the 88 B.C.E. battle near Shechem, they are correlated in this passage with the Assyrians. In connection with the aforementioned, it is useful to point out that it was in *ca.* 88 B.C.E. that Thebes (which took part in the people's uprising) was seized after a three-year siege and destroyed by the Egyptian king Ptolemy IX Soter II (Lathyrus). If this event happened in the time of the compilation of 4QpNah, the comparison of the defeated Sadducees with Egyptian Thebes had a certain association for the author that year.

Of fundamental importance for the identification and dating of the events reflected in the Commentary on Nahum is the passage 4QpNah, fr. 3–4, 4:1–4, which reads:

«Yet she (Nahum refers to Thebes here. – *I. T.*) was exiled, she went into captivity; and her children are crushed at the corners of all the streets, they cast lots of her honourable men, and all her great men are bound with chains (Nah. 3:10). Interpretation of this concerns Manasseh in the final (or: «last». – *I. T.*) period, when his kingdom (or: «reign»; מלכותו. – *I. T.*) falls (תשפל; lit. «becomes low», «is abased». – *I. T.*) in Israel], <...> his wives, his children, and little ones go (ילכו) into captivity, his mighty men and honourable men [perish] by the sword.

Judging from the verbs שפל («to be or become low», «be abased») and הלך («to go», «walk», «come», «to go off», «depart») being used here in the imperfect form, it may be

concluded that the «kingdom» of «Manasseh», *i. e.*, of the aristocratic party of the Sadducees at Jannaeus' court who supported the king Alexander²², was still in power by the time of the Commentary's composition, though the Sadducees were in a difficult position. This fact, by the way, proves wrong those scholars who are of the opinion that the text of columns two (first line excluded) up to four (including) reflects the events of the period of the Pharisees' absolute rule and authority that distinguished the rule of Alexandra Salome and her son Hyrcanus II (67; 63–40 B.C.E.) from the reign of Alexander Jannaeus.

In the following passage – 4QpNah, fr. 3–4, 4:4–9, – the commentator predicts that, despite temporary luck, the lot of «Ephraim», *i. e.*, the Pharisees, will not differ from that of «Manasseh»; and even Jerusalem's powerful fortifications will not save them. In fact, the Pharisees' triumph proved to be short-lived. We have learned from Josephus Flavius' *The Jewish War* (I, 95) and *The Jewish Antiquities* (XIII, 379) that soon after the Shechem battle, in the same year 88 B.C.E., 6,000 of the rebels (evidently, of the Pharisees for the most part), deserted unexpectedly, for reasons unknown (perhaps for fear that the gentile king Demetrius Eucærus would take possession of the holy city of Jerusalem) to Jannaeus and the Sadducees still faithful to him. It is probably this very event that the Commentary's author hints at in the text 4QpNah, fr. 3–4, 3:12–4:1:

[«... Put and the Libyans came to you (Nahum means the city of Thebes. – *I. T.*) to help»] (Nah. 3:9). Its interpretation: these are the wicked on[es], the house of Peleg (בית פלג, lit.: «the house of divisions». – *I. T.*), who have joined to Manasseh (הגלויים על מנשה).

Probably the «House of Peleg» refers to those of the Pharisees who did not support the invitation of the Gentile king Demetrius III Eucærus to Judaea to help. (Cf. CD-B (*Damascus*

²² See, *e. g.*: Josephus Flavius, *The Jewish War*, I, 113–114; *The Jewish Antiquities*, XIII, 411–414; cf.: 4Q448 («The Prayer for King Jonathan and his Kingdom») 2:8, 3:6.

²³ Cf.: Gen. 10:25, Jub. 8:8.

Document) 20:22–24, where this designation evidently refers to the Pharisees.)

It is also known that soon after this event Demetrius III Eucærus had to withdraw from Judaea because of the internecine war in Syria. This made it possible for Alexander Jannæus to defeat the insurgents towards the end (?) of 88 B.C.E., to capture Jerusalem, and to punish those rebels who did not flee from Judaea.

However, the commentator seems to have failed to notice these events. The situation in the country depicted in the Qumran Commentary on Nahum could be characterized as a diarchy of the Pharisees and the Sadducees headed by the king Alexander – the situation that lasted only a few months (?) in 88 B.C.E. Consequently, we think that this work can only have been composed in the very same year, in 88 B.C.E.

Of special importance for dating the Commentary on Nahum and identifying the person designated as the Furious Young Lion is the text *4QpNah*, fr. 3–4, 2:8–9, which says that due to «Ephraim's» (*i. e.*, the Pharisees') fault «the cities and clans, the kings (מלכים), superiors, honourable men and rulers, the priests and the people along with the proselytes will perish (יבדל)». Since in the Qumran texts the terms «king», «kingdom», «reign» and «rule», «ruler» are distinguished²⁴, it is possible, in the light of the passage cited above, to draw the conclusion that the head of the Judæan state at the time *4QpNah* was compiled (and this undoubtedly is the time when the Furious Young Lion lived, as the quoted texts of *4QpNah* show²⁵), bore the title «king». Until 63 B.C.E., when Pompey conquered Judaea and abolished the Judæan kingdom, there had been five persons in Judaea bearing the title of a «king» (during the Hellenistic period, of course): Aristobulus I (104–103 B.C.E.), Alexander Jannæus (103–76 B.C.E.), Alexandra Salome (76–67 B.C.E.), Hyrcanus II (for three months in 67 B.C.E.), and Aristobulus II (67–63 B.C.E.). Evidently, the short reigns of both Aristobulus and of Hyrcanus can be ignored here because, firstly, the actions of these rulers do not correspond at all with what is said

in the Commentary on Nahum about the Furious Young Lion, and secondly, none of these persons was a contemporary of Demetrius III Eucærus who died in 88/87 B.C.E. For this reason the only «candidate» for the Furious Young Lion's «role» is the king and high priest Alexander Jannæus who was 32 years old at the time the reprisals against the rebels started (these events are probably the reason for his epithet). Apart from the aforementioned passage *4QpNah*, fr. 3–4, 2:8–10, evidence for the year 63 B.C.E. being the *terminus ante quem* of the Commentary's composition is provided by the fragment *4QpNah*, fr. 3–4, 1:3–4:

<...> from Antiochus to the time when the rulers of the Kittim will appear, and then (ואחר) [the land [הארץ] (or: «Jerusalem»); cf.: *4QpNah*, fr. 3–4, 1:1–2). – *I. T.*] will be trodden down (תרמס).

The context – and above all the adverb אחר («then», «afterwards») – implies that the verb נרמס (*Ni.*, *sing.*, *fem.*; der. from רמס, «to tread down», «to trample») is congruous here with the future tense, and the agent will be the Kittim, *i. e.*, the Romans of the Republican period. Consequently, the appearance of the army of the Kittim-Romans in Judaea is regarded by the Commentary's author as an event in the future, in time yet to come²⁶. According to *4QpNah*, fr. 3–4, 2:2, 3:3, 4:3, the author of the Commentary on Nahum thinks that the events the Commentary deals with take place «in the last days» (lit.: «towards the End of Days»), «at the end» of the «last (or «final») period» immediately preceding the coming of the Eschaton. As it was noted above, in the Qumran Commentary on Hosea the designation «the Last Priest» (see: *4QpHos*^b, fr. 2, 2–3; cf. also: *1QpHab* 9:4–5) is used as a synonym for the «Furious Young Lion» (*i. e.*, Alexander Jannæus) «who stretches out (ישלח) his hand in order to strike Ephraim (*sc.* the Pharisees)». The imperfect form of the verb שלח (here: to «stretch out») employed in *4QpHos*^b, fr. 2, 3, for the description of the action of the «Last Priest» shows that the latter

²⁴ See, *e. g.*: Milik, 1959: 65f.; Stegemann, 1971: 100–106, 120–127, 204.

²⁵ Cf. also: *4QpHos*^b, fr. 2.

²⁶ It is possible that a highly fragmented text *4QpNah*, fr. 1–2, predicts the final defeat of all Kittim on the world scale (see especially: ll. 3–5).

one was alive at the time of the composition of the Commentary. The denomination the «Last Priest» corroborates this conclusion as well, for it would be meaningless, if the Commentary on Hosea was being composed after the person's death, in the period of the pontificate of one of the next Judaeon high priests.

In our view, the eschatological background of the *4QpNah* text as well as the fact that at a certain historical stage the conviction existed among the Qumranites that Alexander Jannaeus would be the *last* of the wicked Judaeon high priests and kings can be explained by the Community's messianic and eschatological chronology. According to the so-called Midrash Melchizedek (*11QMelch* 2:7–8), Second-Ezekiel (*4Q390* 1:7–8) and Damascus Document (see esp. 1:5–12, 20:13–15), the sectarians originally expected the coming of the End of Days and the advent of the Messiah to take place after the expiration of the «ten jubilees» (10×49), *i. e.*, 490 years, from the time of Nebuchadnezzar's capture of Judaea (in 587/586 B.C.E.), *viz.* in 97/96 B.C.E.²⁷ We would like to point out that not only the Qumranites at a certain historical stage regarded Alexander Jannaeus as the last Hasmonaean high priest and king, but that a corresponding tradition is also mentioned in Josephus Flavius' *Antiquities*, XIII, 301. According to Josephus' chronology the last, 70th «heptad» (7 years) of Daniel 9:26–27, preceding the triumph of the Messiah and the coming of the Eschaton, begins with the accession of Alexander Jannaeus in 103 B.C.E. (cf.: *Dan.* 9:24–27 and *Test. Levi* 16:1, 17:1; cf. also: *1 En.* 89:59).

Also worth mentioning here is the «Demonstratio Evangelica», VIII, 2, 87–88, where Eusebius of Caesarea refers to an exegesis of Daniel 9:26 (apparently a Jewish work taken over into Christianity), in which «an anointed one» is mentioned, who «shall be cut off» after 69 «heptads» (since the destruction of Jerusalem by the Babylonians), and is connected with the line of Judaeon high priests from Jeshua to *Alexander Jannaeus*. The Qumranites' disappointment at the fact that there was no advent of the Messiah and no coming of the Eschaton within the expected time found its expression in the Qumran Commentary on the

Book of Prophet Habakkuk (*1QpHab*) 7:1–14. Nevertheless, the author of the composition keeps believing that the End of Days is *near at hand* (cf. *1QpHab* 2:5–6, 5:7–8; cf. also: 9:6). Moreover, in the passage *1QpHab* 7:5–6, 9–10, 13–14 he writes as follows:

<...> «For the vision is yet for the appointed time: it speaks of the End and does not lie (*Hab.* 2:3a). <...> If he (in the Qumranites' interpretation evidently the Messiah – the «Elect One» of God (see: *1QpHab* 5:4; cf.: 9:12). – *I. T.*) tarries, wait for him; for he shall surely come and shall not delay» (*Hab.* 2:3b). Its interpretation concerns the men of truth who observe the Law (*sc.* the sectarians. – *I. T.*), whose hands do not slacken in the service of truth when to them the (final) period (seems) to be delayed (or, «prolonged». – *I. T.*) (בְּהַמְשַׁךְ הַקֵּץ הָאֲחֵרִים עֲלֵיהֶם); for all the periods of God come to pass at their appointed times as He decreed for them in the mysteries of His Providence.

How can the last phrases of the Commentary on Habakkuk be interpreted? Answering this question, it is first of all useful to remember that in *The Jewish War*, I, 70 (cf.: *The Jewish Antiquities*, XIII, 301) and *The Jewish Antiquities*, XII, 322, Josephus Flavius mentions the eschatological chronology according to which the coming of the End of Days was expected to take place *ca.* 86 B.C.E. (This chronology is connected by him with Daniel's prophecy about the «seventy heptads», *i. e.*, 490 years (see: *Dan.* 9:24–27).) This date of the coming of the Eschaton could be determined by those Jews who expected the beginning of metahistory after the expiration of ten jubilees on the destruction of the First Temple (as, for instance, the Qumranites did, see: Second-Ezekiel (*4Q390*), *11QMelch*, 2), and considered a jubilee (on the basis of *Lev.* 25:10–11) a period of time consisting of 50 years, not of 49²⁸.

²⁸ Rabbis generally assumed a 50-year-jubilee for the period of the First Temple. A jubilee was held to be a cycle of time consisting of 49 years by the author(s) of the Book of Jubilees, by some rabbis (see, *e. g.*: B.T. *Arakhin*, 12b; *Nedarim*, 61a (R. Yehudah); cf.: *Seder 'Olam*, 15), and the Samaritans.

²⁷ Cf.: *Test. Levi* 17:1–18:2.

It was possible to «correlate» the eschatological chronology based on a 50-year-jubilee (10×50) with the one mentioned in *Dan.* 9:24–27 by assuming that God's «word» about the future restoration of Jerusalem (*Dan.* 9:25) was not the one proclaimed by Jeremiah *ca.* 587/586 B.C.E. (*Jer.*, 32) but the one recorded in Jeremiah, 50 and/or the deuterocanonical Epistle of Jeremiah 1:3 (composed before the 1st century B.C.E.; cf.: 7Q2). On the basis of the last two passages some interpreters assumed that God's «word» recorded there (*sc.* the «word» about the return of the Jews from the Babylonian captivity and the restoration of the Land) was *pronounced* in the first years (approximately, ten) after the destruction of the First Temple. It is possible that the Qumranites, after they had abandoned their hopes around 96 B.C.E., used both of the above-mentioned methods of chronological reinterpretation of Second-Ezekiel's (4Q390; cf.: 11QMelch 2:7–8) and Daniel's (Daniel 9:24–27) visions on the time of the End of Days.

As for the Commentary on Habakkuk (*IQpHab*), written in all probability in the first quarter of the 1st century B.C.E.²⁹, its central theme is the conflict between the charismatic leader of the Qumran community (in all probability a priest of the Zadokite lineage), who attested in the Qumran manuscripts under the designation of the Teacher of Righteousness, and the Judean ruler and high priest, denoted as the Wicked Priest. It should be noted that on the plausible assumption first made by K. Elliger³⁰ and W. H. Brownlee³¹, the very designation הכהן הרשע, *hak-kōhēn hā-rāšā'*, *i. e.* «the Wicked Priest», arose in consonance with and as a parody of the official title of the Jewish high priest – הכהן הראש, *hak-kōhēn hā-rōš'*, lit. «head (*sc.* chief) priest» (cf., *e. g.*: 2 Sam. 15:27; *Ezr.* 7:5; 2 Chr. 31:10; *IQM* 2:1; 15:4; 16:13; 18:5; 19:11; *IQSa* 2:12). In H. Stegemann's opinion³², the definition *hā-rāšā'* («the wicked») hinted at the allegiance of the high priest because of his non-Zadokite origin. This hypothesis suggests *a priori* that the expression «wicked priest»

could have been used not as the name of a particular person, but as a kind of Qumranic «title», a special *terminus technicus* for those of the Hasmonean high priests whose deeds were disapproved by the sectarians. More precisely, the Commentary on Habakkuk speaks probably of two «Wicked Priests»: Jonathan I the Hasmonean (*IQpHab* 8:3–10:5, 11:2–8; also *4QpPs37* 4:7–10) – an antagonist of the Teacher of Righteousness (conditionally, Teacher I), perished by the time of *IQpHab* compilation, and Alexander Jannaeus, *i. e.* Jonathan II, – an oppressor of the sectarians headed by another Qumran leader (conditionally, Teacher II), who was alive at the period of *IQpHab* composition. The latter could most likely be identified with «the priest» «Judah the Law Doer» mentioned in *IQpHab* 2:5–10:12:4–5; *4QpPs37* 2:13–19³³. In connection with our supposition of the duality of «the Wicked Priests» (as the main enemies-antipodes of the two Qumran priestly leaders of the second half of the 2nd century B.C.E. – the beginning of the 1st century B.C.E.) in *IQpHab*, A. S. van der Woude, in particular, noted: «Tantlevskij <...> convincingly proves that XI 10 – XII 10 refer to Alexander Jannaeus, who was looked upon by the pesharist as the 'last priest'. This means that we encounter with not one but at least two Wicked Priests in the Habakkuk commentary and (consequently) the expression «Wicked Priest» is used in generic sense <...>³⁴. This conclusion which puts an end to the identification of «the Wicked Priest» with one Hasmonaean high priest, paves the way for a reconsideration of the historical allusions of *IQpHab*»³⁵.

³³ This figure could be identified with the Essene leader Judah mentioned by Joseph Flavius in *The Jewish War*, I, 78–80 and *Antiquities*, XIII, 311–313. Judging by these two passages, he was an «old man» at the time of Aristobulus I (104–103 B.C.E.) and Alexander Jannaeus (cf.: B. T. Kiddushin, 66a and *Antiquities*, XIII, 290–292) and had the ability to portend future events.

³⁴ The idea that the designation «the Wicked Priest» could have been «superpersonal» rather than «individual» was first expressed in: Brownlee, 1952, 10–20; Idem, 1979: 49; Idem, 1982: 15–37; cf.: Dupont-Sommer, 1951: 35f. (in later works, this researcher identified the «Wicked Priest» of *IQpHab* and *4QpPs37* with Hyrcan II alone; see, *e. g.*: Dupont-Sommer, 1980: 361–368); Vermès, 1954: 92–100. See also, *e. g.*: Woude, 1982: 349–359; Fröhlich, 1986: 392f.

³⁵ Woude, 1995: 387f.

²⁹ See, *e. g.*: Tantlevskij, 1995; Idem, 2012: 98–123.

³⁰ Elliger, 1953: 266.

³¹ Brownlee, 1979: 49; Idem, 1982: 9.

³² Stegemann, 1971: 109–116.

As scholars supposed, it was Alexander Jannaeus who was designated as «the Young Lion of Wrath» (כפיר הזרין) in the Qumran Commentary on Nahum (4QpNah), fr. 2, 2–3 (this designation seems to contain ultimately the reminiscence of Jer. 26:20–23 and Prov. 19:12 and 20:2); in the Qumran Commentary on Hosea (4QpHos^b), fr. 2, 2–3, «the Young Lion of Wrath» is called as «the Last Priest» (כוהן האחרון) – *resp.* the last Hasmonaeian high priest. He was thus «last» among «the last priests of Jerusalem» living in «the last days» (1QpHab 9:4–6). As for the designations איש הכזב («Man of Lies»), משיף הכזב («the Exuding Falsehood»), הבוגדים («traitors»), בת אבשלום («the House of Abshalom»³⁶) attested in 1QpHab, it seems to us that they refer to the leader of the dissenters in the Qumran community and his adherents³⁷.

Conclusion: Taking into account all the information given above it is very likely that at the beginning of the first century B.C.E. the Qumranites held Alexander Jannaeus to be the last (wicked) Judaeian high priest and king because they believed that they lived on the eve of the Eschaton and the advent of the priestly and lay Messiah. That is the reason why the author of the Commentary on Nahum, compiling it (*ex hypothesi*) in 88 B.C.E., is sure that the events he describes in the composition take place «in the last days».

Designation of the Pharisees – with whom the Qumranites were at enmity – as דורשי חלקות, in all likelihood, originated as a pejorative parody of close-sounding name דורשי הלכות, *i. e.*, the «interpreters/expounders of the *halakhoth* (laws)», which was used to refer to the teachers of the Law (probably already since the time of the first Tannaim; cf., *e. g.*: *M. Nedarim*, IV, 3; *B. T. Betzah*, 15b). The Pharisees (Gr. Φαρισαῖοι; from Aram. פרושיא, *lit.*: «separated» (from the «people of the land», *resp.* from the profane life); another possible interpretation: «commentators», «expounders» (of the Law)) were the most numerous and influential religious group in Judea in the 2nd century B.C.E. – the 1st century C.E. (Josephus, *Antiquities*, XVII, 42) and considered to

be «the most skilled (people) in the strict interpretation of the laws» (Josephus, *Jewish War*, II, 162), so that the prayer rituals and sacrifices were made «in accordance with their interpretation» (Josephus, *Antiquities*, XVIII, 15).

Let us note *ad hoc*, that the term הלכה, *halakhah*, *resp.* plural הלכות, *halakhoth*, is found in the literature of Tannaim and Amoraim. It is not used in the Hebrew Bible and is not attested in the *extant* sources of the Second Temple period. Verbal noun הלכה, *lit.*: «walking», formed according to the Aramaic word formative model from the verb הלך, *lit.*: to «go», which has a connotation in the Hebrew Bible – to «observe» laws and regulations (see, *e. g.*: *Ex.* 16:20; *Lev.* 26:3; *Ez.* 37:24). Thus, the high share of probability of the suggestion concerning the pejorative correlation of דורשי חלקות with דורשי הלכות allows us to assume that the latter designation was used in Judaea as a *terminus technicus* with reference to the Pharisees' interpreters of the laws already in the Hellenistic period.

Of particular interest is the use of the term תלמוד (*talmud*, *lit.*: «teaching») in the Qumran Commentary on Nahum in the context of the activity of the «interpreters/expounders of smooth thing (slippery)». In 4QpNah, fr. 3–4, 2:8–10, it is stated that they «lead many (people) astray by their false teachings (בתלמוד שקרם), the language of deceit and cunning mouth» and that it will lead people to destruction. Before the Qumran discoveries, the term תלמוד, *talmud*, was attested only in the late postbiblical literature. This term is used to denote the Jerusalem Talmud (codified in the second half of the 4th century C.E.) and the Babylonian Talmud (the end of the 5th century C.E.) containing the system of laws, crystallized from the *halakhah* which was elaborated by the Pharisaic teachers of the Law (proto-Tannaim) already in the period of the Second Temple (see, *e. g.*: *M. Avoth*). The first pair of teachers of the Law – Yose, son of Yoezer, and Yose, son of Yohanan, – acted in the period of the persecution of the Judaeans initiated by Antiochus IV Epiphanes (the middle of the 160s B.C.E.). It was among the Pharisaic teachers of the Law that the Oral Law received its initial clearance, which subsequently finds its classic expression in the Mishnah and the Gemara (the Jerusa-

³⁶ Abshalom was King David's son who rebelled against his father.

³⁷ See in detail, *e. g.*: Tantlevskij, 2012: 98–123.

lem and Babylonian Talmuds). The nucleus of this Pharisaic teaching – in the form in which it existed at the time of the composition of the Qumran Commentary on Nahum – in all prob-

ability, gets the designation תלמוד, *talmūd*, in it. Probably, this term used in the meaning of the «teaching» of the Pharisaic masters was widespread in Judaea in that time.

References

- Allegro, J.M. (1956). Further Light on the History of the Qumran sect. In *Journal of Biblical Literature*, 75, 89–93.
- Allegro, J.M. (1959). THRAKIDAN, The «Lion of Wrath» and Alexander Jannaeus. In *Palestinian Exploration Quarterly*, 91, 47–51.
- Allegro, J.M. (1968). *Qumran Cave 4.I (4Q158–4Q186). Discoveries in the Judaean Desert 5*. Oxford: Clarendon Press, 37–42, plates xii–xiv.
- Amusin, I.D. (1962). Kumranskiy kommentariy na Nauma [The Qumran Commentary on Nahum]. In *Vestnik Drevney Istorii*, 4, 101–110.
- Amusin, I.D. (1963). Ephraim et Manasse dans le Pesher de Nahum (4QpNahum). In *Revue de Qumrân*, 15, 389–396.
- Amusin, I.D. (1971). *Teksty Kumrana [Qumran-Texts]*. Moscow: Nauka.
- Berrin, Sh.L. (2004). *The Pesher Nahum Scroll from Qumran: An Exegetical Study of 4Q169*. Leiden: Brill.
- Brownlee, W.H. (1952). The Historical Allusions of the Dead Sea Habakkuk Midrash. In *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 126, 10–20.
- Brownlee, W.H. (1979). *The Midrash Pesher of Habakkuk*, Missoula: Scholars Press.
- Brownlee, W.H. (1982). The Wicked Priest, the Man of Lies, and the Righteous Teacher: The Problem of Identity. In *The Jewish Quarterly Review*, 73.1, 1–37.
- Callaway, P.H. (1988). *The History of the Qumran Community*. Sheffield: Sheffield Academic Press.
- Chapman, D.W., Schnabel, E.J. (2015). *The Trial and Crucifixion of Jesus: Texts and Commentary*. Mohr Siebeck: Tübingen.
- Charlesworth, J.H. (2002). *The Pesharim and Qumran History: Chaos or Consensus?* Grand Rapids, MI; Cambridge, U.K.: Eerdmans.
- Coogan, M.D. (2009). *A Brief Introduction to the Old Testament*, Oxford: Oxford University Press.
- Cross, F.M. (1958). *The Ancient Library of Qumran and Modern Biblical Studies*. New York, NY: Doubleday.
- Dąbrowa, E. (2010). Demetrius III in Judea, *Electrum*, 18, 175–181.
- Diakonov, I.M. (1956). *Istoria Midii ot drevneysikh vremen do konca IV v. do n. e. [The History of Medians from Ancient Times to the End of the 4th Century B. C.E.]*. Moscow-Leningrad: Nauka.
- Doudna, G.L. (2001). *4Q Pesher Nahum: A Critical Edition*. Sheffield: Sheffield Academic Press.
- Driver, G.R. (1965). *The Judaean Scrolls: The Problem and a Solution*. Oxford: Oxford University Press.
- Dupont-Sommer, A. (1951). *Aperçus préliminaire sur les manuscrits de la Mer Morte*. Paris: Librairie A. Maisonneuve.
- Dupont-Sommer, A. (1963). Le Commentaire de Nahum decouvert pres de la mer Morte (4QpNah): Traduction et notes. In *Semitica*, XIII, 55–88.
- Dupont-Sommer, A. (1980). *Les écrits essenien decouverts pres de la mer Morte*. 4 ed., Paris: Payot.
- Eissfeldt, O. (1964). *Einleitung in das Alte Testament unter Einschluß der Apocryphen und Pseudoepigraphen sowie die apocryphen und pseudoepigraphenartigen Qumran-Schriften*. Entstehungsgeschichte des Alten Testaments, 3. neubearbeitete Aufl., Tübingen: Mohr Siebeck.
- Elliger, K. (1953). *Studien zum Habakuk-Kommentar vom Toten Meer*. Tübingen: Mohr Siebeck, 1953.
- Flusser, D. (1961). The Judaen Desert Sect. In *Le Muséon*, 19, 456–458 (in Hebrew).
- Flusser, D. (1970). Pharisees, Sadducees and Essenes in Pesher Nahum. In *G. Alon Memorial Volume*, Tel-Aviv, 133–168 (in Hebrew).

- Fröhlich, I. (1986). Le genre littéraire des Pesharim de Qumran. In *Revue de Qumrân* 47, 383–398.
- Hartog, P.B. (2017). *Pesher and Hypomnema. A Comparison of Two Commentary Traditions from the Hellenistic-Roman Period*. Leiden; Boston: Brill.
- Horgan, M. (1979). *Pesharim: Qumran Interpretation of Biblical Books*, Washington, D.C: Catholic Biblical Assn of America.
- Horgan, M.P. (2002). Nahum Pesher (4Q 169 = 4QpNah). In *Pesharim, Other Commentaries, and Related Documents*, ed. J. H. Charlesworth, The Dead Sea Scrolls 6B. Morh Siebeck, Tübingen; Louisville.
- García Martínez F., Tigchelaar E. J. C. (1999). *The Dead Sea Scrolls Study Edition*. Leiden; New York; Köln: Brill. Vol. 1: 1Q1–4Q273. Leiden.
- Jeremias, G. (1963). *Der Lehrer der Gerechtigkeit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Levy, I. (1956). Demetrius and Antiochus in the Commentary on Nahum. In *Massa'*, 35 (in Hebrew).
- Loewenstamm, Sh.A. (1956). The Commentary on Nahum: War with the Pharisees. In *Haaretz (Tarbut wesifrut)*, 3.V III (in Hebrew).
- Milik, J.T. (1959). *Ten Years of Discovery in the Wilderness of Judaea*, transl. by J. Strugnell. London: SCM Press.
- Pinker, A. (2005). Nahum – The Prophet and His Message. In *Jewish Bible Quarterly*, 33, 81–90.
- Rabinowitz, I. (1978). The Meaning of the Key («Demetrius») Passage of the Qumran Nahum-Pesher. In *Journal of the American Oriental Society*, 98, 394–399.
- Richards, K.H. (2006). *Nahum Introduction*. New York, NY: Harper Collins.
- Rowley, H.H. (1956). 4QpNahum and the Teacher of Righteousness. In *Journal of Biblical Literature*, 75, 188–193.
- Saldarini, A.J. (2001). *Pharisees, Scribes and Sadducees in Palestinian Society*. Grand Rapids, MI; Cambridge, U.K.; Livonia, MI: Eerdmans.
- Schonfield, H.J. (1956). *Secrets of the Dead Sea Scrolls: Studies Towards Their Solution*. London: T. Yoseloff.
- Schiffman, L.H. (1993). Pharisees and Sadducees in Pesher Nahum. In *Minhah le-Nahum: Biblical and Other Studies Presented to Nahum M. Sarna in Honour of his 70th Birthday*, eds. M. Brettler and M. Fishbane, Sheffield: Sheffield Academic Press, 272–290.
- Stauffer, E. (1957). *Jerusalem und Rom im zeitalter Jesu Christi*. Bern: Verlag A. Francke.
- Stegemann, H. (1971). *Die Entstehung der Qumrangemeinde*, Bonn: Rheinischen Friedrich-Wilhelms Universität.
- Stegemann, H. (1993). *Die Essener, Qumran, Johannes der Täufer und Jesus*. Freiburg.
- Strugnell, J. (1970). Notes en marge du volume V des «Discoveries in the Judaean Desert of Jordan». In *Revue de Qumrân* 7, 204–210.
- Tantlevskij, I.R. (1995). *The Two Wicked Priests in the Qumran Commentary on Habakkuk*. Qumranica Mogilanensia. App. C. Kraków: The Enigma Press.
- Tantlevskij, I.R. (2012). *Zagadki Rukopisey Mertvogo Morja. Istoriya i Uchenije Obschiny Kumrana [Riddles of the Dead Sea Manuscripts. The History and Teaching of the Qumran Community]*. Saint Petersburg: RCHGA Publishing House.
- Tantlevskij, I.R. (2016). Further Considerations on Possible Aramaic Etymologies of the Designation of the Judaean Sect of Essenes (Ἐσσηαῖοι/Ἐσσηνοί) in the Light of the Ancient Authors Accounts' of Them and the Qumran Community's World-View. In *Schole*, 10.1, 61–75.
- VanderKam, J.C. (2003). Those Who Look For Smooth Things, Pharisees, and Oral Law. In *Emanuel. Studies in Hebrew Bible, Septuagint and Dead Sea Scrolls in Honour of Emanuel Tov*, eds. S. M. Paul, R. A. Kraft, L. H. Schiffman, W. W. Fields. Leiden; Boston: Brill, 465–477.
- Wise, M.O. (2003). Dating the Teacher of Righteousness and the floruit of his Movement. In *Journal of Biblical Literature*, 122, 53–87.
- Vermès, G. (1954). *Les manuscrits du desert de Juda*. 2 ed. Paris: Tournai.
- Woude van der, A. S. (1982). Wicked Priest or Wicked Priests? Reflections on the Identification of the Wicked Priest in the Habakkuk Commentary. In *Journal of Jewish Studies*, 33, 349–359.

Woude van der, A.S. (1995). Review of: Tantlevskij, I.R. (1995), *The Two Wicked Priests in the Qumran Commentary on Habakkuk*. *Qumranica Mogilanensia*. Appendix C of «The Qumran Chronicle». Cracow: The Enigma Press. In *Journal for the Study of Judaism*, 26, 387–388.

Yadin, Y. (1971). Peshar Nahum (4QpNahum) Reconsidered. In *Israel Exploration Journal*, 21, 1–12.

DOI: 10.17516/1997-1370-0791
УДК 902.24

To the Question of Location of the First Achinsk “Ostrog”

Victor Ya. Butanaev^a, Sergey G. Skobelev^b
and Alexander V. Chumanov^{*c}

^a*Khakas State University named after N. F. Katanov*

Abakan, Russian Federation

^b*Novosibirsk State University*

Novosibirsk, Russian Federation

^c*Museum of the history of Tomsk*

Tomsk, Russian Federation

Received 28.01.2021, received in revised form 14.07.2021, accepted 10.08.2021

Abstract. According to documents of the 17th century, this «ostrog» (wood-earth fortress) was built in 1641 in the Achinsk «volost» (county) on the Syzyrim lake near the Belyi Ius river. However, on modern maps of the region, there is no lake under this name. Therefore, various lakes were identified in the scientific literature with this hydronym. Accordingly, the location of the Achinsk «ostrog» was supposed to be on a very large territorial extent – from the modern city of Achinsk in the north to the foot of the Western Saian. However, in reality is quite possible to establish the location of lake Syzyrim. It is indicated in the road descriptions of G. F. Miller 1740: the left bank of the Chulym River (formerly Belyi Ius) opposite the village of Dorokhovo. This settlement exists and now, and on its northern outskirts there is a lake called Domashnee. It is with him and should be identified Lake Syzyrim, the more so that G. F. Miller gave the first name of the village Dorokhovo – Syzyrimskaya. In the course of our field work on the southern side of this lake, traces of the moats and ramparts have been discovered, creating in the plan a general view of the trapezium, where the northern side is the steep bank of the lake. The study tested that this is the remains of the first Achinsk «ostrog», which is confirmed by the correspondence to this assumption of all known historical and cartographic data and, most importantly, the presence of an archaeological site with signs of defensive structures typical of the size and nature of the Russian Siberian «ostrog» of the XVII century. This determines the southernmost border of Russian advancement in Middle Siberia in the 1640s. Were obtained the necessary materials for future excavation studies of this archaeological object.

Keywords: Middle Siberia, first Achinsk «ostrog» (fortress), location, versions, field archaeological research, lake Domashnee (Syzyrim), remnants of the fortress.

Research area: history, archaeology.

The work was funded by the Russian Fund for Fundamental Studies, scientific project No. 20–09–42058 / 20.

Citation: Butanaev, V. Ya., Skobelev, S.G., Chumanov A. V. (2021). To the question of location of the first Achinsk «ostrog». J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 15(5), 741–748. DOI: 10.17516/1997-1370-0791.

К вопросу о месте нахождения первого Ачинского острога

В.Я. Бутанаев^а, С.Г. Скобелев^б, А.В. Чуманов^в

*^аХакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Российская Федерация, Абакан*

*^бНовосибирский государственный университет
Российская Федерация, Новосибирск*

*^вМузей истории Томска
Российская Федерация, Томск*

Аннотация. Цель исследования – ввод в научный оборот новых сведений о месте расположения этого острога, построенного в 1641 г. воинским отрядом под командованием Я. О. Тухачевского. Согласно документам XVII в., он был поставлен в Ачинской волости на оз. Сызырим у р. Белый Июс. Однако на современных картах региона озера под таким названием нет. Поэтому с данным гидронимом в научной литературе отождествляли различные водоемы. Соответственно, предполагались места расположения Ачинского острога на очень большом территориальном протяжении – от г. Ачинска на севере до подножия Западного Саяна на юге. Однако в действительности установить место нахождения оз. Сызырим вполне возможно, так как оно указано в путевых описаниях Г. Ф. Миллера 1740 г. – это левый берег Чулыма, напротив дер. Дорохово. Такой населенный пункт существует и в настоящее время, а на его северной окраине имеется озеро под названием Домашнее. Именно с ним и следует отождествлять оз. Сызырим, тем более что Г. Ф. Миллер привел и первое название дер. Дорохово – Сызыримская. В ходе проведенных нами работ методом полевого археологического исследования на южном берегу этого озера обнаружены следы западного, южного и восточного валов и рвов, создающих в плане общий вид трапеции, где северной стороной является крутой берег озера. Таким образом, видимо, это и есть остатки первого Ачинского острога. Тем самым определяется крайняя южная граница русского продвижения в Средней Сибири в 1640-е гг., что весьма важно для реконструкции истории этого процесса. Получены необходимые материалы для проведения в будущем раскопного изучения данного памятника истории и культуры.

Ключевые слова: Средняя Сибирь, первый Ачинский острог, место расположения, версии, полевые археологические исследования, оз. Домашнее (Сызырим), остатки острога.

Научная специальность: 07.00. 00 – исторические науки и археология.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–42058/20.

Введение

В истории русского освоения юга Средней Сибири в позднем Средневековье и начале Нового времени, несмотря на наличие значительного количества письменных источников русского и иностранного происхождения, отмечается еще значительное число нерешенных вопросов. Одним из них до сих пор являлось установление точного места постройки неоднократно упоминаемого в документах XVII в. первого Ачинского острога, основанного в Ачинской ясачной волости на р. Чулым в 1641 г. воинским отрядом под командованием Я. О. Тухачевского и переносившегося затем на новые места (Barakhovich, 2015). Относительно этой проблемы, давно занимающей внимание исследователей, но до сих пор не решенной, в 80-х гг. XX в. было известно около десятка версий. Наиболее полно они были проанализированы и изложены в работе Д. Я. Резуна (Rezun, 1984), а затем дополнительно охарактеризованы красноярским исследователем П. Н. Бараховичем (2015). Территориальный разброс районов, где предполагалось расположение острога, был очень велик – к югу от места, где стоит современный г. Ачинск, до озер Белё и Ши́ра в Ширинском районе и даже р. Есь в Таштыпском районе Республики Хакасия (почти у подножия Западного Саяна), т. е. на протяжении более 370 км с севера на юг (рис. 1).

Однако в 1989 г., формально не отвергая более раннюю версию, предполагавшую нахождение острога в районе Белого Июса, озер Белё и Ши́ра (1984: 30), Д. Я. Резун и Р. С. Васильевский указали еще одно такое место, в качестве которого назвали оз. Сизирим недалеко от р. Чулым, напротив нынешнего с. Дорохово, в 5-ти верстах выше западного притока Чулыма – р. Ада́дым (Rezun, Vasilievsky, 1989: 90). К сожалению, авторы не сообщили, откуда были почерпнуты приведенные сведения. Данную версию местонахождения поддержал В. Я. Бутанаев, добавив, что острог был поставлен у оз. Сизирим (Соломенное) на территории современного Назаровского района Красноярского края (Butanaev, 1995: 115).

П. Н. Барахович, проанализировав все имевшиеся на то время письменные источники, пришел к выводу, что Ачинский острог, возведенный людьми Тухачевского и красноярскими казаками, находился именно на месте нынешнего с. Дорохово, северная окраина которого выходит к небольшому озеру подковообразной формы под названием Домашнее (2015). Реально это старица Чулыма, еще соединенная с ним неширокой протокой, сама она состоит из двух частей, также соединенных протокой. Вероятно, это и есть тот самый Сизирим (Сызырим), поскольку иных озер в ближайшей округе не имеется (рис. 2).

В связи со сложившейся ситуацией, характеризующейся не полной историко-картографической определенностью, мы задались целью попытаться найти место расположения данного важного объекта историко-культурного наследия, включая его конкретную идентификацию на местности, для чего нужно было провести полевое изучение берегов оз. Домашнее. В случае успеха поиска решение данной проблемы стало бы важным вкладом в определение границы и этапов русского продвижения в сторону Минусинской котловины в 40-е гг. XVII в.

Материалы и источники

По истории создания острога имеется определенный объем исторических документов русского происхождения, где приводятся и сведения о месте его расположения. По большей части это уже опубликованные материалы трудов Г. Ф. Миллера (Miller, 1941: 84). Наиболее полно их использовал в своей работе П. Н. Барахович (2015), приведя и ряд новых сведений из архивных материалов, существенно дополняющих имевшуюся до этого информацию. Тем не менее остается поле для исследовательской деятельности в связи с необходимостью максимально полного охвата имеющейся проблематики, что и потребует привлечения сведений археологического характера. К сожалению, какие-либо археологические источники, касающиеся места расположения острога, до наших работ не были из-

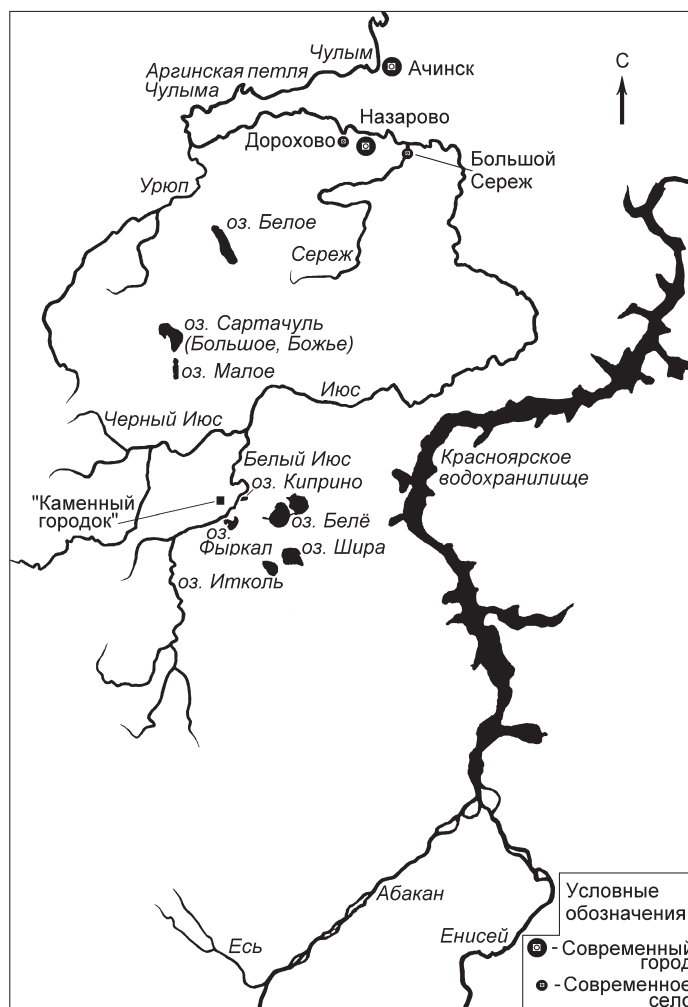

Рис. 1. Карта-схема региона, где разными авторами предполагалось место расположения первого Ачинского острога

Fig. 1. Map of the region where different authors assumed the location of the first Achinsk «ostrog»

вестны. Поэтому налицо основания для полевого поиска и исследования возможных остатков данного ценного памятника истории и культуры Красноярского края.

Результаты полевых исследований

В целях установления правомерности приведенных выше предположений Д. Я. Резуна и Р. С. Васильевского (1989), а также более конкретизированного мнения П. Н. Бараховича (2015), нами в мае 2015 г. было проведено полевое обследование северной части с. Дорохово, для чего

пройжены пешеходные маршруты от берега Чулыма на западной окраине с. Дорохово до находящегося северо-восточнее оз. Домашнее большого соснового бора – все это ниже по течению от упоминавшейся р. Ададым. Так, расстояние от ее устья (впадает в Чулым в черте г. Назарово) до середины оз. Домашнее составляет около 7,5 км, что приблизительно соответствует приведенному сообщению Г. Ф. Миллера (Miller, 2015). Северный берег озера ниже остальных и мог затопливаться во время разливов Чулыма; видимо, по этой при-

Рис. 2. Озеро Домашнее, бывшее Сызырим (материалы Google)

Fig. 2. Domashnee Lake, former Syzyrim (Google content)

чине здесь нет какой-либо современной застройки. С восточной, южной и западной сторон поверхность у озера заметно выше и здесь вплотную к его берегам подступают усадьбы жителей с. Дорохово. Не занят постройками и огородами лишь небольшой участок средней части южного берега озера, где расположено местное кладбище, ныне не действующее. Оно целиком занимает уплотненную земляную трапециевидную платформу, отличающуюся от остальной поверхности южного берега своей возвышенностью – разница в высоте достигает 2 м.

В результате детального осмотра платформы было установлено, что с западной стороны она ограничена до сих пор сохранившимся рвом в виде прямой линии (современная глубина рва – до 0,7 м) с участком вала (современная высота – до 0,5 м), расположенными перпендикулярно берегу озера (рис. 3). С восточной стороны платформа ограничена значительно более глу-

боким рвом, представляющим в настоящее время овраг максимальной глубиной до 3 м, идущий под углом около 60° к линии берега озера (рис. 4). Это отклонение и создает для платформы форму трапеции в плане. С южной стороны граница платформы выражена не столь явственно, но и здесь прослеживаются следы сильно оплывших рва и вала, идущих по прямой линии параллельно берегу озера (рис. 5). Важно отметить, что линия этих остатков на одном конце соединяется с южным окончанием западных рва и вала, а на другом с началом оврага. С северной стороны следы каких-либо земляных сооружений отсутствуют, и платформа ограничивается крутым скатом берега озера. В целом она имеет длину 60–65 м (с СВ на ЮЗ) и ширину около 40 м (с СЗ на ЮВ).

С учетом опыта изучения русских острогов XVII в. в Сибири можно отметить, что место расположения данной платформы соответствует условиям размещения подобных объектов – непосредственно на берегу

Рис. 3. Участок западных рва и вала острога (снято с ЮВ)
Fig. 3. Section of the western moat and rampart of the «ostrog» (filmed from SE)

Рис. 4. Восточный ров (овраг?) (снято с СВ)
Fig. 4. East moat (ravine?) (filmed from NE)

водоема, на самом возвышенном месте во избежание затопления во время наводнений, с учетом использования фортификационных особенностей местности (крутого берега или оврага). Поблизости от места строительства острога должен быть строительный

материал (обычно «красный», т. е. сосновый лес) – в данном случае современная опушка соснового бора находится на расстоянии около 0,5 км к северо-востоку; при этом следует указать, что, согласно «Росписному списку», составленному при передаче дел

Рис. 5. Участок южной стороны платформы – вероятно, засыпанный ров (снято с ЮВ)
 Fig. 5. The site on the south side of the platform is probably a covered moat (filmed from SE)

в остроге от Я. О. Тухачевского новому во-
 еводе И. Кобыльскому, одна из башен пер-
 вого Ачинского острога называлась именно
 Боровой (Rezun, 1984: 83–84). Выявленные
 нами остатки рвов и земляных валов, насы-
 павшихся, как и положено, на внутреннюю
 сторону, также похожи на таковые в русских
 острогах. Наконец, если это действительно
 остатки первого Ачинского острога, то и его
 размеры приблизительно соответствуют
 численности отряда Я. О. Тухачевского, со-
 ставившего затем первый гарнизон крепо-
 сти – не более 40 чел. (Rezun, 1984: 76).

Заключение

Как справедливо в свое время полагал
 Д. Я. Резун, для установления места распо-
 ложения первого Ачинского острога «инте-
 ресные данные могут дать полевая разведка
 и археологические работы...» (Rezun, 1984:
 34). Проведенные нами полевые исследо-
 вания по южному берегу оз. Домашнее это
 подтверждают. Данная местность, соот-
 ветствуя известным сведениям источни-
 ков, вполне пригодна для создания здесь
 русского острога и содержит вероятные
 следы его существования. Наличие клад-
 бища не должно нас смущать, поскольку

постоянное русское крестьянское насе-
 ление здесь появилось не менее чем через
 50 лет после переноса острога, когда место
 его бывшего расположения было уже явно
 задерновано. В Сибири есть примеры, ког-
 да на площади дворов даже действующих
 острогов возникали кладбища – например,
 в Умревинском остроге на Оби, построен-
 ном в 1703 г., первые погребения появились
 еще в XVIII в. (Borodovskii, Vorob'ev, 2005).
 Погребения обнаружены и на площади дво-
 ра Сосновского острога 1657 г. на р. Томи
 (Kimeev, 2018: 87–93). В русской сибирской
 этнографии известны случаи, когда клад-
 бища обносились рвами вместо деревян-
 ных ограждений (Berezhnova, Minin, 2009:
 249–250). Но в данном случае достаточно
 уверенно читаются и валы, которые распо-
 ложены с внутренней стороны, как и долж-
 но быть в случае с объектом оборонитель-
 ного назначения. Кроме того, в обычной
 обстановке русские кладбища устраивались
 на заметном удалении от берегов водое-
 мов – возможно, нынешнее его расположе-
 ние непосредственно на крутом южном бе-
 регу оз. Домашнее было связано с наличием
 уже готовых рвов ко времени совершения
 первых похорон.

Таким образом, на местности идентифицировано оз. Сызырим – нынешнее Домашнее, реально находящееся по течению Чулыма ниже от р. Ададым. Этим можно исправить допущенную Д. Я. Резун и Р. С. Васильевским ошибку, указавшим, что озеро и острог находятся выше по течению Чулыма от этого его левого притока (1989: 90). На южном берегу озера обнаружены остатки рвов и валов, в плане создающих оборонительную конструкцию трапецевидной формы размером, соответствующим численности отряда

Я. О. Тухачевского при создании им первого Ачинского острога в 1641 г. Рядом с этим объектом до сих пор стоит большой сосновый бор, что является немаловажным обстоятельством для определения места расположения любого русского острога XVII–XVIII вв., нуждавшегося именно в таком строительном материале. В целом проделанная нами работа помогает установить место расположения острога, маркирующего собой границу русского продвижения на юг Средней Сибири в 1640-е гг.

Список литературы / References

- Barakhovich P. N. (2015) Bor'ba s kniaziami yeniseiskikh kyrgyzov v 1641–1642 gg. i osnovanie Achinskogo ostroga [Muscovy's struggle against the Yenisei Kyrgyz's princes in 1641–1642 and founding of the Achinsk ostrog] [Electronic issue] *History of military art: researches and sources*, VII. 234–264. http://www.milhist.info/2015/11/25/barakhovich_1 (25.11.2015)
- Berezhnova, M. L., Minin, A. V. (2009). Kladbishche sela Bergamak: opyt monitoringa. 2. Planigrafia pogrebal'nogo kompleksa [Bergamak cemetery: monitoring experience. 2. Planigraphy of the burial complex], *In Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sociuma*, 11, 248–272.
- Borodovskii, A. P., Vorob'ev, A. A. (2005). Nekropol' na territorii Umrevinskogo ostroga [Necropolis on the territory of the Umrevinsky ostrog], *In Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Russian culture in archaeological research]*. Omsk, OmGU, 191–202.
- Butanaev, V. Ia. (1995). *Toponimicheskii slovar' Khakassko-Minusinskogo kraia [Toponymic Dictionary of Khakass-Minusinsk territory]*. Abakan, Khakasiia, 268 p.
- Igoshin, O. A. (2007). Na Belom Iuse i na ozere Syzyrime... (Ob osnovanii pervogo Achinskogo ostroga 1641 g. Zametki puteshestvennika) [On Bely Ius and Syzyrym Lake ... (On the foundation of the first Achinsk ostrog in 1641. Traveler's notes)], *In Eniseiskaya provinciia. Al'manakh [Yenisei province. Almanac]*, 3, 115–118.
- Kimeev, V. M. (2018). *Sibirskie ostrogi Pritom'ya [Siberian ostrogs of the Tom' River]*. Kemerovo, 156 p.
- Miller, G. F. (1941). *Istoriia Sibiri [History of Siberia]*. 2. Moscow, Leningrad, 638 p.
- Miller, G. F. (2015). Puteshestvie iz Krasnoiarska v Tomsk. 1740 g. [Traveling from Krasnoyarsk to Tomsk. 1740], *In Vostochnaya literatura [Oriental literature]*, http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_5/text5.phtml?id=10307 Data obrashcheniya [Date of the application] 18.04.2015.
- Rezun, D. Ya. (1984). *Russkie v Srednem Prichulym'e v XVII–XIX vv. (Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiia malykh gorodov Sibiri) [Russians in the Middle Chulym territory in the XVII–XIX centuries (Problems of social and economic development of small cities in Siberia)]*. Novosibirsk, 197 p.
- Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G. F. Millera* (1996). [Siberia of the XVIII century in the travel descriptions of G. F. Miller]. Novosibirsk, 312 p.